

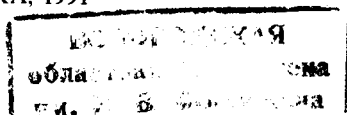
Виктор Петров

РУССКИЕ В ИСТОРИИ АМЕРИКИ

к 1163043

МОСКВА, НАУКА, 1991

63.3(7CWA)

ББК 63.3(0)

ПЗ0

+ КР

Петров В.

П 30 Русские в истории Америки. — М.: Наука, 1991. — 176 с.
ISBN 5-02-009073-5

Автор книги — американец русского происхождения, родившийся в 1907 г. в Китае. В одном из интервью он сказал о себе: "Я принадлежу трем культурам — русской, китайской и американской". Однако большая часть написанного Виктором Петровым так или иначе связана прежде всего с русской историей. Объединенные общим названием очерки о русских людях, оставивших заметный след в истории Америки, обращены к самому широкому кругу читателей.

П 0503010000-040 673—91, II полугодие
042(02)-91

ББК 63.3(0)

Научное издание

Петров Виктор

Русские в истории Америки

Утверждено к печати издательством "Наука"

Заведующая редакцией *И.С. Трахтенберг*. Редактор издательства *Л.А. Зуева*
Художник *А.П. Дегтярев*. Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технический редактор *И.И. Джиоева*. Корректор *Т.И. Липатова*.

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ N 47824

Подписано к печати 21.02.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная N 1

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл. печ. л. 11,0. Усл. кр.-отт. 11,3. Уч.-изд. л. 13,0

Тираж 10000 экз. Тип.зак. 1124 Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

2-я типография издательства "Наука"

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-009073-5

© Издательство "Наука", 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы советские читатели открыли для себя множество имен русского зарубежья. 12 сентября 1989 г. на страницах "Московской правды" появилось обширное интервью с русско-американским писателем и историком Виктором Порфирьевичем Петровым. Три месяца спустя рассказ о примечательной судьбе этого человека напечатала "Советская культура"¹. Теперь и наши читатели получают возможность познакомиться с новым для себя автором. Книга В.П. Петрова "Русские в истории Америки", впервые опубликованная в Вашингтоне в 1988 г., обращена к самому широкому кругу читателей. Написанная с симпатией и большим уважением к прошлому, она дает общее представление о вкладе выходцев из России в историю Соединенных Штатов.

Петров — весьма плодовитый автор (отсылаю читателя к списку его произведений в конце книги). Еще живя в Китае, он написал роман "Лола" и два сборника рассказов. В дальнейшем, после переезда в 1940 г. из Китая в США, опубликовал более двух десятков книг — восемь на английском языке. Среди последних книги по экономике и географии Китая, Монголии, несколько работ о Советском Союзе. Но тема "Русской Америки" занимает совершенно особое, можно сказать исключительное, место в его творчестве (во всяком случае, после 1940 г.). В этой связи достаточно назвать "Сагу Форты Росс" в двух книгах и трилогию "Колумбы российские", не считая других менее крупных сочинений.

Сочетая специальности географа и историка, В.П. Петров три десятилетия отдал преподавательской работе в университете Джорджа Вашингтона, в университете Виктории в Британской Колумбии (Канада), и, наконец, продолжительное время был профессором Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Книга "Русские в истории Америки" как бы подвела итог многогранной деятельности В.П. Петрова по изучению и популяризации русского наследия в Соединенных Штатах. Она содержит и краткий исторический обзор открытия и колонизации Россией Северо-Запада Америки (1741—1867), и очерк истории крепости Росс в Калифорнии (1812—1841), и биографии ведущих деятелей Русской Америки — Г.И. Шели-

¹ Журавлев В. Известный неизвестный // Сов. культура. 1989. 2 дек. С. 8.

хова, А.А. Баранова, Н.П. Резанова, И.А. Кускова и др. Особый интерес представляет раздел о главных правителях Русской Америки, основанный на очерках профессора Р.А. Пирса, публиковавшихся "Alaska Journal" (1971—1973), а затем изданных отдельной книгой². Менее систематически излагается материал о роли русских в истории самих Соединенных Штатов, хотя и здесь читатель найдет довольно обстоятельное описание деятельности Ф.В. Каржавина, И.В. Турчанинова, П.А. Дементьева и др.

Пожалуй, менее всего известна отечественному читателю история русской православной церкви в Америке — В.П. Петров освещает ее со знанием и любовью. Надо подчеркнуть, что после продажи Аляски Соединенным Штатам православная церковь стала главной хранительницей русского наследия в Америке. В соответствии со ст. 2 договора от 18(30) марта 1867 г. все церковные храмы на "уступленной территории" оставались "собственностью членов православной церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих этой церкви". Православные жители Русской Америки сохраняли полную свободу пользоваться "правом собственности и исповеданием своей веры (ст. 3)³.

Автор сообщает нам разнообразные сведения из истории православной церкви, ныне особенно полезные в связи с приближающимся 200-летием со дня прибытия первой православной миссии в Америку в 1794 г. во главе с архимандритом Иоасафом.

Высокой оценки заслуживает, в частности, очерк о выдающемся ученом и миссионере И.Е. Вениаминове (1797—1879), который внес огромный вклад в изучение языков народов Северо-Западной Америки — алеутов, эскимосов и тлинкитов, а в конце жизни стал митрополитом Московским и Коломенским. С большой теплотой описан и один из пионеров распространения христианства в русских колониях в Америке, инок Герман Аляскинский, канонизированный в 1970 г. русской православной церковью за рубежом и ставший таким образом первым православным святым в Западном полушарии. И хотя в отличие, скажем, от нынешнего епископа Ситкинского и Аляскинского Георгия В.П. Петров не стремится систематически изложить историю православной церкви на Аляске, все, что он сообщает, дает представление о том, каково значение православия в современной американской жизни.

Интересен и полон оригинальных наблюдений рассказ В.П. Петрова о посещениях им в 80-е годы Аляски, в том числе — об участии в юбилейных торжествах по случаю 200-летия основания Г.И. Шелиховым и его женой Натальей Алексеевной постоянных русских поселений на северо-западном берегу Американского континента.

Конечно, придирчивый читатель найдет в книге В.П. Петрова погрешности, повторы и неточности, отчасти они порождены структурой книги — включением материала, написанного в разные годы. Мы не хотели вторгаться в авторский текст и поэтому воздержались

² Pierce R.A. Builders of Alaska — The Russian Governors, 1818—1867. Kingston, 1986.

³ Полный свод законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1871. Т. 42, отд. I. 1867. N 44518. С. 421—424.

от существенных поправок и сокращений. В случае необходимости читатель может обратиться к специальным исследованиям, в которых найдет более подробные и систематические сведения по истории Русской Америки и русско-американских отношений XVIII—XIX вв.⁴

Лишь в некоторых случаях было сочтено возможным внести фактические исправления в отношении отдельных лиц и дат, в частности исправлены написание фамилии российского посланника в Вашингтоне, подписавшего 18(30) марта 1867 г. договор о продаже Аляски, это не "барон де Штакель", а Эдуард Андреевич Стекло — под этим именем значится он в русских документах⁵, кстати сказать, бароном он не был; и месяц подписания договора — не "октябрь", а март.

Хотя книга В.П. Петрова не может претендовать на специальное исследование роли русских в ранней американской истории, надеюсь, что этот популярный очерк окажется полезным широкому кругу читателей, интересующихся Русской Америкой.

Член-корреспондент АН СССР

Н.Н. Болховитинов

Январь 1991 г.

⁴ См. в частности: *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861—1863. Ч. 1—2; *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939; *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения, 1775—1815. М., 1966; *Он же.* Русско-американские отношения, 1815—1832. М., 1975; *Он же.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1839—1867. М., 1990; *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971; [*Хлебников К.Т.*] Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., введ. и коммент. Р.Г. Ляпуновой, С.Г. Федоровой. М., 1979; [*Хлебникова К.Т.*] Русская Америка в "Записках" Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск / Сост., предисл., коммент. и указ. С.Г. Федоровой. М., 1985.

⁵ Архив внешней политики России. Ф. Дел личного состава. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 3127; Исполнительное отделение, I стол. 1869. Д. 55. Л. 11—14 (аттестат Э.А. Стекла от 3 мая 1869 г. ст.ст.).

хова, А.А. Баранова, Н.П. Резанова, И.А. Кускова и др. Особый интерес представляет раздел о главных правителях Русской Америки, основанный на очерках профессора Р.А. Пирса, публиковавшихся "Alaska Journal" (1971—1973), а затем изданных отдельной книгой². Менее систематически излагается материал о роли русских в истории самих Соединенных Штатов, хотя и здесь читатель найдет довольно обстоятельное описание деятельности Ф.В. Каржавина, И.В. Турчанинова, П.А. Дементьева и др.

Пожалуй, менее всего известна отечественному читателю история русской православной церкви в Америке — В.П. Петров освещает ее со знанием и любовью. Надо подчеркнуть, что после продажи Аляски Соединенным Штатам православная церковь стала главной хранительницей русского наследия в Америке. В соответствии со ст. 2 договора от 18(30) марта 1867 г. все церковные храмы на "уступленной территории" оставались "собственностью членов православной церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих этой церкви". Православные жители Русской Америки сохраняли полную свободу пользоваться "правом собственности и исповеданием своей веры (ст. 3)"³.

Автор сообщает нам разнообразные сведения из истории православной церкви, ныне особенно полезные в связи с приближающимся 200-летием со дня прибытия первой православной миссии в Америку в 1794 г. во главе с архимандритом Иоасафом.

Высокой оценки заслуживает, в частности, очерк о выдающемся ученом и миссионере И.Е. Вениаминове (1797—1879), который внес огромный вклад в изучение языков народов Северо-Западной Америки — алеутов, эскимосов и тлинкитов, а в конце жизни стал митрополитом Московским и Коломенским. С большой теплотой описан и один из пионеров распространения христианства в русских колониях в Америке, инок Герман Аляскинский, канонизированный в 1970 г. русской православной церковью за рубежом и ставший таким образом первым православным святым в Западном полушарии. И хотя в отличие, скажем, от нынешнего епископа Ситкинского и Аляскинского Георгия В.П. Петров не стремится систематически изложить историю православной церкви на Аляске, все, что он сообщает, дает представление о том, каково значение православия в современной американской жизни.

Интересен и полон оригинальных наблюдений рассказ В.П. Петрова о посещении им в 80-е годы Аляски, в том числе — об участии в юбилейных торжествах по случаю 200-летия основания Г.И. Шелиховым и его женой Натальей Алексеевной постоянных русских поселений на северо-западном берегу Американского континента.

Конечно, придирчивый читатель найдет в книге В.П. Петрова погрешности, повторения и неточности, отчасти они порождены структурой книги — включением материала, написанного в разные годы. Мы не хотели вторгаться в авторский текст и поэтому воздержались

² Pierce R.A. Builders of Alaska — The Russian Governors, 1818—1867. Kingston, 1986.

³ Полный свод законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1871. Т. 42, отд. I. 1867. N 44518. С. 421—424.

от существенных поправок и сокращений. В случае необходимости читатель может обратиться к специальным исследованиям, в которых найдет более подробные и систематические сведения по истории Русской Америки и русско-американских отношений XVIII—XIX вв.⁴

Лишь в некоторых случаях было сочтено возможным внести фактические исправления в отношении отдельных лиц и дат, в частности исправлены написание фамилии российского посланника в Вашингтоне, подписавшего 18(30) марта 1867 г. договор о продаже Аляски, это не "барон де Штакель", а Эдуард Андреевич Стекль — под этим именем значитса он в русских документах⁵, кстати сказать, бароном он не был; и месяц подписания договора — не "октябрь", а март.

Хотя книга В.П. Петрова не может претендовать на специальное исследование роли русских в ранней американской истории, надеюсь, что этот популярный очерк окажется полезным широкому кругу читателей, интересующихся Русской Америкой.

Член-корреспондент АН СССР

Январь 1991 г.

Н.Н. Болховитинов

⁴ См. в частности: *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861—1863. Ч. 1—2; *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939; *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения, 1775—1815. М., 1966; *Он же.* Русско-американские отношения, 1815—1832. М., 1975; *Он же.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1839—1867. М., 1990; *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971; [*Хлебников К.Т.*] Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., введ. и коммент. Р.Г. Ляпуновой, С.Г. Федоровой. М., 1979; [*Хлебников К.Т.*] Русская Америка в "Записках" Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск / Сост., предисл., коммент. и указ. С.Г. Федоровой. М., 1985.

⁵ Архив внешней политики России. Ф. Дел личного состава. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 3127; Исполнительное отделение, 1 стол. 1869. Д. 55. Л. 11—14 (аттестат Э.А. Стекла от 3 мая 1869 г. ст.ст.).

хова, А.А. Баранова, Н.П. Резанова, И.А. Кускова и др. Особый интерес представляет раздел о главных правителях Русской Америки, основанный на очерках профессора Р.А. Пирса, публиковавшихся "Alaska Journal" (1971—1973), а затем изданных отдельной книгой². Менее систематически излагается материал о роли русских в истории самих Соединенных Штатов, хотя и здесь читатель найдет довольно обстоятельное описание деятельности Ф.В. Каржавина, И.В. Турчанинова, П.А. Дементьева и др.

Пожалуй, менее всего известна отечественному читателю история русской православной церкви в Америке — В.П. Петров освещает ее со знанием и любовью. Надо подчеркнуть, что после продажи Аляски Соединенным Штатам православная церковь стала главной хранительницей русского наследия в Америке. В соответствии со ст. 2 договора от 18(30) марта 1867 г. все церковные храмы на "уступленной территории" оставались "собственностью членов православной церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих этой церкви". Православные жители Русской Америки сохраняли полную свободу пользоваться "правом собственности и исповеданием своей веры (ст. 3)³.

Автор сообщает нам разнообразные сведения из истории православной церкви, ныне особенно полезные в связи с приближающимся 200-летием со дня прибытия первой православной миссии в Америку в 1794 г. во главе с архимандритом Иоасафом.

Высокой оценки заслуживает, в частности, очерк о выдающемся ученом и миссионере И.Е. Вениаминове (1797—1879), который внес огромный вклад в изучение языков народов Северо-Западной Америки — алеутов, эскимосов и тлинкитов, а в конце жизни стал митрополитом Московским и Коломенским. С большой теплотой описан и один из пионеров распространения христианства в русских колониях в Америке, инок Герман Аляскинский, канонизированный в 1970 г. русской православной церковью за рубежом и ставший таким образом первым православным святым в Западном полушарии. И хотя в отличие, скажем, от нынешнего епископа Ситкинского и Аляскинского Георгия В.П. Петров не стремится систематически изложить историю православной церкви на Аляске, все, что он сообщает, дает представление о том, каково значение православия в современной американской жизни.

Интересен и полон оригинальных наблюдений рассказ В.П. Петрова о посещении им в 80-е годы Аляски, в том числе — об участии в юбилейных торжествах по случаю 200-летия основания Г.И. Шелиховым и его женой Натальей Алексеевной постоянных русских поселений на северо-западном берегу Американского континента.

Конечно, придирчивый читатель найдет в книге В.П. Петрова погрешности, повторения и неточности, отчасти они порождены структурой книги — включением материала, написанного в разные годы. Мы не хотели вторгаться в авторский текст и поэтому воздержались

² Pierce R.A. Builders of Alaska — The Russian Governors, 1818—1867. Kingston, 1986.

³ Полный свод законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1871. Т. 42, отд. I. 1867. N 44518. С. 421—424.

от существенных поправок и сокращений. В случае необходимости читатель может обратиться к специальным исследованиям, в которых найдет более подробные и систематические сведения по истории Русской Америки и русско-американских отношений XVIII—XIX вв.⁴

Лишь в некоторых случаях было сочтено возможным внести фактические исправления в отношении отдельных лиц и дат, в частности исправлены написание фамилии российского посланника в Вашингтоне, подписавшего 18(30) марта 1867 г. договор о продаже Аляски, это не "барон де Штакель", а Эдуард Андреевич Стекло — под этим именем значится он в русских документах⁵, кстати сказать, бароном он не был; и месяц подписания договора — не "октябрь", а март.

Хотя книга В.П. Петрова не может претендовать на специальное исследование роли русских в ранней американской истории, надеюсь, что этот популярный очерк окажется полезным широкому кругу читателей, интересующихся Русской Америкой.

Член-корреспондент АН СССР

Н.Н. Болховитинов

Январь 1991 г.

⁴ См. в частности: *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861—1863. Ч. 1—2; *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939; *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения, 1775—1815. М., 1966; *Он же.* Русско-американские отношения, 1815—1832. М., 1975; *Он же.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1839—1867. М., 1990; *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971; [*Хлебников К.Т.*] Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., введ. и коммент. Р.Г. Ляпуновой, С.Г. Федоровой. М., 1979; [*Хлебников К.Т.*] Русская Америка в "Записках" Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск / Сост., предисл., коммент. и указ. С.Г. Федоровой. М., 1985.

⁵ Архив внешней политики России. Ф. Дел личного состава. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 3127; Исполнительное отделение, I стол. 1869. Д. 55. Л. 11—14 (аттестат Э.А. Стекла от 3 мая 1869 г. ст.ст.).

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ

Соединенные Штаты Америки, молодое независимое государство, в 1976 г. отпраздновало 200-летие своего существования. Фундамент этого государства — англосаксонская культура и традиционный протестантизм во всех его формах и проявлениях. Это и понятно, поскольку до завоевания независимости территория была английской колонией в Северной Америке.

Эти исторические факты известны всем, но очень немногие представляют себе, какую значительную роль сыграли на Американском континенте выходцы из России. Русские "открыли" северо-западный берег Америки — Аляску и Алеутские острова — в 1741 г., т.е. еще до того, как США стали независимым государством. А если верить легендам, то еще задолго до капитанов-командоров русского флота Беринга и Чирикова на Аляску приходили русские землепроходцы, и их первое появление там относят ко временам Ивана Грозного, т.е. к концу XVI в. Возможно, это были беглецы из разоренного Новгорода, ищущие спасения от грозного царя. Нужно, однако, отметить, что в действительности берега Америки были обнаружены на девять лет раньше, в 1732 г., экспедицией мореходов Федорова—Гвоздева.

Но легенды остаются легендами, если они не подтверждаются историческими фактами. Здесь, в этом труде, мы будем стараться базироваться на фактах, хотя многие из них могут показаться предрасположенному читателю фантастикой.

"Открытие" северо-запада Америки Берингом и Чириковым привело впоследствии к заселению Аляски и Алеутских островов русскими охотниками и промышленниками и присоединению этих территорий к владениям Российской империи, что, в свою очередь, привело к образованию знаменитой Российско-Американской компании (РАК). До образования РАК, получившей монопольные права на этих территориях, на Алеутских островах бойко промышляли морского зверя многочисленные сибирские торговые компании, яростно конкурировавшие между собой и даже враждовавшие.

С появлением РАК наступил период мирного внедрения русских на Американский континент, и с этим периодом неразрывно связаны имена основателя крупной меховой компании, предтечи РАК, Григория Ивановича Шелихова и первого правителя, русской колонии,

может быть, самого последовательного проводника имперской политики на Аляске и островах — Александра Андреевича Баранова.

После Баранова, до дня продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 г., Русской Америкой управляло еще тринадцать главных правителей.

Много русских имен, как-то прославившихся в Америке, вошло в историю. На страницах этой книги будет отмечена деятельность некоторых из них, как тех, кто проявил себя на территории Аляски и Алеутских островов, так и тех, кто позже принимал участие в создании и сохранении нового государства, Соединенных Штатов Америки, вплоть до конца XIX столетия.

* * *

Более пятидесяти лет тому назад автор этого труда серьезно заинтересовался историей русского периода Аляски и Алеутских островов. Меня интересовала судьба аборигенов: алеутов, индейцев, эскимосов и особенно креолов, принявших православную веру от первых миссионеров на Аляске, прибывших туда в 1794 г. Что случилось с потомками этих новокрещенных православных, в особенности со времени продажи Аляски? Сохранилось ли там наследие русской культуры?

В начале 40-х годов, т.е. по крайней мере 45 лет тому назад, в Сан-Франциско мне довелось много раз встречаться и разговаривать о судьбах Аляски с двумя просвещенными священнослужителями, истинными миссионерами православия на Аляске, теперь покойными о. М. Барановым и о. А. Присадским. Оба много лет провели на Алеутских островах и Аляске. Священник о. М. Баранов главным образом подвизался на Прибыловых островах, где ему удалось сохранить православие в его древней форме до наших дней.

Нужно сказать, что в этом смысле картина жизни там была в те времена безотрадней. Как видно, со времени продажи Аляски и отъезда русских на родину, русское влияние там стало падать. Православные церкви были единственным связующим звеном между местным населением и русской культурой. Постепенно число священников стало уменьшаться. Некоторые из них вернулись на родину, многие поумирали, кое-кто перебрался в континентальную Америку. Храмы остались без священников. Влияние церкви катастрофически упало. Еще сильнее удар по православию был нанесен революцией в России, когда прекратилась финансовая поддержка православных приходов от высшей церковной администрации в России.

По сведениям, полученным от названных выше миссионеров, и по впечатлениям от их рассказов мною был написан очерк "О Русской Аляске", опубликованный в 1945 г., т.е. больше сорока лет тому назад. Очерк написан в минорном тоне, с весьма пессимистическими прогнозами относительно будущего православия на Аляске. Он полностью, без изменений, помещается ниже.

В качестве добавления к нему я должен сказать, что, к счастью, положение на Аляске к настоящему времени изменилось, особенно с

того времени, как аляскинскую епархию возглавил энергичный епископ Григорий — сейчас правящий епископ Ситкинский и Аляскинский.

На о-ве Кадьяк теперь открыта семинария Св. Германа, в которой обучаются главным образом молодые люди — выходцы из местного населения. Окончив семинарию, они посвящают себя служению церкви, идут священниками в самые удаленные селения, десятки лет вообще не имевшие пастырей. Восстанавливаются старые полуразрушенные храмы, а там, где их не было, строятся новые.

Православие вернулось на Аляску, и количество приходов и церквей медленно, но неуклонно растет.

* * *

В следующих главах книги описывается история русского периода Аляски и история православия там не только во времена правления русской администрации, но и после продажи Аляски.

Во второй половине книги рассказано о русских, причастных к созданию нового государства — Соединенных Штатов Америки; отмечено пусть незначительное, но все же участие их в борьбе американцев за независимость во времена Дж. Вашингтона.

Более заметное участие принимали русские в гражданской войне между Севером и Югом, в которой решалась судьба и будущее Соединенных Штатов Америки. Здесь, конечно, уделено внимание приходу русских эскадр в американские порты в самый разгар войны. Эти эскадры своим присутствием в Америке сыграли существенную роль в сохранении единства американской нации.

О РУССКОЙ АЛЯСКЕ

МЫСЛИ ВСЛУХ

Однажды, мне случайно попал в руки исторический документ: официальная бумага конторы Российско-Американской компании на о-ве Кадьяк, адресованная в Кадьякскую духовную миссию еще в 1808 г. Документ сам по себе ничего особенного не представляет. Это выдержка из переписки конторы компании с миссией по обычному в те времена вопросу — выдаче разрешения на бракосочетание русского "промышленного" с алеуткой. Привлекло же мое внимание то обстоятельство, что бумажка была подписана самим управляющим компании Александром Андреевичем Барановым, ставшим уже легендарной личностью.

Привожу дословно этот занятный документ с сохранением его орфографии: "Записавшейся по здешнему Гражданству Иркутской Губернии Илгинской слободы крестьянин Константин Кобичев просил опознания Ему сочетаться Эзохинского Жила с девицею Агафьей Ювелиниевой дочерью по добровольному согласию их Законным Браком.

Апосему исоблаговолено будет по обряду чиноположения Сочетать их Браком”.

Под этим документом собственноручная подпись: ”Правитель Баранов” и дата ”Числа 15 апреля 1808-го года, Кадьяк”.

Энергичная подпись, со смелым уверенным росчерком — ”Правитель Баранов”! Невольно осторожнее прикасаешься к этому клочку бумаги, реликвии первых лет русского владения Аляской. Бумага очень неважного качества, шершавая, сиреневого цвета. В те годы Баранову было не до красивой бумаги и не до бумагописания. Слишком занят он был укреплением на территории, им занятой, постройкой фортов и поселков, защитой своих ”промышленных” от нападений индейцев. Человек, вышедший из низов многомиллионного русского народа, головой, упорством и неутомимой энергией пробивший себе путь, в те годы выполнял важную историческую миссию.

Несколько лет тому назад в одной из газет было помещено интервью с жительницей Аляски, весьма интересно описавшей условия жизни там в настоящее время. В это описание, однако, вкралась досадная неточность, которую мне хотелось бы исправить. В беседе было сказано, что в городе Джуно имеется отель ”Баранов”, названный в честь ”графа” Баранова, первого правителя Русской Аляски. А.А. Баранов никогда графом не был, а, как уже было отмечено, происходил из небогатой мещанской семьи, которая даже не была приписана к купеческой гильдии его родного города Каргополя. Я несколько не хочу этим умалить значения Баранова. Наоборот, хочу подчеркнуть, что он, не принадлежа к привилегированному классу, сумел добиться известного положения и в будущем репутации человека государственного масштаба.

Сами русские еще мало знали о Баранове, о его исключительной деятельности на Алеутских островах и Аляске, о том, в каких невероятно трудных условиях ему приходилось вести здесь большое важное дело, что называется, голыми руками, иногда не имея сношений с родиной, по два-три года не получая ни поддержки, ни припасов. Но за пределами России слава о нем разошлась по всему свету — от Гавайских островов до Бостона и от залива Сан-Франциско до Лондона. Знаменитые мореплаватели того времени, капитан Ванкувер и лейтенант Пьюджет, в воспоминаниях о плавании вдоль Тихоокеанского побережья Американского материка дали весьма лестный отзыв о государственном уме, способностях Баранова и о его умении ладить с туземцами.

Очевидно, что Баранову нужно было ладить с туземцами, наблюдать за своими землепроходцами, как-то уживаться с членами духовной миссии, с которыми у него с самого начала установились не совсем дружеские отношения, ему, кроме того, нужно было приложить немало усилий, чтобы не потерять те несколько судов, которые у него были, и добиться послушания их капитанов.

Среди его ”специалистов навигационного дела” особенно известен был гардемарин Талин. Талин решил, что ему, представителю благородного сословия, негоже подчиняться ”купчишке” Баранову, и между ними началась ожесточенная борьба. Распоряжения Баранова Талин не

выполнял, выходил в плавание на своем судне когда ему заблагорассудится и, в конце концов, в шторм потерял судно, больше половины команды и едва спасся сам.

В этих трудных условиях Баранову приходилось продолжать начатое им дело. Наконец, вероятно, благодаря лестным отзывам о Баранове из-за границы, и в частности сообщениям Ванкувера и Пьюджета, русское правительство, по совету члена правления Российско-Американской компании Н. Резанова, возвело А.А. Баранова в чин коллежского советника. Этот чин укрепил авторитет Баранова не только среди туземцев, но и среди бунтарски настроенных подчиненных, особенно навигаторов, ибо отныне Баранов мог разговаривать с ними не как "купчишка", но как равный по сословию и старший по положению.

После смерти Баранова, смены одного за другим тринадцати его преемников и продажи Аляски, многие исторические памятники, свидетельствующие о пребывании русских на Аляске, пропали или пришли в упадок. Однако кое-что до сих пор еще сохранилось. В запущенных ныне часовнях можно найти утварь, иконы и книги, способные пролить свет на деяния наших предков. К сожалению, многое из этого пришло в ветхость, гибнет за отсутствием надлежащего ухода, и мне думается, что русским нужно принять какие-то меры, чтобы сохранить последние остатки нашей истории на Американском континенте.

К сожалению, трудно согласиться с выводами, сделанными жительницей Аляски в упомянутом выше интервью, где она винит североамериканскую православную митрополию в невнимании к нуждам православной Аляски.

Правда, храмы и часовни разрушаются, крыши их протекают, ценные иконы и утварь гибнут, иконы часто весьма старинного письма, но нужно понять, что митрополия не обладает средствами для ремонта храмов и часовен, что все наличные средства митрополии собираются самими православными людьми и являются добровольными пожертвованиями.

Все храмы в Америке ремонтируются средствами и силами каждой церковной общины и точно такое же положение существует в Аляскинских приходах. Нет необходимости говорить, что приход, не имеющий священника, начинает хиреть, интерес к храму теряется, необходимые духовные потребности не удовлетворяются, но это положение исправить трудно ввиду недостатка священников в настоящее время. Старых священников мало, а новых нет!

В тех же случаях, когда приход имеет священника, храмы начинают постепенно ремонтироваться, приводиться в надлежащий вид, прихожане охотно помогают своему пастырю — делается православное дело, а также сохраняется исторический памятник.

Как на пример можно указать на деятельность нескольких энергичных священников, к каковым принадлежали покойные теперь о. М. Баранов и о. А. Присадский. О. Александр Присадский за короткое время своего пребывания на Аляске с помощью прихожан отремонтировал храмы на Кадьяке и Афогнаке.

К сожалению, старинный храм на Кадьяке позже, в 1942 г., погиб

в пожаре, причины которого остались невыясненными. Сгорели и находившиеся внутри документы, старинные иконы и церковная утварь.

Вина митрополии не в том, что на Аляске мало священников, что храмы не ремонтируются, религиозные потребности населения не удовлетворяются в надлежащей степени (все это, как объяснялось выше, не по силам митрополии), а в том, что наша церковная власть относится вообще довольно халатно к историческим памятникам. Ведь если невозможно сохранить храмы и часовни, то можно было бы, по крайней мере, собрать старинную церковную утварь, иконостасы, архивы захиревших приходов и свезти их в какое-то одно место, будь то Джуно, Ситка или даже Сан-Франциско. Многие из оставшихся свидетельств старины представляют в настоящее время большую историческую ценность, и гибель их будет невозвратимой утратой.

Если не принять срочных мер, то нет никакого сомнения, что в самом непродолжительном времени, при том стремительном темпе разрушения, какой наблюдается сейчас, от памятников русской старины на Аляске и Алеутских островах ничего не останется.

Справедливости ради должен отметить, что часть переписки и многие документы были собраны и хранятся или в музее в Джуно, или в Библиотеке конгресса в Вашингтоне, куда они были взяты с разрешения православных церковных властей, но это относится только к разряду ценностей архивного характера.

Думается, что какой-то организации, будь то церковные власти или Русское историческое общество, или какое-то другое учреждение, нужно немедленно осмотреть все те места на Аляске и Алеутских островах, где еще сохранились остатки русского влияния, и произвести учет всего инвентаря, имеющего отношение к истории русского продвижения на американской земле. В частности, на упомянутом выше о-ве Афогнак стоит старинная русская церковь, в свое время отремонтированная силами прихожан благодаря энергии о. А. Присадского. В этой церкви — замечательный иконостас, исполненный в Киево-Печерской лавре и присланный на Аляску в 1903 или 1904 г. Все иконы этого иконостаса прекрасного письма. Там же в 1939 г. о. Александр случайно обнаружил икону, копию с известной "Самонаписавшейся" иконы Божьей Матери, присланную с Афона в конце прошлого столетия, о существовании которой никто даже не подозревал.

Перебирая бумаги архива, которым священник всегда интересовался, он обнаружил официальное распоряжение епархии из Сан-Франциско, датированное 1898 г., за подписью о. Федора Пашковского (позднее митрополита Феофила), в котором сообщалось, что икона, специально написанная на Афоне для православной епархии в Америке, постановлением церковной власти препровождается на Аляску.

Немало времени было потрачено о. Александром на поиски иконы. Никто из стариков, жителей острова, не помнил о получении этой иконы. Тогда был проверен каждый образ, находящийся в храме. Наконец однажды в алтаре священник снял со стены очередную икону, осторожно осмотрел ее и обнаружил на оборотной стороне, в углу, небольшой тайничок. Открыв тайник, священник нашел в нем препроводи-

тельную бумагу, подписанную епископом Афона и братией монастыря. В бумаге говорилось, что в тайничок положен позолоченный крест и 12 частиц Святых мощей. Все это о. Александром было обнаружено в целости и сохранности. Крест сиял золотом, точно был сделан вчера. Эта мастерски написанная икона до сих пор находится (с крестом и частицами мощей) в храме на о-ве Афогнак.

Храм после отъезда священника приходит в упадок и запустение. Не пройдет много времени, как крыша протечет, вода испортит иконостас, старые облачения и, конечно, архив, в котором сохранилось много старинных документов и переписки. Есть даже письма, написанные владыкой Тихоном, впоследствии Патриархом Всея Руси.

Передают, что прилив все ближе и ближе подбирается к храму. В бурные зимние дни седой океан бьется в ограду, бросает на нее громадные бревна, называемые на островах "выкидничками". Смует океан ограду, а там и саму церковь...

Тут же недалеко расположены островки Татытлак и Аехталик. На островках этих стоят еще старинные часовенки — ветхие, заброшенные, близкие к разрушению. Изредка, может быть, раз в десять лет наезжает на островки священник. Всякий, кто интересуется стариной, зайдя в часовенку, будет поражен тем историческим богатством, что находится внутри. Лики на иконах старинного письма, покрытые долголетней пылью, строго смотрят на пришельца; щели в стенах, дыры в крыше — но вдруг перед вашим пораженным взором является "Тайная вечеря" (в часовне на о-ве Татытлак), чудесно написанная неизвестным мастером. Оторвать глаз от этой иконы невозможно. Особенно поражает Иуда Искариот, поза его необычна, в глазах вызов и упрямая решимость пойти и сделать свое недоброе дело, в руке зажаты 30 сребреников! Когда была написана эта икона — сто, двести лет назад?..

В часовенке на о-ве Аехталик такое же внимание привлекает икона Благовещение, тоже старинного письма. Там же еще сохранились разнообразные церковные облачения и архив, возможно, и письма, писанные Барановым. Все это, конечно, осуждено на гибель, если не будут приняты немедленные меры.

Сами жители островов ничего сделать не способны. Там доживает вымирающее племя алеутов. На одном острове осталось только 26 человек. Все они больны туберкулезом, многие спились... Им, конечно, не до часовни и сокровищ, находящихся в ней. Во всем селении нет ни одной избы с целой крышей или забором.

Единственно, что можно сделать, это вывезти из всех заброшенных часовен, со всех островов оставшиеся там архивы, облачения и утварь, как я уже и предлагал, в какое-нибудь одно место — лучше всего, вероятно, в Форт Росс, сделав его сокровищницей русского наследия в Америке.

Конечно, это потребует большого труда — люди, выполняющие такое поручение, должны будут покрыть огромные расстояния в сотни и даже тысячи миль. Кроме того, понадобятся немалые деньги. Ни одна из русских организаций здесь — ни церковь, ни Русское историческое общество — такими средствами не обладают. Следова-

тельно, нужна широкая добровольная поддержка самого общества, всех тех, кто считает себя связанным культурными узами с Россией, ее прошлым, ее историей. Должна быть организована кампания по сбору средств, назвать эти пожертвования можно фондом сохранения русских исторических памятников или как-то иначе. И должны, конечно, найтись инициативные люди с любовью к нашему историческому прошлому.

Хочется верить, что мы еще не обмещанились, не покрылись пылью и паутиной обывательщины и что нам дорого наше прошлое... Думается, что многие из нас еще не оторвались от русского культурного наследия и мыслят себя потомками славных русских землепроходцев.

РУССКАЯ АМЕРИКА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

1

История русских владений в Америке охватывает период примерно в сто лет, а если считать со времени так называемого "открытия" северо-западных берегов Америки Берингом и Чириковым, то тогда этот период насчитывает даже более ста лет. Много писалось и до сих пор пишется об этом так называемом русском периоде в истории Аляски, пишется как русскими авторами, так и американскими. На основании этих описаний можно себе представить весьма красочную и яркую картину существования "Русской Америки" и портреты людей, вписавших много ярких страниц в историю этого интересного периода русского колониального опыта на Американском континенте.

Формально начало русского периода истории Аляски отсчитывается от второй камчатской экспедиции Беринга и Чирикова. Проникновение русских на Американский континент и особенно на Аляску началось, однако, много раньше, хотя точных исторических данных для этого утверждения нет. Исследователи русского проникновения на Американский материк отмечают много слухов и легенд, широко циркулировавших в Сибири, особенно в местах, находящихся в непосредственной близости к Аляске. В частности, о том, что задолго до основания Российско-Американской компании, вероятно, даже уже в XVI в., на Аляске были русские поселения. Упоминались даже причины возникновения этих поселений — первыми якобы поселились в этих местах новгородцы, после страшного разгрома "господина Великого Новгорода", учиненного царем Иваном Грозным. Несколько семей новгородцев, бежавших от гнева царя, скрылись в Сибири, а позже якобы добрались до берегов Восточного океана и даже смогли перебраться через пролив и обосновались по берегам диких, безлюдных рек Аляски. Как я уже сказал, документов, подтверждающих эти слухи, нет, однако нужно отметить, что новейшие исследователи Русской Америки принимают их во внимание. В частности, советский этнограф С.Г. Фе-

дорова, в своем труде, опубликованном в 1971 г., сообщает, что хотя "возможность выявления следов русских поселений полутора-или двухвековой давности практически стала маловероятной... тем не менее уже само по себе обилие в расспросных сведениях указаний на русские поселения свидетельствует о том, что Аляска в 17-м и в первой половине 18-го в. была, вероятно, объектом заселения русскими выходцами". Федорова основывает свое мнение на следующем: "Возможность такого заселения представляется вполне реальной, если учесть, что в эту эпоху русские землепроходцы и мореплаватели дошли до северо-восточной оконечности Азии и начали осваивать моря, омывающие берега Аляски". Этот малоизученный период заселения русскими Аляски ждет еще своего исследователя. И, может быть, когда-нибудь в будущем легенды о русских поселениях на Аляске получат научное подтверждение и станут историей. Или наоборот — будет доказана безосновательность подобных легенд.

Задолго до второй камчатской экспедиции Беринг и Чириков, прослышавшие о возможности нахождения русских поселений в Америке, потратили немало времени на поиски подтверждений тому в многочисленных документах сибирских архивов. И конечно, мореплаватели не могли даже предположить, что их экспедиция станет новой загадкой — загадкой, которая до сих пор не разгадана.

Первая камчатская экспедиция под командой Витуса Беринга была снаряжена по начертаниям императора Петра Великого и совершила свое историческое плавание в 1728 г. Задаaniem экспедиции, как известно, было определить, соединяются ли Азия с Америкой или между этими континентами существует пролив. Результаты экспедиции казались в общем неубедительными, хотя Беринг пришел к определенному выводу, что оба континента разделены проливом.

Прошло несколько лет, и уже после смерти Петра Великого была снаряжена вторая камчатская экспедиция, из двух кораблей, под общим командованием того же Витуса Беринга. Беринг вел головной корабль "Св. Петр", а капитаном второго корабля, "Св. Павел", был старший лейтенант Алексей Ильич Чириков. Главным заданием этой новой экспедиции было достичь берегов Америки и произвести их обследование. Оба судна, после зимовки в новозаложенном городе Петропавловске на Камчатке, вышли в свое историческое плавание 4 июня 1741 г. Путь был долгий, много времени было потеряно по настоянию Беринга на поиски какой-то фантастической земли Гама, которая якобы находилась в северной части Тихого океана.

Результатом этих безуспешных поисков, продолжавшихся 17 дней, было только то, что запасы провизии и воды на кораблях сильно сократились и даже успех и судьба самой экспедиции теперь оказались под сомнением. С большим сожалением Беринг отдал приказ прекратить поиски явно несуществующей земли Гама и взять курс к американским берегам.

И нужно было, чтобы именно в это утро, 21 июня 1741 г., корабли попали в густой туман, который разлучил их на все время экспедиции. Чириков на своем корабле "Св. Петр" потерял еще два дня в безуспешных поисках Беринга и, наконец оставив бесплодные попытки,

решил выполнять главное задание экспедиции — искать новую землю, Америку.

Чириков взял курс на восток, будучи уверен, что где-то там он непременно обнаружит западные берега Американского континента. Одно беспокоило его — то, что с каждым днем он уходил все дальше от русских берегов, в то время как запасы воды и провизии катастрофически уменьшались. Теперь уже необходимо было найти землю, если не для того, чтобы "открыть" Америку со стороны Тихого океана, то, по крайней мере, чтобы пополнить запасы воды и, если возможно, провизии.

Разум подсказывал — не рисковать жизнями членов команды, повернуть назад и признаться в неудаче экспедиции. Но страстное желание добиться намеченной цели требовало идти вперед, даже перед лицом страшной опасности. Чириков принял решение продолжать путь. В команде началось брожение, однако Чириков своего решения не отменил и не повернул корабль.

Несколько дней шел корабль на восток на всех парусах, подгоняемый попутным ветром. 11 июля, на сороковой день после выхода экспедиции из Петропавловска, над кораблем появились чайки... Вскоре вахтенные заметили в воде тяжелые туловища тюленей... Время от времени стали попадаться плавучие стволы деревьев. По всем признакам земля была близко.

Прошло еще четыре дня, и только 15 июля раздался с мачты долгожданный крик вахтенного матроса: "Земля!" Вскоре и с палубы увидели очертания береговой линии. Корабль стал медленно и осторожно подходить к берегу. Все время производились замеры глубины, и после трехдневных поисков нашли наконец под 57 градусом 15 минутой северной широты вход в обширную бухту. 18 июля 1741 г., как было написано в рапорте Чирикова, для "надлежащего о земли разведывания" с корабля была спущена одна из двух имевшихся шлюпок, на которой отправился штурман Авраам Дементьев в сопровождении десяти матросов. Всего на корабле "Св. Павел" было 78 человек. Десантный отряд Дементьева был вооружен, на шлюпке даже находилась небольшая медная пушка и две сигнальные ракеты. Кроме того, на случай встречи с туземцами, для подарков были взяты "один котел медный, один котел железный, двести корольков (очевидно, бусы), один тюнь китайки, пять гоиз и бумашка игол".

Вся команда корабля следила за медленно двигавшейся шлюпкой, все ближе и ближе подходившей к берегу. Скоро шлюпка скрылась за прибрежной скалой, за которой сам берег и место высадки не были видны. Прошло несколько томительных минут, и наконец с берега был подан сигнал, что экспедиция благополучно высадилась.

* * *

Дальше произошли события, которые до сих пор представляют загадку для историков. После высадки группы Дементьева прошло шесть дней, но никто на корабль не вернулся. Чириков стал беспокоиться. Может быть, их всех убили или захватили в плен местные жители?

Ждать дольше было нельзя, и Чириков решил отправить вторую и последнюю шлюпку с верными людьми, чтобы выяснить, что случилось с Дементьевым и его группой.

24 июля на последней шлюпке выехал на берег боцман Савельев и вместе с ним "плотник и конопатчик" со всем необходимым инвентарем, на тот случай, если первая шлюпка была повреждена и Дементьев не мог на ней вернуться.

Может быть, отправка второй шлюпки была неосторожным шагом, особенно потому, что на углу парусном корабле плотник и конопатчик были чрезвычайно нужные люди. Чирикову трудно было бы обойтись без таких людей. Но выбор был сделан, а главное нужно было как-то помочь первой группе или хотя бы выяснить ее судьбу.

С понятной тревогой следили с корабля за шлюпкой Сидора Савельева, которая шла к берегу. Вскоре она скрылась за скалой и, судя по времени, должна уже была пристать к берегу, с которого Савельев обещал дать условленный сигнал. Прошло несколько минут и вдруг с того места, где должен был высадиться Савельев, к небу вскинулся высокий столб дыма и пламени. Это не был условленный сигнал Савельева. Был ли это дым от подожженной шлюпки или условный сигнал индейцев, извещавших сородичей о новой победе над "бледнолицыми"? Неизвестно.

Наступил вечер. Всю ночь с угасавшей надеждой ждали возвращения шлюпок. Рано утром вахтенный увидел силуэты двух приближающихся лодок. Но радость команды была преждевременной. На лодках оказались индейцы, которые стали кричать: "Агай! агай!" — точно просили пришельцев следовать за ними к берегу. Затем они быстро скрылись за прибрежной скалой. Теперь можно было с уверенностью сказать, что обе группы Дементьева и Савельева были захвачены индейцами или просто убиты на месте. Все, что Чириков мог теперь сделать, это записать в судовой журнал: "...с посланными от нас людьми на берегу поступлено неприятельски: или их побили или задержали".

Еще два дня пробыл корабль у берега, хотя никакой надежды спасти людей уже не было. Подойти ближе к берегу значило рисковать судном. 27 июля 1741 г. Чириков созвал совет офицеров, на котором было решено отправиться в обратный путь, в Петропавловск, ибо дальнейшее промедление, недостаток провизии и воды могли привести к гибели всей команды.

Отметив в судовом журнале место высадки 15 членов своей команды, Чириков отдал приказ поднять все паруса и взять курс на запад.

Обратный путь корабля был кошмаром: проходили мимо каких-то островов, очевидно Алеутских, но нигде не останавливались. Чириков торопился вернуться домой, так как на корабле участились случаи заболевания цингой. 26 августа в судовом журнале была зарегистрирована первая смерть. Слег и сам Чириков. Только 12 октября измученная, больная команда увидела наконец берега Камчатки... "Св. Павел" вернулся в родной порт.

Судьба судна "Св. Петр", которым командовал Витус Беринг, была еще трагичнее. Потеряв корабль Чирикова в тумане, Беринг долго еще

блуждал по океану, пытаясь его найти. Только 16 июля "Св. Петр" подошел к американскому берегу, над которым возвышалась высокая гора. Америка, таким образом, была обнаружена и вторым кораблем экспедиции. Нужно согласиться, однако, что приоритет открытия северо-западного берега Америки все же принадлежит Чирикову, который подошел на своем "Св. Павле" к о-ву Ситка, теперь называемому о-вом Баранова, на два дня раньше.

16 июля корабль не смог приблизиться к берегу из-за сильного ветра. Нужно было отходить от опасных скал. Только 20 июля "Св. Петр" смог снова подойти к берегу примерно в том же месте, что и в первый раз. Высокую гору Беринг назвал горой Св. Ильи, потому что подошли к ней в день Ильи-пророка.

Хотя приоритет "открытия" принадлежит Чирикову, но Берингу удалось добиться большего. С корабля были спущены две шлюпки: одна под командой Хитрова, другую возглавил ученый Штеллер. Обе партии, высадившиеся на берег, а затем благополучно вернувшиеся на корабль, были таким образом первыми европейцами, исследовавшими эту часть северо-западного побережья Америки.

Миссия была выполнена, и Беринг отдал приказ отправиться в обратный путь. Но этот путь для многих оказался последним. В половине августа, когда до Петропавловска оставалось еще 1600 морских миль пути, на корабле было уже двадцать шесть больных цингой. Около одного из островов умер матрос Шумагин, остров назвали его именем и отметили на карте.

Только 4 ноября вдали показались очертания гор, но каково было разочарование измученных моряков, когда они определили, что это не Камчатка, а какой-то неведомый остров. Корабль стал у берега на якорь, чтобы дать отдых команде. Ночью большой волной корабль сорвало с якоря и перебросило через рифы в бухту. Капитан боялся, что судно не выдержит напора волн, и приказал команде перебраться на берег. Его опасения подтвердились — корабль вскоре был разбит.

Следующие несколько месяцев моряки жили на острове в суровых зимних условиях Дальнего Востока. Один за другим люди умирали от цинги. Их даже не хоронили. Горькая ирония судьбы была в том, что судно только немного не дошло до Камчатки, разбившись у островов, позже получивших название Командорских.

8 ноября умер Беринг. Его похоронили общими усилиями в неглубокой могиле в мерзлой земле. Сверху придавили камнями, чтобы могилу не разрыли песцы. Пережившие зиму члены экипажа летом построили бот из обломков разбитого корабля и 13 августа 1742 г. вышли в море. Через десять дней они уже были в Петропавловске. Так трагически закончилось "открытие" Америки русскими.

Дорога, проторенная Берингом и Чириковым, не заглохла. Позже по ней пошли новые Колумбы российские: Шелиховы, Барановы, Кусковы, пошли по-деловому. Они стали осваивать Америку добротню, чтобы осесть там и остаться надолго, может быть, навсегда.

Прошли десятилетия, но судьба отряда Дементьева продолжала волновать умы не только жителей Севера, но и вообще передовых людей России, а позже и иностранных исследователей. Высказывались

предположения, что пятнадцать моряков с корабля Чирикова остались живы и были поселены индейцами где-то на берегу неизвестной реки. Возможно, они обзавелись женами-индианками и у них появились дети. Испанцы, например, писали о встреченных ими "белых и белокурых индейцах" в 1774 г., т.е. через тридцать три года после исчезновения группы Дементьева. Ломоносов в 1763 г. написал следующее: "Если бы достать жителя земли, что лежит против Чукотского носу, то бы весьма уповательно было получить известие о тех россиянах, кои на западном Американском берегу Чириковым потеряны".

Значительно позже директор Российско-Американской компании камергер Н.П. Резанов во время своего посещения Новоархангельска в 1805 г. писал о потерянных людях Чирикова: "Случалось ему приставать и около 48 и 49 градусов северной широты, что ныне называется Новый Альбион. Он оставил штурмана Дементьева на двух гребных судах с русскими людьми, вооруженных. Сие было в 1741 году, ныне узнано, что те люди живы и размножились, водворясь прочною оседлостью, учредили колонии... Я и то слышал, что гишпанское правительство около 1780-х годов, когда нашли их, старались преклонить в свое подданство, но они не пошли, а считают себя истинно русскими... русские зделали прочные обселения во имя России в 1741 году и водворились". Очевидно, Резанов ошибся в местоположении высадки, потому что в судовом журнале Чирикова было записано 57° 50' северной широты.

Что произошло на берегу и почему 15 моряков не вернулись на корабль, как было описано выше, до сего дня является неразгаданной тайной. В последние годы интерес к их судьбе снова вспыхнул как со стороны американских, так и советских историков. Может быть, этот возобновившийся интерес подогревается новейшими открытиями и находками. Недалеко от места высадки чириковцев, как теперь выяснилось, испанские мореплаватели обнаружили у индейцев обломки штыка или шпаги несомненно русского происхождения. Об этой находке пишет испанская исследовательница Э. Вила-Вилар в работе, опубликованной в 1966 г.

Опять же относительно недавно, в 1937 г., на Кенайском полуострове Аляски были найдены следы какого-то древнего поселения. В селении оказались остатки 31 дома. По мнению исследователей, эти дома были построены до времени основания на Аляске Шелиховской компании, которая, как известно, появилась на Алеутских островах в конце XVIII столетия. Нет доказательств того, что эти дома были построены чириковцами. Если не ими, то кем? Может быть, легендарными новгородцами за два столетия до основания Русской Америки?

Русский миссионер, монах Герман Аляскинский, которого русская православная церковь в Америке причислила в 1970 г. к лику святых, писал в мае 1795 г. настоятелю Валаамского монастыря, что промышленные люди купца П.С. Лебедева-Ласточкина сообщали, будто "те русские люди от них близко, и хотя они с ними не видались, но очень слышно..."

Американский ученый Т.С. Фарелли, изучая характер найденных на Кенайском полуострове построек, исключал возможность постройки их

эскимосами: ни алеуты, ни индейцы таких домов не строили. Советский исследователь А.В. Ефимов тоже пришел к убеждению, что поселение было построено русскими. Другой советский исследователь, С.Г. Федорова, однако, несколько пессимистически сообщает, что в отношении поселения чириковцев ничего определенного утверждать нельзя. Очевидно, требуется еще большая, кропотливая работа и долгие поиски как на Аляске, так и в архивах России и Америки, чтобы прийти к определенному мнению.

После "открытия" Америки Берингом и Чириковым и после возвращения команд обоих кораблей с рассказами о виденных ими островах, изобиловавших диким зверем, а также о бесчисленных тюленях в районе этих островов начался период энергичного проникновения на Алеутские острова различных сибирских торговых компаний, главной целью которых стала добыча мехов, приносившая большие барыши. Началось беспощадное истребление зверей, возникла беспринципная конкуренция, доходившая часто до побоищ и даже убийств служащих и "промышленных" конкурирующих компаний. Эта анархия в истреблении морского зверя продолжалась почти 40 лет, пока монопольные права на охоту и рыбную ловлю не перешли к одной компании.

Советский исследователь Р.В. Макарова разделяет этот первый период проникновения русских промышленных компаний на Алеутские острова и Аляску на три этапа: первый — с 1743 по 1755 г., когда на острова были отправлены 22 промысловые экспедиции; второй этап — между 1756 и 1780 г., когда было послано 48 экспедиций; и, наконец, третий этап — с 1780 по 1800 г., во время которого были отправлены 22 экспедиции. Все они принесли компаниям большие доходы.

Состояние анархической конкуренции долго продолжаться не могло, и более крупные компании стали постепенно вытеснять мелкие. Уже к началу 1780 г. на островах работали только пять крупных компаний: якутского купца Лебедева-Ласточкина, тотмского — Г. Панова, иркутских купцов Киселевых, тульского — Ивана Орехова и камчатского — Луки Алина. В то время, в 1781 г., к ним присоединилась новая компания весьма энергичных И.И. и М.С. Голиковых и Г.И. Шелихова. Этой последней компании суждено было вытеснить всех конкурентов, получить монополию и вписать весьма интересную и захватывающую главу в историю русского проникновения на Аляску.

2

Следующий период в истории освоения Аляски начался с первого путешествия российского Колумба Григория Шелихова с женой Натальей Алексеевной на Алеутские острова. Это путешествие послужило началом серьезного проникновения русских на Американский континент, которое привело к присоединению Алеутских островов и Аляски к владениям Российской империи.

Нельзя не поразиться смелости и решимости Н.А. Шелиховой, разделившей с мужем опасности первого путешествия в неведомые места, за 40 лет до них обнаруженные Чириковым и Берингом.

Шелихова была из той категории женщин — умных, смелых и решительных, которыми так богата вся история России со времен основания государства и княгини Ольги. Участие русской женщины в строительстве государства, его укреплении и продвижении в Сибирь и на Дальний Восток и вообще та огромная роль, которую играли в истории России смелые пионерки, не были достаточно освещены в печати и еще ждут своего историка.

Русское проникновение на Американский материк еще раз продемонстрировало героизм русских женщин, среди которых нельзя не назвать Шелихову, первую белую женщину, вступившую на американскую землю в этой части света; Кускову, жену первого правителя Форты Росс в Калифорнии; Ротчеву, жену последнего правителя Форты Росс; баронессу Врангель, жену одного из правителей Русской Америки и, наконец, княгиню Максутову, жену последнего правителя Русской Америки, присутствовавшую на церемонии спуска русского флага в Новоранхгельске после продажи Аляски Соединенным Штатам.

* * *

Нужно, однако, вернуться к событиям, которые привели к основанию новой Российско-Американской компании, получившей монопольные права в Америке и управлявшей русскими колониями в Америке в течение почти 70 лет до продажи Аляски в 1867 г.

Возвращаясь к морским походам Григория Шелихова, прославившим его имя, нужно отметить, что, по всей вероятности, он не собирался делать никаких географических открытий ни для собственной славы, ни для прославления России. Цель его путешествия была вполне прозаической — найти места, богатые морским зверем, и организовать там промысел. Это обстоятельство, однако, не умаляет заслуг этого мужественного энергичного человека и его смелой жены, которые знали, конечно, чем кончилась первая русская экспедиция к суровым американским берегам.

16 августа 1783 г. экспедиция Шелихова в составе трех кораблей вышла в свое историческое плавание. Через несколько дней налетел свирепый шторм с ураганным ливнем, который разметал корабли. После того как шторм улегся и небо очистилось, на поверхности океана осталось только два корабля. Третий, "Михаил Архангел", исчез бесследно, очевидно, погиб со всем своим экипажем. Это было страшным ударом для Шелихова, полученным к тому же в самом начале путешествия.

Вскоре погода опять испортилась, свирепое море яростно набрасывалось на утлые корабли, с трудом отбивавшие атаки огромных волн. Нужно было искать убежища, чтобы спасти корабли и дать отдых команде. Шелихов решил даже перезимовать на одном из островов, чтобы весной с новыми силами отправиться дальше. Приняв это разумное решение, Шелихов пристал на зимовку к о-ву Беринга.

Только в июне 1784 г., через год после выхода кораблей в плавание, смогли оба судна продолжать свой путь к загадочным берегам Америки. Через несколько дней после этого второго отплытия на

океан опустился густой туман. Видимость ограничилась несколькими футами. В тумане, как в вате, глохли звуки. Корабли потеряли связь и шли вслепую... Наконец шелиховский корабль "Три Святителя" выбрался из тумана. Вокруг — спокойный, безбрежный океан, над головами — ясное синее небо, и никаких следов второго судна "Симеон и Анна". Он точно в воду канул. Корабли потеряли друг друга.

Шелихов не стал терять времени. Он отдал приказ продолжать путь на восток, хотя исчезновение "Симеона" вселило страх в сердца суеврных матросов: "Не перст ли Божий, указывающий, что впереди нет пути! Не повернуть ли обратно?!"

Но тут удача наконец улыбнулась путешественникам. Через несколько дней пути на горизонте показались очертания большого острова. Это был о-в Уналашка. У входа в бухту дрейфовало судно, оказавшееся потерянным "Симеоном". Шелихов просто глазам своим не верил.

Дальнейший путь на восток прошел спокойно, уже хотя бы потому, что у "Трех Святителей" был теперь неотлучный попутчик "Симеон и Анна".

В начале августа опять показалась земля. Это был о-в Кадьяк. Капитаны нашли прекрасную бухту, в которой могли поместиться десятки кораблей. Назвали ее бухтой "Трех Святителей" в честь флагманского судна экспедиции. Шелихов решил основать свою базу на берегу этой бухты и, возможно, снова зазимовать. На острове был найден хороший лес, так что можно было построить добротные избы. Запасов пищи было вдоволь, а кроме того, их можно было пополнять рыбной ловлей и охотой.

Две зимы провели Шелиховы на Кадьяке и только весной 1786 г. оба корабля вышли в обратное плавание, с трюмами, набитыми пушینیой. И во что уже совсем трудно поверить — за несколько дней до назначенного отплытия в гавани вдруг появился "погибший" корабль "Архангел Михаил", потерянный экспедицией почти три года тому назад. Это было равносильно воскресению из мертвых и, конечно, воспринято как доброе предзнаменование.

Возвращение кораблей в Охотск было сплошным триумфом для Шелиховых. Удачное путешествие придало Шелихову решимости добиваться монополии на промыслы и торговлю на всех Алеутских островах и Аляске. Шелихов стал много времени проводить в Петербурге, обивая пороги влиятельных особ и стараясь добиться монополии. Пока он этим занимался, ведение дел на островах было поручено доверенным лицам, которые этого доверия не оправдали, оказавшись людьми или неспособными, или нечестными. Самому Шелихову невозможно было "закопать" себя на Кадьяке. Дела и хлопоты требовали его присутствия в Иркутске или в Петербурге.

Долго искал он подходящего человека, и наконец судьба свела его с тем, кто стал надолго источником благополучия и богатства семейства Шелиховых. Этим человеком оказался Александр Андреевич Баранов, поставленный во главе шелиховской компании в 1790 г. и связавший с ней свою судьбу.

Баранов оживил компанию, увеличил ее оборот, а позже, с получением монополии, раздвинул границы русской колонии в Америке.

Время правления Баранова, так называемый второй период в истории Русской Америки, по праву должен быть назван "барановским" периодом.

Вначале Баранову было трудно. Нужно было, в сущности, создавать дело сизнова, привить какую-то дисциплину среди его вольницы, настоящих ушкуйников*, и в то же время помочь им увеличить количество добываемой пушнины, которую непрерывно требовала главная контора в Иркутске.

С этими первыми годами правления Баранова связывается прибытие на Кадьяк группы из восьми монахов, возглавлявшейся архимандритом Иоасафом из Валаамского монастыря. Духовная миссия, выехавшая из Москвы 22 января 1794 г., прибыла в Павловскую гавань на Кадьяке в том же году, 24 сентября. Жизнь на острове была суровой. "Промышленные" да и сам Баранов жили в наскоро сколоченных избах, в самых примитивных условиях. Когда прибывшие монахи увидели все это, они ужаснулись. Конечно, ничего для них не было приготовлено.

И с первого же дня между монахами и Барановым начались трения, ставшие темными страницами в истории Российско-Американской компании. Как Баранов, так и монахи духовной миссии написали десятки писем и в правление компании, и в Валаамский монастырь, и даже в Святейший Синод с обвинениями друг против друга, основанными главным образом на взаимном непонимании.

Так называемый "барановский" период в истории Русской Америки отличается от всех предыдущих тем, что 8 июля 1799 г. компанией были получены монопольные права. Эти права предоставляли компании, которая стала называться теперь "Российско-Американской", "исключительные привилегии на всех материковых и островных землях в Тихом океане".

Без всякого сомнения, "барановский" период был наиболее блестящим в истории Русской Америки, и в этом, конечно, заслуга самого главного правителя русских владений на Американском континенте. Он закончился через тридцать лет отставкой постаревшего Баранова и его отъездом из колонии.

За время правления Баранова компания достигла своего высочайшего взлета, если не могущества, и сделалась соперником таких крупных мировых торговых предприятий, как Гудзон-Бейская компания в Канаде или Ост-Индская компания в Южной Азии. Даже краткое перечисление того, что было достигнуто компанией за "барановский" период, явилось бы достаточно явным доказательством ее полезной деятельности. Несомненным диссонансом в описании прогресса компании окажется обвинение ее в беспощадной эксплуатации туземного населения, как алеутов, так и индейцев. Нужно, однако, иметь в виду, что описываемые события происходили более 170 лет тому назад, т.е. относились ко времени великих открытий и колониальных завоеваний во всем мире. Это было время

*Ушкуйник — речной разбойник; у автора — это чаще член промысловой артели. —
Здесь и далее примечания редактора.

распространения влияния цивилизованных европейских наций среди так называемых "варварских" стран. В то время не считалось предосудительным третировать туземцев и использовать их в качестве дешевой, а иногда и бесплатной рабочей силы. Российско-Американская компания не была исключением. Не лучше, а скорее хуже обращались с туземным населением другие колониальные нации особенно в Азии и Африке.

С течением времени отношение к туземцам Аляски и Алеутских островов стало улучшаться: были открыты для них школы; духовная миссия энергично крестила их и приводила в лоно православной церкви; и, наконец, их социальное положение значительно улучшилось, особенно среди креолов, которые стали занимать ответственные посты в администрации колонии, не говоря уже о тех, которые были посланы в Петербург для обучения навигационному делу и впоследствии стали капитанами кораблей компании.

Натянутые вначале отношения с монахами духовной миссии улучшились к концу правления Баранова, и он очень полюбил тихого монаха Германа. В моей книге "Колумбы российские" (1971) дано описание этого замечательного миссионера Аляски: "Невольно как-то внимание останавливалось на невысоком, скромном на вид Германе. Ничем особенно не отличавшийся от других монахов Герман, однако, привлекал внимание всех какой-то... исключительной простотой, а главное — яркими лучистыми глазами, от которых как будто исходило магическое сияние. Вот такими тихими, незлобивыми, излучающими святость писали древние иконописцы... святых угодников, отцов церкви".

Вернемся, однако, к событиям, последовавшим за назначением Баранова. В 1799 г. он решил основать новое поселение на о-ве Ситка. К тому времени Баранов стал неограниченным правителем колонии в связи с неожиданной смертью Шелихова, скончавшегося в Иркутске.

Жизнь на Кадьяке была нелегкой. Корабли с провизией из Охотска приходили редко. Нужно было полагаться на самих себя. 1799 г. оказался особенно тяжелым. Люди умирали от цинги, как мухи. Баранов принял решение перебраться на Ситку. Там и климат лучше, мягче, да и зверя гораздо больше, а главное — воды вокруг Ситки изобилуют рыбой. Собрал Баранов свою команду, посадил на суденышко, сзади охотники-алеуты на своих байдарках, и отправился в обратный путь вдоль островов к о-ву Ситка.

С трудом добрались до Ситки и начали строить новую крепость. Постройка шла всю зиму, с осени 1799 г. до весны 1800 г. Новая крепость была названа Михайловской в честь Св. Архангела Михаила. Когда крепость была закончена, Баранов оставил там гарнизон из 25 русских "промышленных" и 55 алеутов под начальством Медведникова, в помощь которому дал опытного охотника Наквасина и молодого грамотного "промышленного" Тараканова. Сам же Баранов вернулся на Кадьяк, где его ждали неотложные дела компании и последние приготовления к окончательному переезду на Ситку.

Вышло так, что ему пришлось задержаться на Кадьяке. Нужно было улаживать отношения с монахами и справляться с непокорными

Павловская гавань, о-в Кадьяк, 1798 г.

мореходами, не выполнявшими его поручений. Изредка он получал сообщения из Михайловского, что оставленные там люди управляют с работой, ловят рыбу, накапливают пушнину.

Через два года, в 1802 г., с Ситки пришли страшные вести. Индейцы-глинкиты из племен, живших по соседству, напали на Михайловский форт 24 июня 1802 г., сожгли его до тла, перебили многих его защитников, а оставшиеся в живых были захвачены в плен и умерли под пытками. Из 80 человек, оставленных на Ситке, спаслись только 22 человека.

Ситка была потеряна, и нужно было все начинать сначала, но на этот раз нужно было брать остров с боем. Два года прошло в приготовлениях к новому походу на Ситку. Только 19 сентября 1804 г. добрался Баранов со своей армадой, состоявшей из 300 байдар с 800 кадьяковцами и четырех небольших суденышек, на которых были русские "промышленные", до Ситки. Велика была радость Баранова, когда, подойдя, он еще издали различил силуэт военного корабля. Это был фрегат "Нева" под командой капитан-лейтенанта Ю.Ф. Лисянского. "Нева", как известно, с другим кораблем, "Надежда", капитаном которого был Крузенштерн, совершили первое кругосветное* плавание русских кораблей. Во время этого путешествия фрегат "Нева" зашел на Кадьяк, где Лисянскому было сообщено о походе Баранова на Ситку. Лисянский решил оказать Баранову поддержку и, отремонтировав корабль, поспешил к Ситке.

* Плаванья эти не были в прямом смысле слова кругосветными — они были продолжительными и совершались на далекие расстояния.

Новоархангельск (ныне Ситка)

Присутствие "Невы" подняло дух ушкуйников Баранова, а главное, добавило солидную артиллерию для атаки лагеря индейцев.

Несмотря, однако, на поддержку артиллерией "Невы", попытка атаковать лагерь оказалась безуспешной. Во время штурма трое матросов были убиты, остальные ранены. Кроме того, получили легкие ранения оба морских офицера, участвовавшие в штурме, Повалишин и Арбузов. Среди вольницы Баранова были убиты трое и девять ранены, а из алеутов — четыре убиты и шестеро ранены. Сам Баранов был ранен в руку.

Русский флаг над фортом был поднят только 8 октября 1804 г., когда объединенные силы атакующих пошли на штурм и к своему изумлению обнаружили, что с форта по ним не раздалось ни одного выстрела. Когда они ворвались в форт, то обнаружили, что индейцы покинули его незаметно ночью, не ожидая последнего штурма. Внутри их ожидала страшная картина. Там лежало не меньше тридцати убитых индейцев, а в стороне от них, ровненько в ряд, лежали пятеро убитых индейских детей. Поодаль — убитые собаки. Индейцы, ночью тайно покинувшие форт, очевидно, опасались, что дети своим плачем могут выдать их передвижение и поэтому решили предать их смерти. То же самое они сделали и со всеми собаками, чтобы те не выдали их лаем.

Лисянский позже, вспоминая эти события, записал: "Сойдя на берег, я увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситкинцы предали их всех смерти".

Через год после захвата крепости на Ситке, когда Баранов только начал постройку форта на скале, высившейся над морским заливом, когда люди, да и сам Баранов, еще жили в палатках или в наскоро сколоченных временках с протекавшими крышами, новую столицу Русской Америки посетил высокий гость из Петербурга. Это был директор Российско-Американской компании, действительный камергер Николай Петрович Резанов. Ехал он с ревизией предубежденный против Баранова, который в многочисленных доносах в Петербург обвинялся в хищениях и присвоении денег компании. Уже первые несколько дней, проведенных в Новоархангельске убедили Резанова во вздорности и ложности этих доносов, и он преисполнился большого уважения к этому самородку и самоучке, который, может быть, не вполне сознавая это, проводил в Америке государственную, русскую, имперскую политику. Заметил Резанов также и полное отсутствие стяжательских свойств в характере Баранова. Денег он себе не требовал, довольствовался тем, что ему платила компания. И конечно, никаких банковских счетов на его имя в иностранных банках и в помине не было.

Резанов сам столкнулся и с проблемой пропитания в Новоархангельске. Запасы провизии, прибывшие на его корабле, очень скоро истощились, и колонии грозила голодная смерть. Положение оказалось безвыходным, когда и лов рыбы в районе Ситки прекратился.

К счастью, в Новоархангельск пришло судно "Юнона", принадлежавшее американскому шкиперу, бостонцу Д'Волфу. Это было в конце сентября 1805 г. Резанов сразу заинтересовался содержимым трюмов "Юноны". Так оказалось более 60 бочек солонины. У Баранова, давно не едавшего мяса, когда он услышал об этом, как говорится, "потекли слюнки". А Д'Волф продолжал перечислять другие продукты, находившиеся на корабле. Тут были и сахар, песком и головками, и рису около двух тонн, и всякое сухое печенье.

Не теряя времени, Резанов договорился с Д'Волфом и купил у него не только весь груз, но и сам корабль. Д'Волф продал все вместе за 68 тысяч испанских пиастров и вдобавок получил еще два маленьких судна компании, "Ермак" и "Ростислав". На "Ермак" он погрузил купленные им меха и отправил корабль в южный Китай, в Кантон, где за меха можно было получить хорошую цену, а сам на "Ростиславе" выехал в Охотск, а оттуда на лошадях в Петербург.

С приобретением провизии "промышленные" в Новоархангельске повеселели, стали лучше выглядеть. Запасов, однако, хватило ненадолго. К Рождеству от них ничего не осталось, и люди стали питаться всякими ракушками, травами да древесной корой. Нужно было принимать какое-то решение, чтобы спасти колонию от голода. В феврале 1806 г. Резанову пришла блестящая идея — отправиться на "Юноне" в залив Сан-Франциско и закупить там провизию. В обмен можно продать испанцам товары, в которых, Резанов знал, они нуждались. Резанову было известно, что порты Калифорнии были закрыты для иностранных судов. В них запрещено было входить под страхом конфискации корабля и пленения команды.

Выбора, однако, не было: или сидеть и ждать голодной смерти, или рискнуть. О том, насколько положение в Ситке стало критическим, Резанов доносил в своем очередном письме, не зная даже, когда сможет отправить его в Петербург: "В конце ноября перестала уже рыба ловиться... В полнолуние освежались мы найденными ракушками и мамаями, они в это время бывают питательные, а в другое время били орлов, ворон, словом, ели все, что попадало".

25 февраля 1806 г. корабль "Юнона" с Резановым на борту отправился на юг, в солнечную Калифорнию. Командовал кораблем опытный моряк, морской офицер, лейтенант Хвостов с помощником, тоже офицером военно-морского флота Давыдовым. Вместе с Резановым поехал и его личный врач по фамилии Лангсдорф.

Тяжел был путь "Юноны", хотя бы потому, что большинство команды было больно цингой. 28 марта 1806 г. корабль вошел в бухту Сан-Франциско. Местные испанские власти, с недоверием встретившие непрощеных пришельцев с севера, очень быстро, однако, переменяли свое мнение о них, потеплели, подружились, и все это в основном благодаря дипломатическим способностям, хорошим манерам и такту Резанова. В общей сложности корабль пробыл в Сан-Франциско полтора месяца. Люди подкормились и повеселели. Жизнь в Калифорнии всем настолько понравилась, что капитан стал опасаться возможных дезертирств. Сравнивая жизнь в благодатном климате Калифорнии с суровыми условиями жизни на Ситке, многие члены команды стали сомневаться — не лучше ли сбежать и остаться в Калифорнии! К счастью, массовых побегов не было, но все же два матроса, отправившиеся на берег для стирки одежды у ручья, исчезли, и никто так и не узнал, что с ними случилось.

Комендант форта Аргуэльо со всей своей многочисленной семьей был очарован Резановым, и в конце концов Резанов получил все, что ему было нужно. В этом отношении во многом помогла старшая дочь коменданта Кончита, которой не было еще и 16 лет. Случилось так, что Резанов и красавица Кончита влюбились друг в друга, и к концу пребывания в Калифорнии Резанов решил жениться*. Свадьбу, однако, пришлось отложить из-за неожиданного противодействия родителей Кончиты и церкви в лице монахов местной католической миссии. Главными препятствиями была разница в возрасте — "старейшему" Резанову было 40 лет — и разница религий. Как-никак для католиков Аргуэльо и монахов, строго придерживавшихся обрядов и правил римско-католической церкви, Резанов был хоть и блестящий сановник в чинах, но тем не менее схизматик и еретик. Только благодаря упорству Кончиты, обладавшей на редкость сильным характером, влюбленным удалось настоять на компромиссе: им было разрешено формально обручиться в церкви миссии, с тем чтобы Резанов затем, поехав в Россию, добился разрешения испанского короля и папы римского на смешанный брак. Только тогда он вернется к своей возлюбленной в Калифорнию для бракосочетания. Предполагалось, что потребуется два года для того, чтобы преодолеть все эти затруднения и оформить брак.

* Н.П. Резанов к тому времени был вдовцом.

В это время команда "Юноны" по договоренности с местными испанскими властями грузила на корабль продукты, закупленные для Новоархангельска. Ко времени отплытия было куплено 4 500 пудов хлеба, 470 пудов сала и масла и до 100 пудов соли. Кроме того, миссия доставила на корабль большие запасы ячменя, гороха, бобов и сушеного мяса.

11 мая 1806 г. "Юнона" снялась с якоря, подняла паруса и направилась к выходу из залива, в пролив, который теперь называется "Золотыми воротами". Океан встретил судно свежим ветром и высокой волной. Но долго еще на холме, у выхода из залива, виднелась группа провожавших Резанова гостеприимных Аргуэльо и среди них Кончита, махавшая платочком.

Успех в Калифорнии превзошел все ожидания Резанова. Корабль был загружен продуктами, которых хватит Новоархангельску на долгое время. Окрыленный успехом камергер теперь стал подумывать о более грандиозных планах — жизнь на Аляске суровая, полная лишений, а в Калифорнии — обилие плодов земных. Испанцы фактически занимают территорию на юг от залива Сан-Франциско, и на севере как будто нет ни души, никаких испанцев. Горделивая мысль завладела Резановым — захватить земли на север от Сан-Франциско и присоединить их к землям, находящимся под управлением Российско-Американской компании.

В своем очередном донесении в Петербург Резанов писал: "Ежели б ранее мыслило правительство о сей части света, ежели б уважало его как должно, ежели б непрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого, при малых тогдашних способах Берингову экспедицию для чего-нибудь начертавшего, то утвердительно сказать можно, что Новая Калифорния никогда б не была Гишпанскою принадлежностью, ибо с 1760 года только обратили они внимание свое и предприимчивостью одних миссионеров сей лутчей краж земли навсегда себе упрочили. Теперь остается еще не занятой интервал столько же выгодной и весьма нужной нам и так ежели и его пропустим, то что скажет потомство?"

Мечтам и планам Резанова не суждено было осуществиться. Прежде всего, едва ли русское правительство решилось бы на такой смелый шаг да еще в те годы, когда победоносный Наполеон, опьяненный успехами в Европе, угрожал даже самому существованию России. Главное же, что положило конец всем планам, была преждевременная смерть самого Резанова. Останься он в живых, возможно, судьбы Аляски и даже Калифорнии сложились бы по-другому!

Возвращение "Юноны" в Новоархангельск 19 июня 1806 г. оказалось чудом, спасшим колонию в самый критический период ее существования. Резанов ужаснулся, увидев жителей Новоархангельска — беззубых, скорбутных, тощих... Казалось, смерть была за углом. За время отсутствия Резанова скорбут* скопил 17 русских "промышленных" и несколько десятков алеутов.

Продукты, привезенные на "Юноне", спасли колонию.

* Скорбут — старинное название цинги.

Самым интересным событием в истории Русской Америки было основание, по замыслу Резанова и Баранова, русского селения и форта Росс в Калифорнии, на север от бухты Сан-Франциско, в 18 милях к северу от залива Бодега.

Форт Росс, основанный в 1812 г. Иваном Кусковым, ближайшим соратником Баранова, на высоком обрывистом калифорнийском берегу, был самой южной точкой проникновения русских ушкуйников на западных берегах Америки, если не считать небольшой станции охотников на морских котиков, временно обосновавшихся на скалистых островах Фараллон у самого входа в залив Сан-Франциско.

Короткая история существования Форта Росс в 1812 по 1841 г., вероятно, еще долгое время будет интересовать исследователей главным образом потому, что на этом далеком клочке земли, принадлежавшем России, некоторые правители оказались весьма одаренными людьми. Среди них нужно отметить основателя форта Ивана Кускова, правившего им в первые годы, а также и последнего правителя Ротчева, много внесшего для улучшения жизни в колонии.

Жена первого правителя Екатерина Кускова в короткий срок выучила язык местного племени и основала школу не только для русских детей, но и для индейцев. Благодаря ее дипломатическим способностям у русских жителей форта установились самые дружеские отношения с соседними индейскими племенами, и за все годы, которые Кусковы провели в Калифорнии, у русских не было с ними ни одного столкновения. Нет сомнений, что имя Екатерины Кусковой будет вписано золотыми буквами в книгу истории Русской Америки.

По контрасту следует указать, что отношения испанцев с индейцами не сложились: нередко индейские племена нападали на испанские миссии, что, в свою очередь, вызывало жестокие репрессии со стороны испанцев.

Во время правления Ротчева администрация компании приняла решение о ликвидации форта из-за его убыточности. Форт был продан небезызвестному искателю приключений капитану Суттеру в декабре 1841 г. — так завершился 29-летний период существования русской колонии в Калифорнии.

И опять хочется напомнить о той роли, которую играла в колонии жена правителя Елена Ротчева, урожденная княжна Гагарина. История Калифорнии хранит о ней память. Как и Екатерина Кускова, Елена Ротчева была замечательной женщиной, любознательной и смелой, не боялась ездить верхом, изучала быт и нравы индейских племен, флору и фауну этого живописного уголка Калифорнии. Имя ее главным образом связано с экспедицией в глубь страны летом 1841 г. В составе экспедиции был сам Ротчев, его жена, а также два русских ученых, Вознесенский и Черных, находившиеся в то время в Россе, и несколько "промышленных".

Группа совершила подъем на гору Майякмас, расположенную недалеко от теперешнего городка Петалума. На вершине Елена Ротчева "окрестила" гору и дала ей новое название — горы "Св. Елены".

Под этим именем гора известна и в настоящее время. В ознаменование исторического восхождения на гору на ее вершине была установлена медная пластинка с надписью, отмечавшей факт восхождения и дату.

На обратном пути с горы Св. Елены произошел инцидент, имевший чисто романтическую подкладку, который, однако, мог весьма трагически кончиться. Началось все с того, что Форт Росс несколько раз посещал вождь соседнего индейского племени по имени Солано. Дикарь Солано, человек гигантского роста, с лицом, обезображенным оспой, увлекся красавицей Ротчевой и решил похитить ее. Узнав о русской экспедиции на гору Св. Елены, Солано с большой группой своих воинов-индейцев устроил засаду у подножия горы, и, когда группа русских спустилась с вершины, они вдруг были атакованы индейцами и захвачены в плен. Гордый победой Солано приказал увезти плененную группу русских в свое селение, находившееся где-то на север от горы Св. Елены, в районе Голубых озер. Пленники провели ночь в селении, пока вожди и старейшины племени обсуждали планы, что с ними делать. Елену Ротчеву Солано решил взять в жены, в свой вигвам, а остальных как будто было решено убить.

Этот инцидент, однако, имел благополучную развязку — на следующий день в стоянку Солано прискакал отряд испанских кавалеристов во главе с неизвестным калифорнийским землевладельцем генералом Валлейо, который потребовал немедленного освобождения русских пленных, угрожая, что в противном случае "соединенные силы Испании и России" пройдут огнем и мечом по индейским землям. Угроза подействовала, и русские были освобождены.

Возможно, благодаря романтической подкладке этого единственного конфликта между русскими и индейцами история Калифорнии лучше помнит Елену Ротчеву, чем ее мужа. Она известна в истории под именем "принцессы Елены".

Форт Росс был продан, и, казалось, этой продажей был положен конец истории русской колонии. Но форт ожил, теперь как памятник-заповедник штата Калифорния, главным образом благодаря энергии и неутомимой деятельности русских жителей Калифорнии, трудам Русско-Американского исторического общества в Сан-Франциско и содействию различных американских исторических и краеведческих организаций. Форт был частично восстановлен в том виде, в каком он был почти 150 лет тому назад. Восстановлены были высокая бревенчатая ограда вокруг форта, две угловые башни, а также часовня в одном из углов внутри форта. Дом правителя остался в таком виде, в каком он был во времена Ротчева. В 1945 г. был найден один из трех церковных колоколов, находившихся в часовне во времена правления русских. С начала этого столетия ходили слухи что один из колоколов из часовни Форты Росс, увезенный отсюда после продажи форта, появился где-то на барахолке в Сан-Франциско. Потом стали упорно распространяться слухи, что колокол был приобретен пожарной командой города Петалума, где он долгое

время прозаически возглашал жителям города пожарную тревогу. К тому времени, когда руководители Русско-Американского исторического общества в 1945 г. напали на след колокола, он уже был уволен в отставку и помещен в какое-то складское помещение. Бывший в то время председателем Русско-Американского исторического общества М.Д. Седых вместе со мной и моей женой обнаружили наконец пыльный колокол в темном складе, среди прочих ненужных вещей, накопленных там за многие десятки лет городком Петалума. С разрешения местного общества "Сыновей Золотого Запада" колокол на нашей машине был перевезен в Сан-Франциско и затем передан администрации штатной организации "Сыновей Золотого Запада" с условием, что он будет возвращен в часовню Форта Росс.

Осенью 1945 г., в торжественной обстановке, в погожий солнечный день, в присутствии властей штата Калифорния и русского православного духовенства, а также председателя Русско-Американского исторического общества М.Д. Седых колокол был официально передан администрации Форта Росс.

К сожалению, однажды в октябре 1970 г., под утро, часовня Форта Росс вдруг загорелась. Старые, сухие, бревенчатые ее стены вспыхнули, как коробок спичек. Есть основания подозревать, что это был намеренный поджог. В несколько минут от исторической часовни, простоявшей на этом месте 160 лет, остался только пепел. Погибло в пожаре и сокровище форта, его колокол. От него остались только небольшие куски расплавленного металла — печальная судьба реликвии, так много перенесшей со времени продажи форта и чудом сохранившейся, чтобы в наше время погибнуть от рук поджигателей.

* * *

Второй, или организационный, период истории Русской Америки, непосредственно связанный с исключительно одаренной личностью Александра Андреевича Баранова, закончился его отставкой в 1818 г. С его уходом как называемый барановский период сменил третий, рабочий период деятельности компании, когда руководство делами компании было передано в руки не деловых или торговых людей, а в руки казенных администраторов, офицеров военно-морского флота. Этот период продолжался с 1818 г. до продажи Аляски США в 1867 г., т.е. 59 лет.

3

Начался этот период с назначения на пост правителя офицера флота Л.А. Гагемейстера. Однако он вскоре отбыл на своем корабле в Россию, и его место занял лейтенант С.И. Яновский. За свое весьма короткое пребывание на посту главного правителя Русской Америки Яновский показал себя хорошим администратором, чего нельзя сказать о многих, занимавших этот пост после него. Может быть, здесь сказались влияние Баранова, с которым Яновский был близко

знаком. Известно, что перед отъездом Баранов посвящал именно Яновского во все тонкости этого крупного коммерческого предприятия. Близкая связь Яновского с Барановым даже привела к браку Яновского и дочери Баранова Ирины.

Весь остальной период деятельности компании был просто продолжением хорошо налаженной работы. Все правители назначались петербургским правлением компании. Были среди них способные и незаурядные люди, были и посредственности. С этим периодом связаны имена Врангеля и Этолина, известных главным образом своими путешествиями по Аляске и по морям вокруг нее. Значительны по своей научной ценности путешествия лейтенанта Загоскина. Описание его путешествия переведено теперь на многие языки. Нужно отметить, что с каждым десятилетием существования Русской Америки там росла и расширялась колония так называемых креолов, детей от смешанных браков. Им предоставлялись одинаковые с русскими возможности для получения образования и изучения ремесел. Из числа этих креолов вышли люди, прославившиеся впоследствии своими исследованиями Аляски, как, например, Александр Филиппович Кошеваров. Отец его, "промышленный" Филипп Артамонович, был крепостным купца Н. Голикова. Сын этого крепостного — один из наиболее способных юношей, на корабле "Бородино" в 1822 г. был послан в Петербург для получения образования, как сказано, "к ученым и художественным знаниям". Вместе с ним поехали еще два мальчика-креола: Чеченев и Нецветов. Кошеваров стал воспитанником Балтийского штурманского училища и по окончании его в 1831 г. был произведен в прапорщики корпуса флотских штурманов и позже командовал в Америке судами Российско-Американской компании. В 1836 г. А.Ф. Кошеваров был произведен в подпоручики, а в 1841 г. — в поручики. В 1838 г. он был начальником гидрографической экспедиции, производившей на байдарках описание северной части Американского материка. В 1855 г. в чине капитана 2-го ранга он был переведен в Петербург, где через десять лет вышел в отставку уже в чине генерал-майора.

Невозможно в этом кратком описании отметить всех замечательных людей, проявивших себя в Русской Америке. Нельзя, однако, обойти молчанием правителя Новоархангельской конторы в 30-х годах К.Т. Хлебникова, написавшего несколько трудов по истории Русской Америки.

Самой яркой фигурой этого периода является священник И.Е. Вениаминов, родившийся в 1797 г. и скончавшийся в 1879 г. Замечательны не только биография Вениаминова, но и его научное наследие. Вениаминов был послан миссионером на Уналашку, где пробыл с 1824 по 1834 г., после чего был переведен уже в сане протоиерея в город Новоархангельск на о-ве Ситка, где он провел около пяти лет, с 1834 по 1838 г. В 1840 г. состоялась хитротония его в епископы под именем Иннокентия с назначением на пост епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. Закончил он свою жизнь прославленным митрополитом Московским и Коломенским, на каковой пост он был избран в 1868 г.

Биография этого замечательного миссионера, просветителя Аляски, должна быть дополнена хотя бы частичным описанием его научных трудов. Интересно, что даже советские исследователи признают их огромную ценность. По словам одного из них, Вениаминов "оставил бесценный материал по истории, этнографии и лингвистике, минералогии, флоре и фауне Алеутских островов". Он же — составитель грамматики алеутского языка, переводчик на алеутский язык Священного писания и многого другого.

В 1867 г. Аляска и Алеутские острова были проданы Соединенным Штатам Америки за мизерную цену в 7 миллионов 200 тысяч долларов, согласно условиям договора, подписанного 18 (30) марта в Вашингтоне русским посланником Э.А. Стеклем и американским государственным секретарем Сьюардом. Церемония передачи территории Соединенным Штатам состоялась в Новоархангельске. На церемонии присутствовал последний главный правитель Русской Америки капитан 1-го ранга князь Димитрий Петрович Максутов. Несмотря на неприятный дождливый день, церемония проходила торжественно и красочно. На площади, перед флагштоком, на котором висел намочший русский бело-сине-красный флаг, выстроились с одной стороны отряд американской пехоты, с другой — русский почетный караул. При спуске русского флага его заело на мачте, и посланный наверх матрос освободил флаг, но не удержал его — флаг упал на штыки русских солдат. Через несколько минут на том же флагштоке уже весело развевался на свежем ветру не успевший намочнуть звездно-полосатый флаг заокеанской республики. Аляска стала собственностью Соединенных Штатов Америки.

Прошло много лет со времени продажи Аляски. Новоархангельск, теперь Ситка, изменился, но все еще гордо высится в центре города старинный русский православный собор Св. Михаила, в котором когда-то совершал богослужения "апостол" Аляски о. Иоанн Вениаминов.

Трудно представить себе все богатства, которые хранятся в Свято-Михайловском соборе, накопленные там жертвенностью богомольцев за более чем столетнюю историю существования храма. Вероятно, теперь редко где имеются такие ценные иконы в серебряных и позолоченных окладах и ризах, которые можно видеть в этом соборе. Особенно останавливается внимание на иконах Казанской Божьей Матери и Св. Архангела Михаила. Икона Архангела Михаила находилась на корабле "Нева", направлявшемся в Новоархангельск в 1813 г. с ценными грузами для столицы Российско-Американской компании. Немного не доходя до Ситки, корабль "Нева", наскочил на камни и затонул со всем грузом и большей частью команды и пассажиров. Икона Св. Михаила уцелела чудом: ее выбросило на берег, где она была найдена и доставлена в Ситкинский собор.

Сравнительно недавно, 2 ноября 1966 г., страшная катастрофа постигла Ситку — в центре города возник пожар. Пламя, подхваченное сильным ветром, стало быстро перекидываться с дома на дом. Вскоре пылал весь центр города, загорелся и собор. Спасти его было невозможно. Люди бросались в объятый пламенем

собор и выносили иконы, церковную утварь, чаши, сосуды, одеяние — почти все ценности были спасены, кроме колоколов, которые расплавились.

В настоящее время собор восстановлен благодаря пожертвованиям православных, и не только православных, жителей Америки, помогших собрать средства на возрождение этого исторического памятника, свидетеля пребывания русских на Американском материке

СЕЛЕНИЕ РОСС И ЕГО ОСНОВАТЕЛЬ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КУСКОВ

Не так давно по всей Америке было торжественно отпраздновано двухсотлетие существования независимого государства Соединенных Штатов Америки, переставшего в 1776 г. быть колонией британской короны. Отдавая должное основателям этой демократической страны, бывшим преимущественно англосаками, мы все же не вправе не отметить ту лепту, которую внесли в ее культурный и промышленный расцвет другие этнические группы. Немалый вклад был сделан русскими, влившимися в жизнь страны двумя мощными струями с перерывом в полвека.

Первую, раннюю волну русских представляли собой те охотники, промышленники, звероловы и земледельцы, которые населяли Америку с конца XVIII в. и создали колонию, получившую название "Русской Америки". С их потомками пришли в Соединенные Штаты православная религия, которую исповедовало и местное население — алеуты, индейцы и креолы, русские обычаи, русские слова и географические названия на бывших русских территориях.

Острова, заливы, проливы, горы и озера на Аляске названы именами Шелихова, Баранова, Лисянского, Коцебу, Крузенштерна, Врангеля, Всевожского, Кашеварова и многих других. Даже два озера на о-ве Баранова названы именами детей первого правителя Русской Америки — Ирины и Антипатра.

Вторая могучая волна русского проникновения на Американский материк была принесена страшными событиями революции и гражданской войны. В этой волне много представителей русской интеллигенции, возглавляемой крупными учеными, известными профессорами университетов. Нет необходимости останавливаться на подробном описании состава этой второй волны, так как для этого потребуется отдельное исследование. Я ограничусь именами только нескольких людей, внесших свою лепту в культурную жизнь страны, давшей им приют.

Игорь Сикорский, специалист в области авиации, и его коллега Северский; ихтиолог Гальцев, физик Гамов, химик Ипатьев, зоолог Петрункевич, инженеры Зворыкин и Тимошенко, византолог Васильев, социологи Питирим Сорокин и Тимашев, историки Ростов-

цев, Вернадский и Карпович. И конечно, нельзя пропустить имени экономиста Леонтьева, лауреата Нобелевской премии.

В нашем изучении истории русского культурного проникновения в Америку мы не можем обойти молчанием историю небольшого селения Росс на калифорнийском берегу, носящего теперь название "Форт Росс".

За последнее время интерес к Фورتу Росс — уникальному памятнику русской предприимчивости, основанному русскими охотниками и промышленниками в начале прошлого столетия, — все более и более возрастает. Этот интерес отмечается не только среди американцев русского происхождения, но и среди многих коренных американцев — историков, антропологов, этнографов. Большое внимание Форт Росс уделяют и ученые в России.

*Иван Александрович
КУСКОВ*

В связи с этой растущей заинтересованностью весьма своевременно напомнить, что в 1988 г. исполнилось 165 лет со дня смерти основателя и души Форта Росс Ивана Александровича Кускова, ближайшего сотрудника и помощника первого правителя земель Российско-Американской компании А.А. Баранова. 32 года прожил Кусков в Русской Америке — на Аляске и в Калифорнии. Вернулся он в свой маленький, затерянный на берегах реки Сухоны городок Тотьму в Вологодской губернии в 1822 г., где и умер на следующий год.

В 1948 г. в советской печати появилось сообщение о том, что в Тотье планируется поставить памятник этому замечательному пионеру, много способствовавшему распространению русского влияния на Американском материке. Предполагалось, что памятник будет "иметь форму той морской скалы, на вершине которой был основан Форт Росс". С тех пор прошло 40 лет, но, насколько известно, памятник Кускову все еще ждет своего часа. Память о Кускове в Тотье жива: его именем названа набережная реки Сухоны и сухогрузный морской пароход, построенный в 1959 г. в Польше (судно приписано к порту Холмск на Сахалине и называется "Мореход Кусков"). Благодаря трудам историков дом Кускова N 10 в Чкаловском переулке взят под охрану государства. Возможно, в будущем он станет музеем*.

Основание Форта Росс относится к 1812 г. Это был год, тяжелый и для России (по которой двигалась к древней белокаменной Москве громадная армия Наполеона), и для молодой амери-

* 19 августа 1990 г. в Тотье состоялось открытие Дома-музея И.А. Кускова.

*Екатерина Прохорова
КУСКОВА*

канской республики, которой в том же 1812 г. пришлось скрестить мечи с Англией.

Идея занять земли в Калифорнии, как уже описывалось выше, принадлежала камергеру Резанову. Эта идея была подхвачена Барановым, который несколько лет ее лелеял, но долго не мог осуществить, укрепляя свои позиции на Ситке и в других русских поселениях на Аляске.

Когда Баранов все же решился на это предприятие, его выбор пал на Кускова. Ему была предоставлена полная свобода в выборе места на побережье Калифорнии для постройки селения и крепости. Кусков выбрал место несколько севернее устья реки Славянки, позже переименованной в Русскую речку.

По распоряжению Баранова экспедиция Кускова отправилась в ноябре 1811 г. из Новоархангельска на корабле (шхуне) "Чириков", которым командовал капитан Бенземан. На корабле было 25 русских промышленных с материалами и инструментами, необходимыми для постройки форта, а также 80 алеутов-охотников с 40 байдарками.

Экспедиция Кускова сначала прибыла в залив Бodega, переименованный Кусковым в залив Румянцева. Залив, хоть и удобный для стоянки судов, оказался неподходящим для постройки селения по той простой причине, что его берега были безлесными. Поэтому Кусков решил обосноваться на крутом, высоком берегу, находящемся в 18 милях к северу от Бodeги, но зато в местности, изобиловавшей прекрасным строевым лесом. Это место Кусков облюбовал еще в прежние свои экспедиции в Калифорнию. Место казалось идеальным еще и потому, что недалеко протекала небольшая река, обеспечивавшая питьевой водой.

Выбрав место, Кусков вернулся в Новоархангельск для обсуждения с Барановым деталей основания русского селения. В феврале 1812 г. Кусков вновь отправился в Калифорнию. В марте он окончательно обосновался там со своими "промышленными" и алеутами и начал подготовительные работы для постройки крепости и селения. Они были заложены 15 мая 1812 г. у небольшой бухты, под 38 градусом северной широты и 123 градусом восточной долготы. Постройка домов велась весьма интенсивно. Строились они из местного красного дерева, сорта красной сосны, похожей на лиственницу и называемой здесь "чага".

Формальная дата основания форта — 11 сентября (30 августа по старому стилю). По словам историка В. Потехина, открытие форта сопровождалось пушечной и ружейной стрельбой. Селение "по

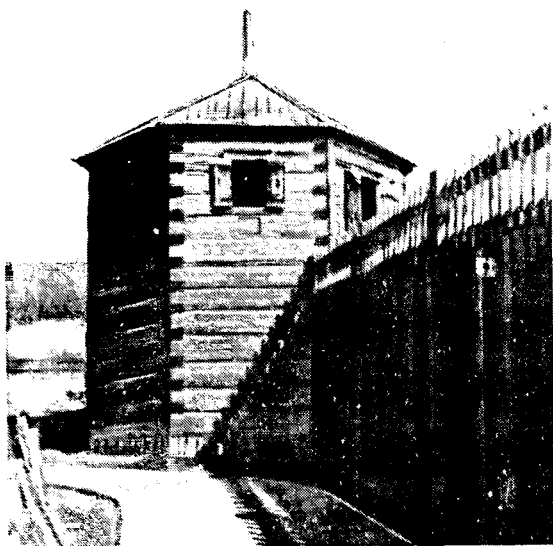

Дом И.А. Кускова

вытянутому жребию, положенному под икону Спасителя, названо было Россом”.

Хорошо помнил Кусков страшную судьбу селения Св. Михаила на Ситке, уничтоженного индейцами в 1802 г. Поэтому прежде всего он построил вокруг селения крепкую массивную деревянную стену высотой в две сажени (что равняется 14 футам). На двух углах форта, имевшего форму четырехугольника, поставил две двухэтажные башни с амбразурами. Стены были крепкие, толстые, из плах по восьми дюймов толщиной каждая. В книге советской исследовательницы Русской Америки С.Г. Федоровой “Русское население Аляски и Калифорнии” помещен план селения Росс, как оно выглядело в 1817 г., в пояснениях к которому указано, что стены форта были вышиной в три сажени (21 фут). Размеры построенной крепости были 49 сажен в длину (343 фута) и 42 сажени в ширину (294 фута). Постройки крепости находились на высоком берегу над небольшим заливом Тихого океана, на высоте приблизительно 120 футов над уровнем моря. От берега океана к крепости вели 166 ступеней. Для защиты от возможного нападения индейцев Кусков доставил в крепость 12 небольших пушек. Эта “артиллерия” была позже увеличена и ко времени продажи Форта Росс, через 29 лет, там находилась 41 пушка.

К 1814 г., через два года после основания селения, все главные постройки крепости были закончены. Внутри стен форта находились, как предполагается, девять строений и колодец, а снаружи было не менее 50 домов, в которых не только поселились алеуты, приехавшие с Кусковым, но и разместились подсобные службы. Внутри форта стоял довольно добротный дом правителя (из нескольких комнат), казарма для “промышленных”, склады, арсенал, еще несколько

Форт Росс (вид снаружи)

строений и колодец, вырытый на случай осады. В 20-х годах была построена церковь. В. Потехин писал, что внутри крепостной ограды находились еще поварня, кузница и другие мастерские, а вне крепости были сараи для размещения байдарок, баня и скотные дворы.

• Среди многочисленных построек снаружи форта были мельницы (одна — на лошадиной тяге), кузницы, кожевенный завод, конюшни, молочная ферма и даже небольшая судостроительная верфь. Верфь была, пожалуй, самой поразительной постройкой времен Кускова, если принять во внимание довольно примитивные условия существования в селении Росс и недостаток необходимых инструментов и материалов, не говоря уже о том, что все судостроители, по сути, были более или менее самоучками. Таков уж был характер Кускова — где бы он ни бывал, он прежде всего старался построить верфь и начать постройку кораблей, зная, как страдали русские колонии в прошлом от недостатка перевозочных средств. Так было и в селении Росс: Кусков сразу же принялся за строительство верфи. Это, в сущности, была первая верфь в истории Калифорнии. За свое девятилетнее пребывание на посту правителя селения Росс Кусков построил ряд небольших судов, пригодных для плавания вдоль побережья Калифорнии и по реке Славянке, и два больших мореходных судна, способных совершать плавание по Тихому океану в Новоархангельск и даже через океан на Сандвичевы острова. Эти два больших судна — бриг "Румянцев" водоизмещением 160 тонн и бриг "Булдаков" водоизмещением 200 тонн были построены из прочного калифорнийского дуба.

После возвращения Кускова в Россию другие правители, заменившие его на посту, построили еще два больших мореходных судна: бриг "Волга", в 160 тонн, и бриг "Кяхта", в 200 тонн.

Приходится поражаться тому, как быстро русские землепроходцы могли приспособляться к условиям жизни в новых местах и не только обеспечивать себя продуктами и сносным жильем, но даже заниматься судостроением, как для себя, так и для своих соседей испанцев, для которых они строили небольшие суда-баркасы. За время короткого существования селения Росс там было построено несколько плоскодонных судов для испанцев, использовавших их для плавания по рекам Калифорнии.

Как видно, испанцы во многом полагались на русских умельцев из Форта Росс. Испанский земледелец в Калифорнии генерал Валлейо писал в воспоминаниях, что побывал в апреле 1833 г. в Россе, чтобы приобрести там оружие, боевые припасы и даже одежду для испанских солдат. Испанцы из Сан-Франциско и других миссий часто посылали туда оружие, замки и инструменты для починки его русскими мастерами.

Теперь нет никакого сомнения в том, что русские колонисты крепости Росс под руководством Кускова обосновались там надежно и со всеми удобствами.

Ко времени отъезда Кускова крепость Росс представляла собой зажиточную и благоустроенную колонию, ни в чем не нуждающуюся и регулярно посылавшую в Новоархангельск провизию и все добываемое охотничьими промыслами. В окрестностях крепости было до 50 огородов, не говоря уже о том, что там были хлебные поля, засеянные пшеницей и рожью. К концу правления Кускова в колонии насчитывалось более двух тысяч голов скота — коров, лошадей, коз, овец и свиней.

Кроме того, колония была обеспечена фруктами. В 1814 г. были посажены персиковые деревья, привезенные капитаном Бенземаном из испанской миссии Сан-Франциско. Позже, в 1817 г., капитан Гагемейстер привез из Перу виноградные лозы. Вскоре во фруктовых садах крепости Росс выросли яблони, вишневые и персиковые деревья; вокруг домов прекрасно привились роскошные розы, привезенные из испанских колоний. Самый большой фруктовый сад находился на расстоянии трех четвертей мили от селения, позади него, на склоне горы, приблизительно на высоте 500 футов над уровнем моря. После посещения форта Росс в 1833 г. генерал Валлейо писал, что там уже было 400 фруктовых деревьев и не менее 700 виноградных лоз.

Форт Росс был самым южным пунктом проникновения Российско-Американской компании на побережье Америки. Правда, еще дальше на юг, на островах Фараллон, как уже упоминалось, охотники на морского зверя построили довольно примитивную станцию, где они жили только в сезон охоты на морских котиков. Эта станция была ликвидирована в 30-х годах.

Кусков во время своего пребывания в Калифорнии (с 1812 по 1821 г.) принял все меры к тому, чтобы его люди жили в сносных усло-

виях и были обеспечены доброкачественной пищей. Его собственный дом имел даже стекла в окнах, что было тогда большой роскошью. Другим предметом роскоши было пианино — еще одна слабость Кускова и его жены.

Большую помощь в управлении фортом оказывала Кускову его жена Екатерина Прохоровна. Позднейшие исследования позволяют предположить, что Кускова была по происхождению индианкой. Отсюда, вероятно, и ее способности к местным языкам и диалектам. Вначале она занималась грамотой с алеутами и их детьми, а потом и с идейцами, с которыми у нее установились самые дружеские отношения.

Морской офицер Дмитрий Завалишин, вспоминая свое путешествие в Калифорнию в 1822—1824 гг., писал: "...мы имеем свидетельство нашего мореплавателя, знаменитого Головнина, о том, что испанцы, вопреки всяких правил, поступали с индейцами самым жестоким образом, ловили их арканами, как диких зверей, заковывали в железо и употребляли в тяжкие работы..." Потому испанцы, прибавляет Головнин, "никуда не смеют идти или ехать без вооружения, потому что в таком случае жители напали бы на них и пойманных непременно всех перебили... Часто случалось, что они и вооруженных испанцев убивали потихоньку из-за кустов; напротив того, русские стрелки из селения Росс ходят поодиночке в лес для стрельбы диких коз, и даже ночуют у индейцев, без всякого опасения и вреда" (*Д. Завалишин. Дело о колонии Росс*).

Историк селения Росс В. Потехин писал в 1859 г.: "Российско-Американская компания, основывая Форт Росс, имела в виду то обстоятельство, что со временем здесь можно будет развить земледелие и молочное скотоводство до такой степени, что хлебом и молочными изделиями можно будет снабжать не только Русскую Америку, но и Камчатку и Охотское побережье. Если бы этого удалось добиться, то значительно сократились бы расходы на организацию кругосветных плаваний, военные корабли привозили бы только необходимое снаряжение и припасы.

Но уже в первый год выяснилось, что место для устройства селения было выбрано не совсем удачно. Близость к морю делала почву непригодной для хлебопашества, пушной и морской промысел был также неважный, а плохая гавань затрудняла стоянку судов, которые вынуждены были становиться на якорь на рейде".

Опыты хлебопашества, таким образом, не оправдали надежд.

"Причина такого посредственного урожая, по мнению Кускова, заключалась во множестве птиц, причинявших большой вред зерну. Но зато картофель, репа, салат, капуста, горох, бобы, тыквы, дыни, арбузы и другие огородные овощи родились в изобилии, и большая часть их произрастала во всякое время года. От одной матки картофеля родилось иногда до 250 яблоков" (*В. Потехин. Селение Росс*).

В таком же духе описывал свое посещение Форты Росс в 1817 г. капитан В.М. Головнин: "Земля производит здесь в изобилии многие растения; теперь у г-на Кускова в огородах родится капуста,

салат, редька, морковь, репа, свекла, лук, картофель; даже созревают на открытом воздухе арбузы, дыни и виноград, который он недавно развел. Огородная зелень весьма приятного вкуса и достигает иногда чрезвычайной величины, например, одна редька весила 1 пуд 13 фунтов... Особенно плодлив картофель: в Россе обыкновенный приплод от одного яблока — сто, а в порту Румянцева (Залив Бodega) от одного же яблока родится 180 и 200, и притом сядят его два раза в год”.

Таким образом, мы видим, что, хотя огородное хозяйство в Россе процветало, главная отрасль земледелия — зерновые — из-за климатических условий давали мизерный урожай. Большой помощи зерном русским владениям на Аляске селение Росс не оказало.

Другой историк селения Росс, Н. Вишняков, пишет: “Гораздо лучше земледелия в Россе развивалось скотоводство. В 1821 году в Россе числилось 187 голов рогатого скота, 736 голов овец, 124 свиньи. В 1833 году было уже 1300 голов рогатого скота. За последние 15 лет из Росса было вывезено в Новоархангельск более 6000 пудов солонины и 500 пудов масла, не считая сала, кож, шерсти и т.п. продуктов. Затем обитатели Росса занимались в небольшом количестве охотой и промыслами, кораблестроением, которое пришлось, впрочем, оставить по непригодности для морских построек местного леса, рубкою леса, садоводством: разводились персики, яблоки, груши, виноград, арбузы, овощи и т.п.” (В. Вишняков. Россия, Калифорния и Сандвичевы острова).

Несмотря на обилие плодов земных, полную обеспеченность русских колонистов и теплый климат (чем не могли похвастаться ни Ситка, ни Кадьяк), жителям Форта Росс приходилось много и изнурительно работать. Работали не только алеуты и нанятые из соседних племен индейцы, но и сами русские. Русские “промышленные” работали наравне с алеутами. Так же должны они были ходить на морской промысел на утлых байдарках, так же во время неожиданных штормов гибли в море, стараясь добыть как можно больше морского зверя, которого требовала контора в Новоархангельске под нажимом, в свою очередь, правления компании в Петербурге. Но с каждым годом охотиться было все труднее — морской зверь стал исчезать. Правда, промыслами занимались главным образом алеуты, русские же промышленники осуществляли преимущественно контроль за промыслами, как так называемые “байдарщики”, и “партовщики”.

В то же время отдельные русские, и среди них Кусков, побывавшие в испанских миссиях, особенно в Сан-Франциско, видели, что сами испанцы никаким физическим трудом не занимались, даже простые солдаты. Вся физическая работа в миссиях была возложена на несчастных индейцев, которых испанские миссии держали на положении крепостных. Испанцы жили в довольстве, ели, пили и веселились. Контраст их жизни с жизнью русских “промышленных” был большой, и жизнь в миссиях казалась заманчивой. Нет поэтому ничего удивительного, что были случаи “дезертирства” русских. Правда, случаи побега из Форта Росс были редки. Как ни-

как жизнь там была сносной. Чаще сбегали русские с кораблей компании, прибывавших с Аляски и заходивших иногда в испанские порты Калифорнии.

Но был один случай побега и из Форта Росс. Убежал русский "промышленный" Прохор Егоров, причем, как ни странно, предпочел бежать не в испанскую миссию, а в одно из индийских племен. Проведя некоторое время среди индейцев племени чумаш, он был за свои способности, храбрость и силу избран вождем племени. В истории Калифорнии Прохор Егоров известен как вождь племени, восставшего против испанцев, плохо с ними общавшихся. Восставшие индейцы напали на миссию Святой Инессы в 1824 г. и сожгли ее. Затем военное счастье изменило им, да и не под силу было индейцам с их примитивным оружием — луками и стрелами — воевать против испанских солдат, вооруженных ружьями. Им пришлось отступить в горы. Престиж вождя Прохора Егорова среди индейцев после поражения упал, и однажды после неудачной схватки с испанцами молодой индеец, претендующий на звание вождя, убил Егорова.

Другой беглец с одного из кораблей компании, пришедшего в Монтеррей, был матрос, известный под именем Хозе Антонио Волков. Надо полагать, что его звали Иосиф Антонович Волков. Родился он на Камчатке. Известно, что после побега в 1815 г. он жил в Монтеррее, в 1817 г. принял католичество, а через пять лет женился на Кандиде Кастро. За время своего пребывания в Калифорнии он переменял много профессий. Сначала жизнь, очевидно, была нелегкой. Он работал сапожником, матросом, а позже, когда выучил испанский язык, стал переводчиком. В конце концов он купил участок земли, а позже, во время знаменитой калифорнийской "золотой лихорадки", стал золотоискателем и сказочно разбогател. Как часто бывает с неожиданно разбогатевшими людьми, он не смог удержать своего богатства, совершенно разорился и умер в нищете в 1866 г.

Нелегко было Кускову в основанном им селении устанавливать дипломатические отношения с испанцами. Испанские миссии постоянно требовали ухода русских с незаконно занятых ими территорий, якобы принадлежавших испанцам. Ничем другим, кроме протестов, испанцы воздействовать на русских не могли. Слишком малы были их военные силы в Калифорнии. Кускову постоянно приходилось вести переговоры с испанцами, оттягивать дело, ссылаться на администрацию в Новоархангельске, говорить, что вопрос об основании селения Росс должен разрешаться высшими властями в Петербурге и Мадриде и что Кусков, дескать, только исполнитель распоряжений правления компании и не имеет полномочий разрешить этот спорный вопрос.

Несмотря на все протесты и неприятности, лично Кусков тем не менее установил довольно хорошие отношения с испанцами. Он часто посещал миссию в Сан-Франциско, где покупал вначале семена, скот, продавал баркасы. Испанцы обыкновенно особенно охотно покупали инструмент: лопаты, топоры, пилы.

Для того чтобы как-то "оформить" свое пребывание на бере-

Часовня Форта Росс (1930-е годы)

гах Калифорнии, Кусков решил получить "документ" от индейцев. И это ему удалось, когда в 1817 г. в селение Росс на корабле "Кутузов" прибыл капитан Гагемейстер. Он-то и составил акт о передаче земель селения Росс во владение русским. В акте говорилось, что индейцы "очень довольны занятием сего места русскими, живут в безопасности" от других индейских племен, что эта территория прежде принадлежала им, но добровольно уступлена ими русским. Индейские вожди Чу-гу-ан, Ама-тин, Гем-ле-ле и другие "подписали" этот акт, т.е. попросту оставили на нем отпечатки пальцев.

После смены администрации в Новоархангельске и отъезда Баранова Кусков также покинул свой пост и уехал на родину, как уже писалось, в городок Тотьму, где умер в 1823 г. Похоронен он был на территории Спасо-Суморинского монастыря, но со временем могила его пришла в запустение, и сейчас точное место, где он похоронен, неизвестно.

* * *

После отъезда Кускова Форт Росс существовал еще двадцать лет, управляли им люди, назначаемые из Новоархангельска. Все эти годы жизнь в селении Росс шла своим чередом. Наезжали туда иногда и правители Русской Америки. В 1833 г. там побывал барон Врангель, тогдашний правитель русских владений в Америке. Он писал, что в селении Росс население составляло 199 человек, из них 128 мужчин. Русских было всего 41 человек, 42 алеута, осталь-

ные креолы и индейцы. По словам Врангеля, русские жители изготавливали тогда колеса для телег, баркасы и разную медную и железную посуду, которую постоянно продавали испанцам на сумму до 6 тыс. рублей в год.

Нынешний епископ Григорий Аляскинский (Афонский) в своей статье о путешествии священника Иоанна Вениаминова цитирует записи из дневника миссионера: "Крепость Росс есть небольшое, но довольно хорошо устроенное селение или село, состоящее из 24 домов и нескольких юрт для алеут, со всех сторон окруженное пашнями и лесами, в середине коего находится четырехугольная небольшая деревянная ограда, имеющая две оборонительные будки с небольшими пушками и вмещающая в себя часовню, дом правителя, контору, магазин, казармы и несколько квартир для почетных жителей. Здесь мужского пола 154 и женского пола 106, а всего 206 душ, в числе коих русских 120, креол 51, алеут кадьяковских 50 и 39 индейцев крещеных" (*Епископ Григорий Аляскинский. Путешествие о. Иоанна Вениаминова в Форт Росс в 1836 году*).

Между прочим, к 1833 г. относится основание в окрестностях селения Росс трех хлебородных ранчо. Ближайшее к селению Росс было ранчо Хлебникова размером около 70 акров. На территории ранчо находился небольшой дом размером 35 квадратных метров, в котором было три комнаты. Недалеко от него стояла казарма для рабочих — 20 метров длиной и 7 шириной — также из трех больших комнат. Кроме того, на ранчо был выстроен двухэтажный склад довольно большого размера — 15 метров длиной и 7 метров шириной, с деревянным полом. Была там кухня с большой русской печью для выпечки хлебов. Очевидно, достаточно хорошие урожаи пшеницы собирались на полях ранчо Хлебникова, так как там, по имеющимся сведениям, даже была мельница с жерновом, приводившимся в движение лошадиной тягой. Одна из комнат главного здания на ранчо предназначалась для гостей. На ранчо находилась и обязательная для каждого русского селения баня, размером 28 квадратных метров.

Немного дальше было ранчо Костромитинова, около 100 акров, находившееся несколько южнее устья реки Славянки. Здесь также находилось несколько зданий, среди которых была главная резиденция управляющего, довольно большой дом — 6 на 4 метра, склад длиной 14 и шириной 6 метров; кухня с двумя печами; казарма (16×6 м) из трех комнат и с двумя крытыми верандами. И опять же там была большая баня, необходимая принадлежность каждого русского селения.

На ранчо было два специальных бревенчатых помещения для молотбы хлеба: одно большое (20×20 м), а другое поменьше (8×8 м). Было также несколько подсобных зданий.

В пяти милях к северу от залива Румянцева (Бodega) было ранчо Черных. Это ранчо было одним из наиболее благоустроенных, с большим фруктовым садом и виноградником, где было до двух тысяч виноградных лоз. Из зданий, построенных на ранчо Черных, можно отметить большую казарму из шести комнат, общие

размеры которой были 15 на 6 метров. Там же находились кухня в 32 квадратных метра и большой склад.

Несмотря на то что центр деятельности русских жителей был на территории селения Росс, нельзя не отметить также того, что на защищенном берегу залива Румянцева находилось еще одно небольшое селение, обязанностью его жителей было обслуживание кораблей, приходящих в порт. В порту Румянцева была удобная стоянка для кораблей, и поэтому большая часть грузов для Форта Росс выгружалась в Бодеге, а кроме того, там же нагружались суда зерном и другими продуктами Форта Росс и прилегающих к нему ферм (ранчо) для отправки в Новоархангельск.

В Бодеге находился довольно большой дом из четырех комнат, длиной 6 метров по фронту. Тут же, недалеко, была баня размером 8 и 4 метра и большой склад размером 20 на 10 метров. В отдельном доме была кухня с печами для выпечки хлеба и плитой. В селении на берегу также было несколько мореходных лодок, на которых можно было плавать вдоль берегов. Там же находились специальные лодки из тюленьей кожи (вероятно, байдарки).

Заметный след в изучении Форта Росс оставил морской офицер Дмитрий Иринархович Завалишин, совсем молодым посетивший Калифорнию и Русскую Америку на борту фрегата "Крейсер" в 1822—1824 гг. Завалишин обследовал форт и пришел к убеждению, что территория русских владений должна быть увеличена, если Российско-Американская компания рассчитывает, что Форт Росс станет главной продовольственной базой русских колоний в Америке.

Вернувшись в Петербург в 1824 г., Завалишин представил правлению компании и императору Александру I обширный и детальный план занятия большой территории в Калифорнии. Он считал, что территория Форта Росс, ограниченная морем с одной стороны и горной цепью с другой, не только мала, но и неудовлетворительна для ведения сельского хозяйства. Близость океана была причиной того, что зерно покрывалось ржавчиной. По плану Завалишина следовало продвинуться не только вдоль долины реки Славянки, но и, перевалив через горы, занять обширную, богатую, солнечную равнину до ее естественных рубежей.

Такими рубежами, по мысли Завалишина, могли быть: на севере — граница с США, т.е. до 42-й параллели; на юге — северное побережье залива Сан-Франциско; на востоке — до долины реки Сакраменто, а еще лучше до отрогов горной цепи Сьерра-Навада.

В воспоминаниях, написанных через сорок лет после посещения Калифорнии, Завалишин пишет: "...как скоро обнаружилось все неудобство прибрежных мест для земледелия и стало ясно, что предположенная цель не может быть достигнута на занятой первоначально местности, то отыскание и занятие новых удобных мест сделалось первой потребностью". Завалишин всецело разделял планы правителя Русской Америки относительно способов освоения обширных земель Калифорнии. Он цитирует правителя, который писал правлению: "...купить по крайней мере до двадцати пяти семейств крестьянских... за переселение в Америку... дать свободу и обязать заниматься

земледелием около крепости Росс" (*Д. Завалишин. Дело о колонии Росс*).

Фантазия у Завалишина была богатая, однако надо отдать ему справедливость: он не только мечтал о расширении русских колоний в Калифорнии, но и действовал в этом направлении.

Во время его пребывания в Калифорнии мексиканская империя, созданная в 1822 г., раздиралась междоусобной борьбой. Калифорния не признавала нового мексиканского правительства и в то же время не хотела объявлять независимость. Такое положение дел и привело Завалишина к решению воспользоваться неурядицей. Он быстро разобрался в обстановке и понял, что в Калифорнии происходит борьба двух партий: мексиканской, сторонниками которой были главным образом военные круги, и испанской — лояльной испанской короне и поддерживаемой миссионерами. В сущности, обе стороны были слабы. У первой были солдаты, но очень плохо вооруженные, у второй — масса крещеных индейцев.

Вначале Завалишин пытался связаться с мексиканской партией, но его заигрывание с ее представителями успеха не имело, и он перекинулся на сторону миссионеров. Он заметил умного и честолюбивого патера, настоятеля миссии Св. Франциска, Иосифа (Хозе) Альтимиру. Заведя с ним знакомство, Завалишин сумел внушить ему мысль о том, что в этой междоусобице миссионерам лучше всего перекинуться на сторону России. В своем докладе он писал, что надеется привлечь "иных по фанатизму, других по корыстолюбию, иных по ненависти к республиканскому правлению, остальных — внуша описание со стороны Англии".

Видимо, чтобы не делать задуманного слишком открыто, Завалишин решил объявить о своей идее создания некоего вселенского рыцарского Ордена Восстановления, которому предстояло в числе прочего захватить власть в Калифорнии, а затем присоединить ее к России. Идея, казалось бы утопическая, служила Завалишину в какой-то степени прикрытием, ибо его планы бескорыстием не отличались. Патеру Альтимире и другим миссионерам он рисовал радужные картины: орден поможет восстановить трон, покончить с республиканцами и масонами, а главное — ордену будет покровительствовать сам русский император*.

Уже во время первой беседы с Альтимирой Завалишин понял, что монах его планам сочувствует. Вероятнее всего, опытный во всевозможных интригах и политике Альтимира просто-напросто решил, что слухи об основании ордена будут ему на руку и поэтому полностью согласился с планом Завалишина и "признал" пока еще не существующий орден. Завалишин после разговора с Альтимирой, похоже, обрел уверенность и даже стал называть себя Великим магистром Ордена Восстановления.

* О проекте создания Ордена Восстановления и его уставе Д. Завалишин писал Александру I, но государь не воспринял его идеи, что, как увидим, не помешало ему впоследствии писать о том же Николаю I. Подробнее см.: *Шатрова Г. П. Декабрист Д. И. Завалишин: Проблема формирования дворянской революционности и эволюция декабриста. Красноярск, 1984.*

Честолюбивым планам Дмитрия Завалишина положило конец восстание декабристов 1825 г. Замешанный в планах заговорщиков, он был арестован и сослан в сибирскую каторгу на 20 лет.

Интересно, что, даже находясь под следствием, в заключении, еще до приговора суда и высылки в Сибирь, Завалишин не оставлял своих фантастических планов и писал императору Николаю I, что "плодородные гавани и географическое положение Калифорнии заставили его желать присоединения этой провинции к России".

В том же письме он писал о своих попытках сблизиться с миссионерами: "Я стал деятельно учиться испанскому языку, вошел в связи с миссионерами и начальниками и умел заслужить их доверенность, желая, чтоб общество, мною учреждаемое, не токмо в главной цели своей, но и во всех побочных действиях было полезно отечеству. Я предполагал сделать Калифорнию главным местом его пребывания, преобразовав его в орден рыцарский".

И наконец, уже в ожидании этапа в Сибирь Завалишин в письме Николаю I в начале 1826 г. опять возвращается к своим планам относительно Калифорнии. Он пишет: "Калифорния, поддавшаяся России и заселенная русскими, осталась бы навсегда в ее власти. Приобретение ее гаваней и дешевизна... позволяет содержать там наблюдательный флот, который бы доставил России владычество над Тихим океаном и китайской торговлей, упрочил бы владение другими колониями, ограничил бы влияние Соединенных Штатов и Англии".

* * *

В промежуток времени между правлением Кускова и Ротчева Форт Росс руководили еще три правителя: Карл Шмидт (1821—1825), П. Шелихов (1825—1829) и П.С. Костромитинов (1829—1836). Период правления Алесандра Гавриловича Ротчева (1836—1841) оставил самый яркий след в истории этого селения в Калифорнии. Ротчевы были людьми образованными. В крепости Росс они постарались окружить себя привычной обстановкой. Они собрали приличную библиотеку на русском, французском и немецком языках, в доме было пианино, чудная мебель. Иногда они устраивали приемы, на которые приезжали гости из испанских миссий. Dufлот de Mofras, посетивший Форт Росс в 1841 г., писал, что дом Ротчевых был обставлен с большим комфортом, чем даже дом губернатора Калифорнии в Монтеррее. В доме звучала музыка Моцарта и гостей угощали прекрасными французскими винами из собственного погреба.

Судя по одному документу, можно предположить, что Елена Ротчева привезла с собой по крайней мере одну крепостную девушку, горничную. В выписке из "Метрических книг Свято-Троицкой церкви селения Росс" говорится о крещении новорожденного, "сына крестьянина Орлова из Архангельска и его законной жены креолки". Воспреемниками на этом крещении записаны были креол Я.С. Осколков и "крепостная девка дворянина Ротчева Алесандра Гавриловича Агафья Иванова".

Всему в жизни приходит конец. Пришел он и Форт Росс. Форт как земледельческая база русских владений на Аляске не оправдал надежд. Поставки зерновых становились с каждым годом все меньше и меньше. В 1817 г., по сведениям В. Потехина и А.И. Алексеева, капитан Гагемейстер, посетивший Форт Росс на фрегате "Кутузов", вывез в Новоархангельск 1396 пудов пшеницы, 995 пудов ячменя, по 200 пудов бобов и гороха и 144 пуда соли.

С 1826 по 1833 г., т.е. за восемь лет, из форта было вывезено всего только 6 тыс. пудов зерна (пшеницы и ячменя), что в среднем составляет только 750 пудов в год. Урожайным оказался 1832 г., когда в Новоархангельск было вывезено 1500 пудов зерна.

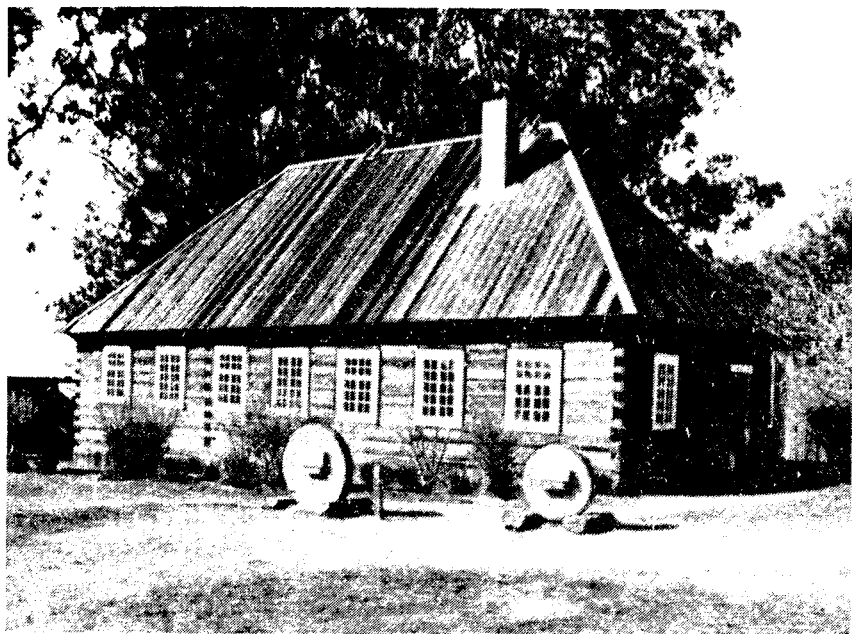
В животноводстве, наоборот, произошло заметное улучшение по сравнению с 1817 г., когда в Форте Росс было только 223 головы рогатого скота. В 1833 г. там насчитывалось 719 голов рогатого скота, 605 баранов и овец, 415 лошадей и 34 свиньи, т.е. всего 1773 головы.

А.Г. Ротчев принял энергичные меры по спасению Форты Росс, и, хотя урожаи оставались низкими, ему удалось закупать зерно у испанцев. Так что за последние четыре года он смог отправить в Новоархангельск 9918 пудов пшеницы, 939 пудов ячменя, 20 пудов ржи, 100 пудов сухарей, 243 пуда гороха, 246 пудов гречихи, 109 пудов фасоли, 38 пудов кукурузы и многое другое.

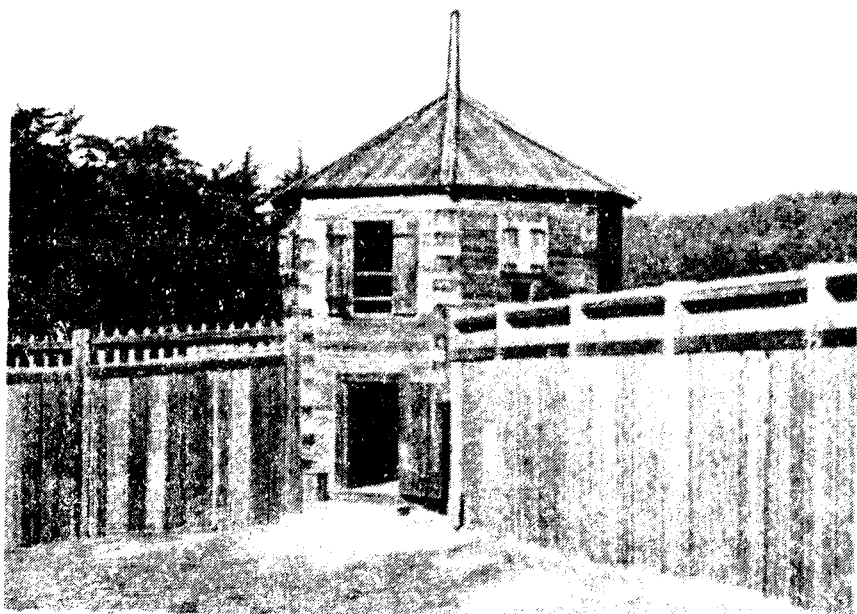
Другим занятием жителей Форты Росс была добыча морского зверя, главным образом котиков. Но неограниченная охота, в особенности так называемыми бостонцами, привела к тому, что этот зверь почти исчез. (Бостонцами в то время называли американских корабельщиков, занимавшихся торговлей и промыслами в Тихом океане. Они были главным образом из Бостона — тогдашнего центра американского кораблестроения и торговых морских компаний.)

Короче говоря, существование Форты Росс стало делом убыточным. Правление компании не думало об имперских интересах Государства Российского. Им ближе были другие интересы — получение барышей, а форт не только перестал приносить барыши, но стал просто-напросто бременем. Решено было от него отказаться и, если возможно, продать испанцам, а если нет, то покинуть насиженное место, а населению вернуться на Ситку. Легко сказать "вернуться на Ситку". В селении Росс, просуществовавшем почти 30 лет, были люди, которые там родились, выросли, женились и завели собственных детей. Для них Форт Росс был домом, родиной. И конечно, "возврат" в чужой Новоархангельск многих жителей форты совсем не прельщал.

Ротчеву пришлось распоряжение ликвидировать форт в кратчайший срок. 4 сентября 1841 г. он приехал в имение швейцарца Суттера, иммигранта, человека весьма авантюристической складки, и предложил ему купить у русских Форт Росс со всем имеющимся в нем имуществом. Делал Ротчев это не совсем охотно. Он предпочел бы продать Форт Росс испанцу, генералу Валлейю, с которым был дружен и которому и было первоначально сделано предложение — за

Дом А.Г. Ротчева

Угловая башня крепости Росс

месяц до сделки со швейцарцем Суттером. Но Валлейо полагал, что положение русских вынудит их оставить форт на произвол судьбы, поэтому затягивал переговоры. Сперва он предложил мизерную сумму в 9 тыс. долларов и за форт, и за все имущество. Потом началась отсрочка за отсрочкой. Ротчеву наконец все это надоело, и он предложил все Суттеру, который согласился купить форт за 30 тыс. долларов.

12 декабря Ротчев приготовил для Суттера окончательный текст контракта, который был доставлен в Сан-Франциско местному агенту Российско-Американской компании Костромитинову. 13 декабря контракт был подписан обеими сторонами. 31 декабря 1841 г., в канун Нового года, русское население навсегда покинуло Форт Росс и выехало на бригантине "Константин" в русские владения на о-ве Ситка.

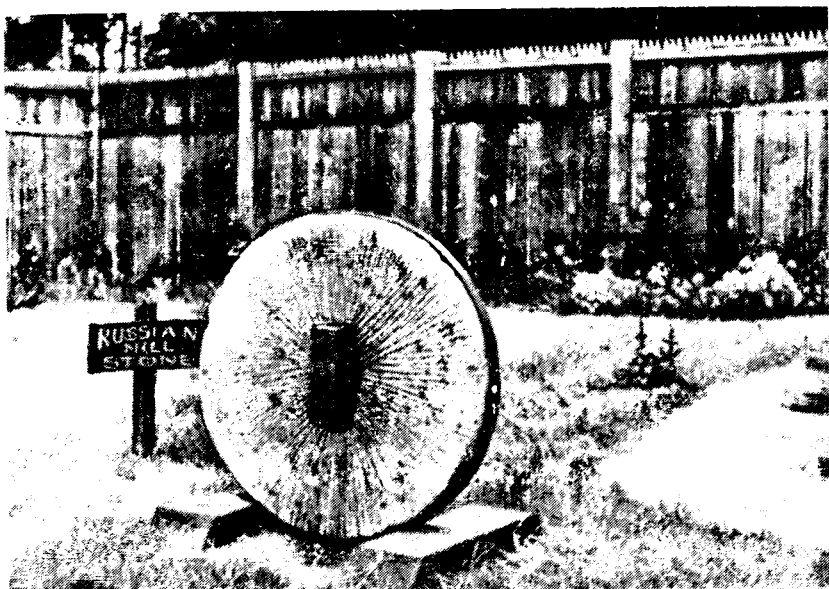
Суттер, подписав контракт на покупку Форта Росс за 30 тыс. долларов, обязался выплатить деньги в четыре срока, с перерывом в один год между платежами. За эту сумму, которую он, насколько известно, никогда не выплатил, он получил все постройки Форта Росс (совершенно ему ненужные), а также все пушки и амуницию форта. Кроме того, он приобрел весь скот (3540 голов), сельскохозяйственные орудия (40 борон, 47 плугов, 5 четырехколесных и 10 двухколесных повозок и т.д.) Все это практически досталось Суттеру даром!

Уехав из колонии, русские оставили там свои сады, в которых в год продажи форта Суттеру было 207 яблонь, 29 персиковых, 10 грушевых и 8 вишневых деревьев.

Ко времени ликвидации форта, согласно архивам Российско-Американской компании, хранящимся в Библиотеке конгресса и Национальном архиве в Вашингтоне, там жили 218 человек, из них 134 мужчины и 84 женщины; согласно записям последнего года, дворян и чиновников — 3 мужчины и 3 женщины; россиян — 45 мужчин, женщин не было; креолов — 31 мужчина и 51 женщина; алеутов — 38 мужчин и 13 женщин; крещеных индейцев — 17 мужчин и 17 женщин.

Покинув Форт Росс, русские оставили там не только сады и строения, они посеяли семена русской культуры и традиций, передававшихся потом как эстафета из поколения в поколение вплоть до наших дней. Исследователь Форта Росс А.Ф. Долгополов, посетивший племя индейцев, живущих на землях, соседствующих с фортом, обнаружил в словаре индейцев такие русские слова, как молоко, порох, пшеница, ложка, чулки, кошка, яблоко, вино, табак, нос, хмель и другие, а также некоторые русские слова в искаженном виде: корошо (хорошо), водки (водка), ого (огонь), чайо (чай), иичо (яйцо), супо (суп), тополо (топор), паскудо (плохой, паскудный), ивиты (цветы) и много других.

Со времени морских разведок Шелихова на Алеутские острова и Аляску всеми правителями и исследователями были получены секретные инструкции (Шелиховым от тогдашнего сибирского генерал-губернатора Якоби) зарывать во всех открываемых ими землях медные доски с надписями "Земля Российского владения". На тот

Жернов с русской мельницы Форта Росс

случай, если какая-нибудь другая держава станет оспаривать права на владение открытой русскими землей. Интересно, что дат на этих досках не ставили.

В секретном документе тех времен за подписью руководителей Российско-Американской компании так описывается эта операция: "1788 года штурманами Измайловым и Бачаровым, плававшими на судне Трех Святителей, положена доска № 7 в Чугатской губе. Приметы: войти в губу Чугатским проливом с полуденной стороны, проплыть восемь с половиной верст и обратиться к Северозападной оконечности первого, посреди пролива лежащего островка; на нем есть утес в полторы сажени, — и здесь между двумя умеренной вышины лиственничными деревьями, из коих у крайнего к воде вершина высохла и немного сломлена, зарыта доска в землю на пять вершков" (Ф. Канцелярия. Д. 3645. Л. 47—48). И дальше: "На острове Нучек положена доска № 8. Прим.: Войти в устье реки, протекающей от Северной стороны залива Св. Константина и Елены; от оконечности леса с правой стороны берега на ветр Северовосток 60,00 с у особо стоящего лесного островка, прямо вытянувшийся от него на ветр Юговосток 77,00 к неубылой воде на крупной дресвяной лайбе у берега, подавшегося несколько к горе, зарыта сперва желтою, потом черною сухою землею в глубину на пол-аршина, со входа сюда от лайды, к которой доска стоит лицом между тремя лесинами в правой стороне; первая из них с лайды толстая, до испода с сучьями лиственничная лесина, пеленги же к ней по компасу на ветр Юговосток 23,00. Вторая на левой стороне потоньше первой. Сия от корня своего немного дупляниста и на три четверти к оному наклонена к лайде. От

наклонности же и опять вверх стоит прямо с сучьями на Северо-восток 67,00. Все сии три лесины расстоянием от доски по два немалые шага и около всех их, кроме лайденной стороны, имеется стоячий немалый лес". Еще одна доска положена в Якутатском заливе, а также в бухте Лотуа. Из того же документа известно, что в 1794 г. устюжским мещанином Василием Малаховым была зарыта медная доска в Кенайской губе. В 1795 г. прапорщиком Иваном Родионовым под Ачилхатским заливом на о-ве Якобия в Лодыженской гавани на левой стороне в небольшом заливчике положена доска №3.

Что касается берегов Америки ближе к Форту Росс, то известно, что крестьянин Сысой Слободчиков в 1808 г. заложил в бухте Три니다д под 41 градусом северной широты железную доску №1 с той же надписью "Земля Российского владения". Давно было известно, что и Кусков зарывал такие доски на калифорнийском берегу, хотя точные места открылись только после обнаружения секретного документа.

Оказалось, что коммерции советник Кусков в свое посещение залива Бодега в Калифорнии в 1809 г. зарыл доску с надписью "Земля Российского владения" в заливе Малая Бодега. Эта доска под №14 была зарыта на оконечности мыса, именуемом тамошними народами Тульяте-лива. "По наблюдениям Ванкувера оконечность мыса находится под 38 градусом 10½ минут северной широты и 237 градусов 21 минут (?) долготы от Гринвича". Дальше в описании говорится, что доска "зарыта на аршин в глубину. От сего места на ручье Ост-Зюйд-Ост ровною отлогостью к морю расстояния семьдесят одна с половиною семи футов сажень; на тот же румб лежит островок в расстоянии примерно от берега около ста пятидесяти сажень. Вид оконечности мыса местами утесистый, с лощинами, покрытыми травой; мыс морской залива Бодега от доски на румбе Зюйд-Зюйд-Ост-Ост — гряда камней, а посредине ее находится возвышающийся на всем камень от ямы на румбе Нор-Вест-Вест в расстоянии пятидесяти семи с половиною сажень".

Дальше сообщается, что "в Драковой бухте положена доска №20. Бухта лежит в 36 градусе 1 минуте северной широты и 237 градусе 27 минуте долготы от Гринвича. Оконечность мыса обведена вокруг утесом кирпичного цвета, поверхность одного имеет отвалистую опухлость и небольшой во все стороны скат; на самой середине опухлости сокрыта доска; от сего места до самой оконечности и утеса на Ост и Зюйд расстояния сорок одна с половиною семифутовых сажень; опухлостью и по скату на плоскость до перешейка на Норд-Вест-Вест четырнадцать с половиною сажень; на Зюйд-Вест опухлостью и скатом до утеса 16½ сажень; отлогость на самой оконечности упоминаемого перешеечного мыса лежит на Ост. При помянутой отлогости находится довольной величины кекур, возвышающийся в половину матерого берега в тридцати примерно сажнях расстояния, а подле одного в трех сажнях другой посредственной величины кекур (так в Сибири называется отдельно стоящий утес), лежащий от первого на Зюйд-Вест".

В 1810 г. "им же против Шарлотских островов при острове Дундас на малом острове положена доска №18". И наконец,

в 1811 г. указано, что "к мысу Малой Бодего в северном рукаве Св. Франциска, где крепость и миссия Гиспанцев, положена доска без номера".

В те времена, когда доски были зарыты в разных местах по западным берегам Америки, их, вероятно, на основании указанных описаний не трудно было бы найти. Теперь же, через 185—190 лет, можно только приблизительно предполагать, где находятся зарытые доски.

* * *

Тихо, в полном забвении доживал свой век Форт Росс после продажи его Суттеру в 1841 г. Здания внутри и снаружи стен форта стали приходить в ветхость, гнили, падали. Известно, что в 1873 г. как форт, так и несколько ранчо вокруг него были приобретены семейством Джорджа Колла.

К концу прошлого столетия большинство зданий снаружи форта исчезло — развалились или были разобраны, — но внутри форта еще оставалось несколько зданий, как видно, крепче построенных. В углу форта по-прежнему, как и во времена владения фортом русскими, стояла часовня. Кладбище постепенно пришло в запустение, деревянные кресты подгнили и упали. В 1897 г. еще стоял один крест. С тех пор могильные холмы сравнялись с окружающей местностью, стада овец притоптали землю, и от кладбища не осталось никаких следов.

Приблизительно в 1887 г. семейство Джорджа Колла устроило на территории Форта Росс почтовую станцию. Имеющиеся там здания, главным образом дом правителя и казармы, были использованы под кабак, гостиницы и склады, а часовня была превращена в конюшню или хлев.

Епископ Алеутский и Аляскинский Николай, посетивший Форт Росс в марте 1897 г., так описал это место: "В центре форта — дом бывших управляющих фортом. Это по виду настоящий помещичий дом средней руки. Комнаты небольшие, с низкими потолками... В этих небольших, но уютных комнатах сохранилось и несколько русской мебели: клавикорды, привезенные еще в 1820 году из Парижа и теперь издающие... какие-то замогильные звуки, налой из церкви на одной ножке, выкрашенный в синий цвет, да еще несколько скамеек".

Грустную картину, по описанию епископа Николая, представляла церковь: "Церковь — небольшое деревянное, четырехугольное здание с высокой крышей и двумя башнями в форме грузинских, продолговатых и остроконечных, выцветшая, облезлая, темная, полуразвалившаяся, с выбитыми стеклами... Входим в крытую паперть... отворяете двери, и вашим глазам представляется самое возмутительное зрелище: во всю длину храма идут стойла для животных".

Епископ предложил владельцу, м-ру Коллу, откупить у него часть форта — церковь, соседний дом с огородом и кладбище. Но из этого ничего не вышло. Сделка не состоялась. К началу XX в. здания форта пришли в упадок, стены во многих местах подгнили и упали, развалились угловые башни.

К этому времени фортом заинтересовался Калифорнийский комитет по охране исторических памятников (The California Historical Landmarks Committee of San Francisco), который за три года до большого землетрясения, т.е. в 1903 г., приобрел участок форта и передал права на него штату Калифорния.

В 1905 г. Форт Росс посетил епископ Тихон, глава Алеутской и Северо-Американской епархии (впоследствии патриарх Московский и Всея Руси). К его посещению произошли кое-какие изменения в Форте Росс, а главное, на что он обратил внимание, было то обстоятельство, что с переходом Форта Росс во владение штата Калифорния часовня форта приняла более благопристойный вид. Сопровождавший епископа Тихона священник Федор Пашковский (впоследствии митрополит Феофил Америки и Канады) довольно подробно описал состояние зданий форта. "Мерзости запустения", как писал раньше епископ Николай, уже не было. По словам священника Пашковского: "Сравнительная чистота и порядок нас приятно поразили". Но он отметил, что "на куполе часовни уже не сохранилось поперечной перекладины креста, но на колокольне такой еще стоит".

Посетители отметили также, что дом правителя был в целости и сохранности. К нему примыкало большое двухэтажное здание в десять комнат, которое они называли "офицерским зданием", очевидно, помещение для служащих компании. Епископ Тихон со своими спутниками переночевал в этом доме и на следующий день вернулся в Сан-Франциско.

Как епископ Николай в 1897 г., так и епископ Тихон в 1905-м совершил на кладбище Форта Росс молитвенное поминовение людей, способствовавших его основанию. Епископ Тихон помянул раба Божия Александра (Баранова) и всех "зде лежащих православных христиан". Епископ Николай за 8 лет до него также отслужил панихиду на кладбище "по почившим братьям нашим".

В 1906 г. во время страшного землетрясения в Сан-Франциско от сильных подземных толчков повалились и стены часовни Форта Росс, крыша ее с куполом осела на землю.

Прошло еще несколько лет. Форт оставался в полном запустении, и только в 1916 г. решено было приступить к реставрации часовни Форта Росс. Реставрация была полностью закончена в 1917 г., и часовня снова приобрела тот вид, какой имела во времена, когда форт принадлежал русским. Более энергичные реставрационные работы были проведены в 50-е годы как в часовне, так и по реставрации стен форта и его угловых башен, а также и по сохранению единственного, кроме часовни, здания на территории форта — дома правителя. В настоящее время стены и башни форта полностью восстановлены. Обе — с амбразурами, какими они были во времена Кускова. Самым последним улучшением в общем плане форта и в процессе реставрации зданий было отведение с территорий форта проходившего здесь прежде шоссе №1. С 1973 г. оно обходит форт стороной.

Необычайна судьба одного из колоколов часовни Форта Росс. В часовне было три колокола, и, очевидно, после продажи форта два маленьких колокола были вывезены русскими в Новоархангельск,

тогда как третий, большой, весом около трех пудов, был оставлен в часовне. Вероятно, Суттер увез колокол к себе в имение на реке Сакраменто. Позже след колокола потерялся. Неисповедимыми путями колокол попал на барахолку или на склад скупщика железного лома в Сан-Франциско, где и пролежал никому не нужный несколько лет, покрытый грязью и пылью.

В 1866 г. пожарной команде города Петалума понадобился колокол для оповещения жителей о пожарах. Нашли колокол у барахольщика. Правда, это был странный колокол, с неизвестными надписями на чужом языке. Пятьдесят лет прослужил колокол верой и правдой жителям Петалумы, оповещая о пожарах своим не подходящим к случаю мелодичным звоном. Наконец в пожарной команде были проведены улучшения, и колокол за ненужностью был уволен в почетную отставку. Он был отвезен на склад, и вскоре о нем забыли.

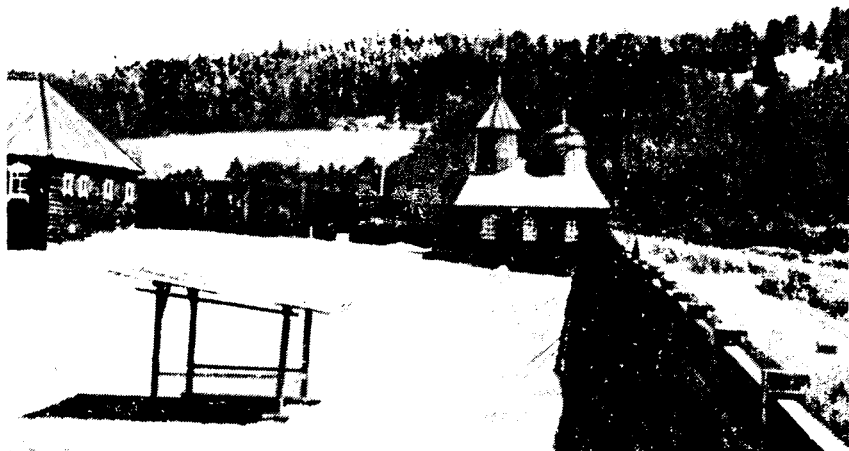
Среди русских жителей окрестных городков в начале этого столетия ходили слухи о колоколе с русскими надписями и изображениями Спасителя и Божьей Матери. Интерес к таинственному колоколу возобновился в 20-годы, с наплывом в Калифорнию русской эмиграции из Мальчжурин, но никто не знал, где он находится. Однако, по мнению многих, это мог быть колокол из Форта Росс.

Председатель Русского исторического общества в Сан-Франциско Михаил Дмитриевич Седых вступил в переписку с суперинтендантом калифорнийских штатных парков Р.С. Куном и с представителями калифорнийской организации "Сынов Золотого Запада" (Native Sons of Golden West). В одном из писем Куну Седых написал, что по имеющимся у него данным колокол должен быть в бывшем имении генерала Валлейо "Каза Гранде". Р.С. Кун ответил, что колокола в "Каза Гранде" нет, он знает это достоверно, потому что сам живет в этом имении, но обещал начать поиски колокола.

Прошли месяцы, и однажды от Куна пришло письмо, что в трех милях от города Петалума, в другом, маленьком имении Валлейо, тоже носящем имя "Каза Гранде", в старом сарае обнаружили колокол. И колокол, и сам сарай принадлежат местной организации "Сынов Золотого Запада", которые владеют колоколом вот уже тридцать лет не имея понятия о его происхождении. Теперь нужны русские сведущие люди, чтобы определить, тот ли это колокол.

Был 1945 год. Седых, я и моя жена Елизавета Михайловна, тоже активный член общества, отправились в Петалуму. Можно себе представить тот трепет, с которым мы подходили к колоколу. Но все сомнения сразу рассеялись: на нем ясно были видны изображения Иисуса Христа и Богоматери. Богоматерь держала свиток, на котором отчетливо читалась надпись на старославянском: "Царю Небесный, прими всякого человека славящего". В нижней части колокола по ободу было написано: "Отлито в С. Петербурге на заводе мастера купца Михаила Макарова Стуколкина". Перед нами была потерянная, уникальная реликвия — колокол Форта Росс.

Колокол был осторожно погружен в нашу машину и отвезен в Сан-Франциско, где руководители "Сынов Золотого Запада" назначили торжественный день его водворения в часовню Форта Росс.

Часовня Святой Троицы

В день праздника "Лэйбор дэй", 3 сентября 1945 г., состоялась эта торжественная передача. Я, к сожалению, не мог присутствовать на церемонии, так как к тому времени переехал в город Боулдер в Колорадо, где получил преподавательскую работу в Колорадском университете. Но по рассказам знаю, что на церемонии присутствовали представители высшей администрации штата Калифорния, высшие русские духовные лица, председатель Русского исторического общества М.Д. Седых и многочисленная публика. Одновременно с колоколом хранителю Форта Росс был передан флаг, точная копия флага Российско-Американской компании. Этот трехцветный бело-синие-красный флаг был сшит из шелка моей женой Е.М. Петровой, а герб на флаге, изображающий Св. Георгия Победоносца, вышит З.В. Макаровой. Так колокол вернулся в Форт Росс.

Тысячи русских паломников теперь посещают форт — памятник русской предприимчивости и русской культуры, пункт самого дальнего проникновения русских на Американский материк. Это паломничество началось в 1925 г., когда 4 июля в Форт Росс прибыло духовенство Свято-Троицкого собора в Сан-Франциско с хором и несколькими десятками богомольцев для первого богослужения в небольшой старинной часовне форта, после перерыва почти в 85 лет. С тех пор паломники обычно приезжают в форт в день 4 июля. Несколько позже установилась также традиция посещать Форт Росс с духовенством Скорбященского собора в День поминовения, 30 мая.

Говоря о реставрации форта, нельзя не отметить группу первых русских энтузиастов, объединенных идеей создать памятник основателям Форта Росс. В группу входили Г.М. Родионов (председатель),

члены делового комитета А.П. Фарафонов, В.Н. Арефьев, П.С. Оленич, Т.Ф. Токарев и члены инициативной группы В.П. Лебедев, А.П. Лебедев, Б.П. Лебедев, А.И. Лебедев и протоирей Свято-Троицкого кафедрального собора о. А. Вячеславов. Имена их многим калифорнийцам теперь, вероятно, не известны, но они сделали большое дело, первый шаг в изучении истории Форта Росс. Памятником их деятельности остался прекрасно изданный в 1937 г. небольшой исторический альбом с иллюстрациями под названием "Форт Росс — аванпост былой славы России в Америке, 1812—1937 гг." Этот альбом теперь библиографическая редкость.

Вероятно, мало кому известно и то, что житель Сан-Франциско Георгий Лебедев, в прошлом активный участник реставрационных работ в Форте Росс, был первым русским ребенком, крещенным в восстановленной часовне форта, тогда еще трудно доступного.

Со смертью М.Д. Седых деятельность Русского исторического общества сошла на нет, но ее продолжает вновь созданное Русско-Американское историческое общество, которое в настоящее время возглавляют проф. В.П. Петров, проф. Н.И. Рокитянский и Г.П. Третьяков.

* * *

Двадцать пять лет пробыл возвращенный колокол в часовне Форта Росс до того туманного предрассветного часа в начале октября 1970 г., когда часовня вдруг вспыхнула, как свеча. Как описывалось выше, спасти часовню не удалось, погиб и старый колокол, расплавившись в огне.

Прошло три с половиной года, и все это время люди, посещавшие форт, со скорбью взирали на место пожарища, где более 150 лет стояла часовня. Постепенно началась кампания по сбору средств на восстановление часовни. Пошла навстречу и администрация штата Калифорния. В результате часовня была восстановлена на прежнем месте. Что касается колокола, то куски расплавленного металла были собраны, и группа русских калифорнийцев, объединенных в Общество мирян в Америке (под председательством покойного И.А. Барсукова), вынесла решение — отлить новый колокол, точную копию погибшего, влив в нее остатки металла, найденные на пепелище. После долгих поисков фирмы, которая могла бы отлить колокол, Общество мирян остановилось на бельгийской компании "Сергейс" в Лувене, которая и изготовила новый колокол. Он прибыл из Антверпена 20 октября 1973 г. Отливка обошлась в 4250 долларов.

8 июня 1974 г. состоялось торжественное открытие обновленного Форта Росс. Администрацией штата была разработана обширная программа торжеств. День выдался на редкость удачным, солнечным, праздничным. С раннего утра к Форту Росс стали прибывать непрерывным потоком машины. Пришло даже несколько автобусов из Сан-Франциско и других городов. Накануне вечером из Лос-Анджелеса вышли два больших автобуса с членами Общества друзей Форта Росс. Им пришлось ехать всю ночь, чтобы к утру попасть на торжества.

Возвращенный колокол

День 8 июня превратился в настоящий русский праздник. По подсчетам представителей администрации штата Калифорния на торжество прибыло по меньшей мере три тысячи человек, в большинстве своем русские жители Калифорнии.

Накануне праздника в соседнем с Фортом Росс индейском селении состоялся торжественный молебен. После молебна — ритуальные танцы, во время которых старейшины "заказали" хорошую погоду, о чем и поведал вождь племени. Он громко заявил, что в день праздника будет самая лучшая погода, какая была за всю историю существования Форта Росс.

Подъезжая к устью Славянки (теперь Русская речка), паломники увидели, что индейский вождь не подвел: было раннее утро, но солнце уже сияло всюду, освещая узкое устье реки и бесконечный, необычайно спокойный океан. Одиннадцать миль пути — от устья до Форта Росс — по извилистой дороге на головокружительной высоте пролетели незаметно, и вдруг перед глазами путешественников предстало чудное видение — залитый солнцем форт!

Открытие восстановленной части форта было обставлено очень торжественно. Для всех русских это был день радости и гордости, не только оттого, что восстановлена русская историческая реликвия, но и от сознания, что труды русских людей в Америке признаны и оценены.

Перед отъездом из форта мы бросили последний взгляд на океан. Он был по-прежнему спокоен и словно благосклонно взирал

на потомков основателей форта, приехавших поклониться их памяти. Чуть шевелился на флагштоке трехцветный флаг. На перекладину, где висит колокол, кто-то положил сноп полевых васильков. И вдруг мы почувствовали неразрывную связь, кровное родство с людьми, которые когда-то построили этот форт, и глубокую благодарность к приютившей нас стране, давшей возможность сохранить русское наследие на американской земле.

* * *

Интерес к Форту Росс растет с каждым годом благодаря самоотверженным и неусыпным заботам как отдельных лиц, так и организаций, посвятивших себя делу дальнейшей реставрации форта и увековечения памяти его русских основателей. В 70-х годах особенно энергичную работу вела организация Общество друзей Форты Росс, основанная в Лос-Анджелесе в 1973 г. С.Н. Куличковым, А.Ф. Долгополовым и проф. В.П. Петровым. Много работает в этой области также и проф. Н.И. Рокитянский, за последние годы собравший значительный новый материал по истории форта, и, конечно, большую помощь оказывает администрация штата Калифорния, отпускающая денежные средства на реставрацию форта. Активное участие принимает в ежедневной, можно сказать, будничной работе по содержанию форта, обслуживанию музея и книжного киоска организация добровольцев из соседних городков и ферм, называемая Fort Ross Interpretive Association.

За последние годы исследовательская работа по изучению истории Форты Росс проводилась не только специалистами из Канады и Америки — В.П. Петровым, Н.И. Рокитянским, Д.Р. Гибсоном, Р.И. Пирсом, епископом Ситкинским и Аляскинским Григорием (Афонским), но и советскими учеными и исследователями. В теперешней России серьезно занимаются изучением прошлого Русской Америки, и в частности Форты Росс, несколько историков и этнографов, таких, как покойный академик А.П. Окладников, С.Г. Федорова, Р.В. Макарова, А.И. Алексеев, Н.Н. Болховитинов, недавно скончавшийся писатель С.Н. Марков и В.И. Безъязычный, вероятно, лучший знаток истории Форты Росс и деятельности его последнего правителя Ротчева. Большой вклад внес Н.К. Ковальчук-Коваль, в прошлом житель Харбина в Маньчжурии, теперь покойный, который своей энергией и трудами способствовал сохранению исторического дома Кускова в Тотье.

Администрацией штата Калифорния были отпущены средства на восстановление дома Кускова и дома служащих в Форте Росс. Оба эти здания полностью восстановлены.

Недавно, 20 июля 1985 г., на участке Форты Росс состоялась торжественная церемония открытия сооруженного там Центра для посетителей (Visitors Center).

На торжественной церемонии выступали с речами приглашенные официальные лица. Весьма обстоятельную и изобилующую историческими фактами речь произнес член правления СовеЩательного комитета Интерпретационной ассоциации Форты Росс проф. "эмеритус"

Пожар часовни 5 октября 1970 г.

Николай Иванович Рокитянский. Она воспроизводится мною почти полностью: "Наконец! Наконец! После долгих лет упорной работы Форт Росс получил свой Центр посетителей! Я прошел по форту, по залам Центра, разглядывал выставленные экспонаты и увидел, что, несмотря на хорошую экспозицию, выставка далеко не полна. Истинная история Форта Росс еще ждет своего часа!

Когда в 1812 г. Российско-Американская компания начала здесь свою деятельность, ее намерением было мирно, без конфликтов засеять поля и посадить огороды, сделав новую территорию базой снабжения колоний на Аляске свежими сельскохозяйственными продуктами. Здесь нужно по пунктам отметить следующие вехи:

1. С индейцами был заключен исторический договор. Этот договор явился первым и единственным и никогда не был нарушен!

2. Первый правитель Форта Росс И.А. Кусков соорудил первую в Калифорнии верфь.

3. Символ штата Калифорния — золотой мак был найден и квалифицирован русским натуралистом и ботаником Иваном Ивановичем Эшгольцем. Он посетил Форт Росс в 1824 г. в качестве участника одной из 13 русских научных экспедиций в Америку. Позже растение было названо его именем.

4. Русский ученый агроном Г.И. Черных жил в Форте Росс 10 лет и построил там первую в Калифорнии метеорологическую станцию. Его данные являются самыми ранними сведениями о калифорнийской погоде и климате.

5. Того же Черных мы должны благодарить за посадку 2000 вино-

градных лоз в уезде Сонома, которые оказались первым виноградником в Калифорнии.

6. Русские художники Тиханов, Михайлов и Людвиг Хорис (немец) сделали зарисовки, наблюдая жизнь калифорнийских индейцев в начале XIX столетия. А участник русской экспедиции, поэт и натуралист Адельберт Шамиссо, собрал и классифицировал сведения о многих наших прибрежных растениях и животных.

Вопреки широко распространенному мнению Российско-Американская компания не "уничтожила" морских выдр. В то время когда Иван Куков строил Форт Росс, выдры были уже почти уничтожены испанцами и американцами. Вообще Форт Росс никогда не являлся важным центром охоты выдр, а был скорее фермой, торговым пунктом,

Чтобы понять, как Российско-Американская компания оказалась здесь, надо заглянуть в русскую историю.

В 1580 г. русские землепроходцы перешли Уральские горы, примерно в то же время, когда английские пионеры осели в Виргинии. Пятьдесят лет спустя русские достигли берегов Тихого океана, как раз когда американские колонисты устраивались в горах Аппалачи. В 1741 г. русские открыли Аляску. В то время Америка еще была английской колонией.

В 1775 г., во время войны за независимость, Екатерина Великая отказала в просьбе королю Георгу III отправить в Америку 20 тыс. солдат для подавления восстания американских колонистов. Вместо этого она объявила в 1780 г. вооруженный нейтралитет. Екатерина Великая, между прочим, просила содействия Дж. Вашингтона в составлении универсального словаря, долженствующего включить в себя и языки американских индейцев.

В 1784 г. русские стали заселять Аляску. Америка была уже свободной, а Сан-Франциско являлся чисто испанским поселением.

В 1810 г. более двухсот кораблей под американским флагом посетили русские гавани в Риге, Петербурге, Архангельске и Ревеле.

В 1806 г. Николай Резанов посетил испанский форт Сан-Франциско, называвшийся тогда "Президио Св. Франциско", завязал торговые сношения и обеспечил снабжение колонии на Аляске провизией. История любви Резанова и пятнадцатилетней Концепсион (Кончиты) Аргуэльо является старейшим калифорнийским трагическим преданием. Резанов умер в Сибири на пути в Петербург, где он надеялся получить разрешение на брак с Концепсион. После его смерти Концепсион стала первой калифорнийской монахиней доминиканского ордена.

Мечтой Резанова были сельскохозяйственные поселения на еще не занятых берегах Калифорнии. Позже, во время мексиканской войны за независимость, когда только немногие корабли бросали якорь у берегов Калифорнии, испанские поселенцы в Сан-Франциско проявили живейший интерес к торговле с русскими из Форты Росс, оказавшейся выгодной для обеих сторон.

После того как Калифорния стала частью Мексики, отношения между русскими и мексиканцами продолжали оставаться дружественными.

Число жителей форта в те времена превышало численность населения Президио Сан-Франциско.

Однако дела в Форте Росс шли не столь успешно. Посевы не давали ожидавшихся урожаев из-за прибрежных туманов, общих климатических условий, а также от недостатка рабочих рук. С охотой дела обстояли не лучше — морские выдры были почти все истреблены. Тридцать лет спустя после постройки Форта Росс компания продала форт некоему мистеру Суттеру (о нем я уже рассказывал).

Несмотря на то что в 1841 г. Форт Росс перестал существовать, память о нем свидетельствует о русской предприимчивости, упорстве и храбрости. Располагая 20 пушками, он являл собою непреступную колонию всего калифорнийского побережья.

Все, что сегодня осталось от первых построек, это дом последнего правителя форта А.Г. Ротчева. Когда-то в этот дом вместе с прелестной супругой Ротчева Еленой был привезен первый в Калифорнии роуль!

Все же остальное, что вы теперь видите в форте, было с большой любовью восстановлено. Форт Росс существует только благодаря неустанным заботам истинных энтузиастов, отдельных групп и организаций. Мы должны принести им глубокую признательность.

Особую благодарность приносим Вильяму Рандольфу Херсту за сбор средств на восстановительные работы, так же как и сенатору Джозефу Ноуланду за содействие в провозглашении Форта Росс историческим памятником штата Калифорния.

Мы благодарим Совецательный комитет Интерпретационной ассоциации Форта Росс под председательством г-жи Джаннет Россон, которая отдала много времени, чтобы сделать Форт Росс одним из лучших исторических памятников. Также благодарим г-на Н.В. Аксинова, бывшего председателя общества, который и без поддержки общества собирал средства. Без его усилий форт не был бы возрожден в том виде, в каком он существует теперь.

Георгия Третьякова мы должны благодарить за отливку колокола, который сейчас висит у часовни, а русско-американскую общественность города Сан-Франциско — за сбор денег на восстановление самой часовни, являющейся первой православной церковью Калифорнии.

Нужно сказать, что русско-американская колония в Калифорнии была активной очень давно, еще начиная с 1920 г.

Без советов специалиста своего дела Джона Смита нам не удалось бы восстановить русский сад. Особой благодарности за проявление постоянного интереса к форту заслуживают Джон Маккензи, проф. В.П. Петров из Вашингтона, доктор В.В. Ушанов из Лагуна Бич, Калифорния, г-жа Мерседес Стаффорд, Мозес Халлет, г-жа Елизавета Сидорова, Боб Андерсон и проф. Ричард Пирс из канадского Queen's University.

И наконец, благодарим Вильяма Пенн Мотта мл. за интерес, проявленный им к нашему памятнику. Сейчас он в Вашингтоне, но мы надеемся, что он не забудет нас. Он был настоящим другом Форта Росс!

Благодарю Н. Поршникова, своей музыкой доставившего всем большое удовольствие.

Я бы еще хотел поблагодарить всех, кто так много работал, чтобы привести Форт Росс в то состояние, в котором он теперь находится, но вас так много... как частных лиц, так и служащих... Итак, благодарю всех и каждого. Вы знаете, сколько вы сделали и чего достигли!"

* * *

По сведениям того же неутомимого собирателя исторических сведений о Форте Росс Н.И. Рокитянского, очень интересна одна деталь из истории Калифорнии, и Форта Росс в частности. По его словам, над Калифорнией со времени раннего покорения этой территории испанскими конкистадорами в XVI столетии в разное время развеялось шесть флагов различных государств: 1. Испанский флаг короля Карлоса I (с 1542 г.). 2. Флаг королевы Елизаветы английской с изображением креста Св. Георгия (1579 г.). 3. Флаг Российско-Американской компании императорской России (с 1812 по 1841 г.). 4. Аргентинский флаг над городом Монтеррей (1818 г.). 5. Флаг мексиканской республики (с 1824 по 1846 г.). 6. Флаг калифорнийской республики с изображением медведя-гризли (1846 г.). Интересно, что флаг Российско-Американской компании развеялся над Фортом Росс и заливом Румянцева (Бодега) в течение 29 лет — второй по продолжительности срок после срока, который был отпущен флагу королевской Испании.

НАСЕЛЕНИЕ ФОРТА РОСС

В вопросе о населении Форта Росс в разные периоды его существования всегда отмечалась некоторая разноголосица. В общем считается, что период наибольшего расцвета форта, когда в нем было максимальное число жителей, приходится на конец 30-х годов (1836—1837). Разные источники или очень его занижают или, наоборот, заметно завышают.

В наше время на основании многих достоверных источников можно проследить рост численности населения форта, так же как и его распределение по национальному и социальному признаку.

Первоначальное население Форта Росс — только те люди, которые прибыли с основателем форта Кусковым в 1812 г. и построили там укрепления. Эта первая группа состояла из 25 русских "промышленных" (или рабочих) и 80—100 алеутов, привезенных с о-ва Кадьяк (см.: С.Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии). Предполагается, что ни количество, ни состав этой группы не менялись с 1812 по 1821 г.

С отъездом Кускова были предприняты шаги по расширению сельскохозяйственной базы форта, что повело к увеличению населения. В 1833 г. территория форта была значительно увеличена за счет обра-

ботки пашенных земель в сторону от побережья. Там были основаны три больших ранчо Костромитинова, Хлебникова и Черных.

В 1836—1837 гг. население форта состояло уже из 260 человек. Эта цифра, считающаяся вполне достоверной, была получена из записной книжки священника Иоанна Вениаминова, впоследствии митрополита Московского (см.: *Епископ Григорий Аляскинский. Путешествие о. Иоанна Вениаминова в Форт Росс в 1836 году*).

Нужно полагать, что священник Иоанн Вениаминов делал записи в своей записной книжке по памяти, и хотя общее число жителей, указанное им, верно, распределение население по национальному и социальному признакам не совсем точно.

Эти неточности теперь можно исправить. Недавно жительница Аляски, историк Русской Америки и Аляски Антуанетта Шалкоп обнаружила в коллекции Библиотеки конгресса метрическую книгу "Ситхинской Михайло-Архангельской церкви", в которой, кроме данных о населении Новоархангельска, приводятся данные и о населении Форта Росс. Эти метрические "рописи" выполнены рукой о. Иоанна Вениаминова и являются официальным документом о числе жителей форта за 1836 г., а также об их национальности и социальном происхождении.

"Росписи" указывают, что число жителей в 1836 г. было 260 человек и что население состояло из 56 россиян, 115 креолов, 50 алеутов и 39 крещеных индейцев. "Россияне" разделялись на чиновников, которых было два, и разночинцев (54). Чиновниками были правитель, купеческий сын Петр Степанович Костромитинов и агроном, чиновник 14-го класса Георгий Иванович Черных.

Русское население Форта Росс, принадлежащее к разряду разночинцев, состояло из лиц мещанского и крестьянского происхождения. Жены их были главным образом креолки, якутки и индианки. Судя по метрической книге, в селении Росс было 11 человек мещанского происхождения и 33 "рабочных" из крестьян. Двое были санктпетербургские мещане, а почти все остальные — томские. Петербургскими мещанами были Николай Андреевич Голицын и Михаил Иванович Каменский. Что касается лиц крестьянского происхождения, то они были из самых различных губерний российской империи, преимущественно из северных: Енисейской, Олонецкой, Гжатской, Тобольской, Нарымской, Иркутской, Архангельской, а также из Вологодской, Ярославской, Тверской и Витебской. Совершенно неожиданным было обнаружение в списке "англицкого подданного" Николая Бетре и пекинского крестьянина Ильи Андреева. Каким образом попал "англицкий подданный" в состав рабочих Форта Росс — неизвестно. По всей вероятности, это был беглый матрос с английского корабля или наемный рабочий, нанявшийся по контракту в Российско-Американскую компанию. Что касается пекинского крестьянина Ильи Андреева, то он остается полной загадкой. Был ли это крещеный китаец или русский, некоторое время живший в Пекине? Интересно, что рукой о. Иоанна помечено в специальной графе, что и "англицкий" подданный, и пекинский крестьянин были у исповеди и Св. Причастия.

Из 115 креолов 53 были мужчины и 62 женщины, тогда как

алеуты были главным образом мужчины. Женщин алеуток было только 9, тогда как мужчин — 41. Пропорция мужчин и женщин индейского происхождения (крещеных) была противоположной: гораздо больше женщин (31), чем мужчин (8).

Начиная с 1836 и по 1841 г., когда форт был ликвидирован, его экономическое значение стало постепенно падать, а вместе с ним начала сокращаться численность населения форта. Отметим, однако, что к моменту продажи население форта все-таки превышало 200 человек, т.е. было немногим меньше максимума, достигнутого в 1836—1837 гг.

По имеющимся документальным данным, ко времени ликвидации в форте жили 218 жителей, из коих 134 мужчины и 84 женщины. По сословному и национальному признаку население разделялось следующим образом: дворян и чиновников шестеро (3 мужчины и 3 женщины); россиян (мещан и крестьян) 45 мужчин (женщин не было); креолов 82 (31 мужчина и 51 женщина); алеутов 51 (38 мужчин и 13 женщин) и, наконец, крещеных индейцев 34 (17 мужчин и 17 женщин).

За четыре года до посещения форта о. Иоанном Вениаминовым там побывал священник Александр Соколов (в октябре 1832 г.), который тоже сделал записи в "Ведомости метрической" о совершенных им церковных обрядах в селении Росс, главным образом о крещении и бракосочетаниях. Им даны сведения о крещеных и получивших Св. Миропомазание в "Новороссийском селении Росс" по группам. В первой группе дети русских разночинцев: 10 мальчиков и 16 девочек. Затем следует группа креолов и алеутов: 7 мальчиков и 3 девочки. Следующая категория — дети кадьякских алеутов, прижитые от индианок (незаконнорожденные): 11 мальчиков и 5 девочек. Последняя категория крещенных о. Соколовым жителей Форты Росс — местные жители, индейцы и индианки с северных калифорнийских берегов, взрослые и дети: мужского пола 4, женского пола 34. В том же октябре 1832 г. о. Соколовым было совершено 13 обрядов бракосочетания.

Указанная метрическая ведомость привела к важному открытию: нам стали известны имена четырех жителей Форты Росс, умерших там и похороненных на местном кладбище. Это приоткрыло уголок завесы над тайной кладбища с его анонимными погребениями.

Имена людей, похороненных на кладбище, были обнаружены в записях имен детей, получивших Св. Миропомазание, ибо в ведомости указывали также имена родителей, в трех случаях было сказано, например: "Евдокия, дочь покойного архангельского крестьянина Ивана Антипина". Таким образом были выяснены имена трех людей, умерших в Форте Росс. Имя четвертого было найдено в ведомости крещения детей алеутов и индейцев. В списке восприемников была указана жена умершего енисейского мещанина Алексея Коренева.

Итак, четыре жителя Форты Росс, похороненные на его кладбище, это тобольский крестьянин Василий Васильев, архангельский крестьянин Иван Антипин, алеут Михаил Расторгуев и енисейский мещанин Алексей Корнев.

Можно надеяться, что дальнейшие исследования в этой области, главным образом изучение метрических книг, позволит нам выяснить имена и других людей, похороненных на кладбище. Такова вкратце демографическая картина Форты Росс за годы его существования в качестве калифорнийского селения Российско-Американской компании.

ЧАСТЬ II

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ШЕЛИХОВ

В истории проникновения русских на Алеутские острова и в северо-западную часть Американского материка, носящую теперь название Аляска, безусловно, самое почетное место принадлежит Григорию Ивановичу Шелихову.

Конечно, и до Шелихова десятки смелых русских землепроходцев, "промышленных" и купцов, бороздили воды Тихого океана на своих утлых судах, высаживались на Курильских и Алеутских островах, охотились за пушным зверем и потом возвращались с судами, наполненными богатой добычей. Но лишь Шелихову пришла мысль (которую он и претворил в жизнь) не только совершать охотничьи экспедиции, так сказать, набеги на острова, но и организовать на них постоянные базы, с которых потом регулярно отправлять охотничьи экспедиции. Устройством таких баз было положено начало русских колоний в Америке. И в этом заслуга Шелихова, увековечившего свое имя на страницах русской истории.

Григорий Иванович Шелихов родился в 1747 г.* в небогатой купеческой семье в городе Рыльске Курской губернии. Думается, что в детстве и юности Шелихов наслушался рассказов о баснословных пушных богатствах Восточной Сибири и о смелых морских походах бесстрашных открывателей, искавших в бескрайних просторах "Восточного" океана новых земель, изобилующих пушным зверем.

Став взрослым, Шелихов свел знакомство с богатым курским купцом Голиковым, и в 1773 г., заручившись рекомендательным письмом Голикова к его родственнику, преуспевающему иркутскому купцу, Шелихов покинул Рыльск и отправился в Сибирь. Ему было тогда 26 лет.

Иркутск был в те времена самым значительным городом Восточной Сибири, там находилась канцелярия и резиденция восточно-сибирского губернатора, которым тогда был Якоби. Приехав в Иркутск, Шелихов поступил приказчиком в компанию родственника своего

покровителя, богатого купца И.Л. Голикова, разбогатевшего не только пушным промыслом, но и потому, что он был содержанием питейных сборов в Иркутской губернии.

Неинтересная служба приказчика продолжалась недолго. Толчком к выходу Шелихова на широкую торговую арену была его женитьба в 1775 г. на богатой вдове Наталье Алексеевне, разделившей впоследствии вместе с ним все тяготы морских путешествий к далеким американским берегам, принесших им богатство и славу.

Сразу после женитьбы Шелихов покинул службу у Голикова и выехал в маленький портовый город Охотск, из которого стал отправлять экспедиции за пушным зверем на Курильские и Алеутские острова. Одновременно он организует одну за другой несколько торговых компаний.

За пять лет, с 1776 по 1781 г., Шелихов сумел снарядить и отправить в дальние края десять судов. Причем в двух случаях он стал компаньоном своего бывшего хозяина Голикова. Одна из этих экспедиций была отправлена в 1779 г., когда Шелихов в компании с купцами Голиковым и Сибиряковым снарядил на промысел на Алеутские острова судно "Иоанн Предтеча". Хотя главным организатором экспедиции был Шелихов, Голиков дал на экспедицию основную часть капитала, так что Голикову в сделке принадлежало 56 паев, Сибирякову — 5 и Шелихову — 4. "Иоанн Предтеча" благополучно вернулся в Охотск в 1785 г. и доставил владельцам пушнина на 63417 рублей.

Обычно в те времена компании образовывались только для одного путешествия, и после возвращения судна с грузом доходы делились между пайщиками и компания распадались. Шелихов решил организовать нечто более крупное и постоянное.

В 1781 г. Шелихов предложил Ивану Голикову основать постоянную компанию, по крайней мере сроком на десять лет, и по возможности добиться в Петербурге официальной санкции на исключительные права промышленной и торговой деятельности на островах и на берегах Америки. Осторожный Голиков после некоторого раздумья одобрил план Шелихова. Оба купца отправились в Петербург, где 17 августа 1781 г. образовали новую Северо-восточную компанию, к которой присоединился племянник Ивана Голикова капитан Михаил Голиков. Целью этой постоянной компании было вести пушной промысел на Алеутских островах и у берегов Северной Америки. К великому разочарованию компаньонов императрица Екатерина II отказалась предоставить им монопольные права.

Вернувшись в Охотск, Шелихов немедленно же заложил три судна-галиота на собственной верфи. Галиоты были закончены в 1783 г., и 16 августа того же года флотилия Шелихова—Голикова вышла из Охотска в свое историческое плавание к берегам Америки.

Галиоты назывались "Три Святителя", "Симеон и Анна" и "Св. Михаил". На первом отправился в опасное путешествие сам Шелихов вместе со своей отважной женой Натальей Алексеевной. Целью экспедиции было достичь большого о-ва Кадьяк, лежащего в непосредственной близости к Аляске.

* В Советском энциклопедическом словаре (М., 1986) тоже указан 1747 год. Однако на памятнике, поставленном вдовой Шелихова в 1800 г., читаем: "...родился в 1748, женился в 1775, умер 20 июля 1795 г.". Г.И. Шелихов похоронен в Иркутске на территории бывшего Знаменского монастыря, ныне Знаменской церкви, построенной в 1762 г.

На судах, не считая команды, находились 192 "промышленных". большая часть которых должна была поселиться на островах, где намечалась постройка постоянных баз.

Путешествие до о-ва Кадьяк по бурному океану продолжалось почти год, и только 3 августа 1784 г. Шелиховы прибыли к месту назначения. Зиму Шелихов провел на о-ве Беринга, где путешественники пробыли с 14 сентября до июня следующего года.

На Кадьяке Шелихов основал селение и построил крепость, а потом так же укрепил Афогнак. Русские "промышленные" с Шелиховым во главе провели на Кадьяке две зимы, и только к лету 1786 г. Шелихов решил, что его задача выполнена, и отправился в обратный путь.

Ко времени его отъезда постоянные селения и крепости были уже и на Афогнаке и на п-ове Кенай. Артели компании расселились по берегам бухт и заливов. Люди жили в добротных избах, часто окруженных частоколом.

Шелихов с женой выехали в обратный путь 22 мая 1786 г. на галиоте "Три Святителя", взяв с собой только 12 русских "промышленных" и 40 эскимосов. 30 июля путешественники добрались до первого Курильского острова, а вскоре после этого достигли устья реки Большой на Камчатке. В Америке Шелихов оставил правителем К.А. Самойлова со 163 русскими "промышленными", пионерами первых русских селений на Аляске.

Шелихов оставил правителю задание не только промышлять пушнину, но и "поступать расселением российских артелей для примирения американцев и прославления Российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии". Эти задания, особенно в отношении Калифорнии, оставались невыполненными в течение 26 лет, и только в 1812 г. И. Кусковым был основан в Калифорнии Форт Росс.

В начале 1787 г. Шелихов возвращается в Охотск, а оттуда едет в Иркутск, где надеется с помощью генерал-губернатора Якоби добиться разрешения правительства продолжать начатое дело в Америке на монопольных началах. Эти свои грандиозные замыслы Шелихов изложил в докладной "Записке" губернатору Якоби, подробно описав путешествие на Алеутские острова и Аляску и приложив к ней карты. 1791 г. "Записка" Шелихова была издана в Петербурге под названием "Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам".

Замыслы Шелихова были поистине грандиозны. Он предполагал отправлять из Охотска или Камчатки корабли в китайские порты для торговли с китайцами вместо торгового поста в Кяхте, который был прекращен из-за дипломатических осложнений с Китаем. Мало того, он проектировал открыть торговлю с английской Ост-Индской компанией. Для этого требовалась большая поддержка правительства.

В феврале 1783 г. Шелихов и Иван Голиков отправились в Петербург, где обратились непосредственно к императрице с просьбой о финансовой поддержке, а главное — о предоставлении их ком-

панин монопольных прав. Но за все время, пока царствовала Екатерина, им не удалось добиться от нее этих прав. Екатерина, однако, отметила труды обоих деятелей и 28 сентября 1788 г. наградила их золотыми медалями и серебряными шпагами, а 11 октября 1788 г. они получили от императрицы похвальные грамоты.

Несмотря на неудачи в Петербурге, Шелихов, вернувшись в 1789 г. в Иркутск, продолжал энергично действовать, помогая своим селениям в Америке и посылая туда инструкции по расширению поля деятельности компании. Вдоль американских берегов и островов ходили корабли Шелихова и оставляли там гербы и медные доски с надписью "Земли российского владения".

Одновременно он разрабатывал планы расширения торговли по всему бассейну Тихого океана. Он намеревал торговать с португальцами в Макао, с Батавией, с Филиппинскими и Марианскими островами. На американском берегу он отдал распоряжение новому правителю А.А. Баранову основать большую русскую колонию "Славороссию", с широкими прямыми улицами, построить школы, церкви, музей. Для этой цели отправил туда духовную миссию.

Всем эти планам не суждено было осуществиться при жизни Шелихова. 20 июля 1795 г. в возрасте 48 лет в самом расцвете сил Григорий Шелихов скоропостижно скончался.

Смерть Шелихова оплакивалась лучшими людьми России. Поэт Державин написал стихи, посвященные Шелихову, которые выгравированы на его памятнике*:

Колумб здесь Росский погребен.
Преплыв моря, открыл страны безвестны,
И зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой
Во океан Небесный
Искать сокровищ горних, неземных...
Сокровище благих
Его Ты, Боже, душу упокой.

На другой стороне памятника выбиты стихи поэта Ивана Дмитриева:

Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелихов без войск, без громоносных сил
Притек в Америку, чрез бурные пучины
И нову область Ей и Богу покорил.
Не забывай, потомок,
Что Росс твой предок был и
на Востоке громок.
Прохожий, чти в сем гробе тлен
Колумб здесь Росский погребен.

* Памятник из серого мрамора, внушительных размеров. Автор приводит лишь часть эпитафии, весьма пространной.

Деятельность Шелихова не пропала втуне. Его вдове Наталье Алексеевне главным образом с помощью своего зятя камергера Резанова удалось добиться от императора Павла I того, к чему стремился ее муж. 8 сентября 1797 г. Павел I даровал шелиховской компании, носящей название "Американская Соединенная компания", монопольные права в Америке. Через два года компания, переименованная в "Российско-Американскую", была взята под Высочайшее покровительство с дарованием ей привилегий на 20 лет. Этим было положено основание росту и расширению компании, так же как и распространению русского влияния на всю Аляску и даже до Калифорнии на многие десятки лет, вплоть до продажи Аляски Соединенным Штатам Америки в 1867 г.

Не будучи в состоянии наградить покойного Г.И. Шелихова по его заслугам и достижениям, император Павел I 15 февраля 1798 г. опубликовал указ о награде Н.А. Шелиховой: "Наше внимание на заслуги умершего гражданина Шелихова, жертвовавшего жизнью и иждивением въ присоединении к скипетру Нашему обитающих в Северной Америке народов и положившего въ том краю основание православной Греко-Кафолической христианской веры... Жалуем жене его, вдове Наталье Шелиховой... и рожденным от них детям дворянское Нашей Империи достоинство".

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ БАРАНОВ

Описание истории Русской Америки было бы немыслимо без описания жизни и деятельности Александра Андреевича Баранова, первого правителя русских владений на Аляске и Алеутских островах. Может быть, можно идти дальше и сказать, что не будь Баранова, не было бы и Русской Америки и неизвестно, смогли ли бы русские удержаться на Аляске.

"Колумб Русский" Г.И. Шелихов, наметивший основание многочисленных промышленных и земледельческих селений на берегах северо-западной Америки и боровшийся на этих берегах со своими многочисленными соперниками и конкурентами, тщетно и долгое время искал надежного человека, которому можно было бы поручить проведение в жизнь его широких и честолюбивых замыслов. Выбор помощников, исполнителей его планов вначале был неудачным — люди попадались или неспособные, или даже нечестные.

К 1790 г. Шелихов присмотрелся и принял решение уговорить способного иркутского купца А.А. Баранова возглавить деятельность шелиховской компании в Америке. Уговорить, однако, его было нелегко. Баранов в то время успешно торговал с туземцами в северо-восточной Сибири, имел свои стекольный и водочный заводы и, конечно, не интересовался поступлением на службу в другую компанию. Но как раз в этот момент произошла катастрофа: в анадырском краю чукчи, с которыми Баранов вел торговлю,

воспользовались удобным случаем, напали на его предприятия, разграбили, разорили, а все, что не смогли захватить, сожгли. Баранов, бывший на вершине успеха, оказался на грани разорения. В один день погибло дело, которое он создавал годами. Это-то несчастье и помогло Шелихову осуществить свои планы и нанять Баранова в качестве правителя своих заокеанских владений. В течение 28 лет Баранов безвыездно и бессменно руководил шелиховской компанией в Америке и на Алеутских островах. Выбор Шелихова был на редкость удачным — этот человек, имея, в сущности, очень незначительное формальное образование, раздвинул операции и ее территории, создав практически российские колониальные владения в северо-западной Америке.

Александр Андреевич
БАРАНОВ

Мог ли думать молодой паренек из бедной мещанской семьи где-то в захолустье Олонецкой губернии, что он станет главным правителем владений Российской империи в Америке, будет отмечен за усердие двумя императорами России, получит высокие чины, ордена и другие почести.

Америка, как она сейчас есть, была вся создана усилиями вот таких самородков, какими были Баранов и его преемники. В предстоящих юбилеях государства Соединенные Штаты Америки было бы уместно отмечать роль русских в заселении, освоении и культурном влиянии на Аляске и Алеутских островах. И главным образом наиболее выдающимся заслуженным пионером Аляски был Александр Андреевич Баранов.

Родился А.А. Баранов в небольшом городе Каргополье Олонецкой губернии в 1746 г. Первые годы его жизни проходили в весьма трудных и стесненных обстоятельствах. Его отец безуспешно пытался попасть в купеческую гильдию своего города, но гордые богатые купцы и не думали допускать его в свою среду. Александр Баранов видел, что в Каргополье ему не продвинуться и, кое-как научившись грамоте у местного дьячка, решил покинуть семью и отправиться в Москву. Недостаток образования мешал Баранову всю жизнь. Даже в те годы, когда он возглавлял грандиозное колониальное предприятие в Америке, у него были постоянные затруднения с русской грамматикой и правописанием.

В Москве 15-летний провинциал брался за любую работу, но особенно ему понравилось работать у иностранцев, где он нашел более свободные обычаи и нравы и меньшие социальные границы

между классами. Иностранцы, в сущности, принадлежали к одному классу — торговому. Прожил Баранов в европейской части России, главным образом в Москве, до 34-летнего возраста, несколько преуспел в делах, стал специализироваться на торговле сибирскими мехами, что, вероятно, вызвало у него интерес к Сибири. Несмотря на некоторые успехи в торговле Баранову так и не удалось попасть в купеческую гильдию в Москве, где даже общество купцов 3-й гильдии было закрыто для него. Побывал он по делам и в родном городе Каргополе, где встретил девушку, на которой вскоре женился. У них родилась дочь, но жизнь с женой как-то не наладилась. Интересы жены, маленького человека из маленького города, были отличны от интересов и замыслов Баранова, планировавшего уже большие дела в Сибири, где в те времена предприимчивые люди быстро достигали вершин благополучия.

Баранову было 35 лет, когда он оставил жену и дочь и уехал в Сибирь. Это произошло в 1780 г. Правда, за время своего пребывания в Сибири и позже в Америке Баранов никогда не забывал помогать оставленной семье. Хороши или плохи были его дела, он всегда старался их финансово поддерживать. Обосновался Баранов в Иркутске, в то время главном торговом и административном центре Восточной Сибири.

Десять лет бился Баранов в Иркутске. Работал сначала у разных иркутских промышленников, накапливал опыт, а потом и сам в компании с ученым немцем К. Лаксманом основал стекольный завод. Дело пошло. Был открыт еще один завод, водочный. Доходы увеличивались, и Баранов решился на рискованный шаг — начать торговлю с туземцами-чукчами в далеком северо-восточном углу Сибири, у реки Анадырь. Вначале дело пошло прекрасно, торговля давала хорошие барыши, и Баранов стал продавать чукчам все, что только мог, не брезгуя и оружием, и на этом сорвался!

Однажды Баранов сам поехал присмотреть за приобретением мехов у чукчей и там, в сибирской тайге, получил от инородцев страшный урок, запомнившийся ему на всю жизнь. Чукчи, вооруженные купленными у Баранова ружьями, напали на его богатый караван, разграбили его, постреляли людей, и сам Баранов только чудом спасся от неминуемой смерти. Вернулся он в Иркутск совершенно разоренным и урок, полученный от чукчей, никогда не забывал. Позже, руководя русской колонией в Америке, Баранов не продал ни одного ружья американским туземцам.

Несколько раз предлагал Шелихов Баранову принять предложение и поехать в Америку, чтобы возглавить там шелиховское предприятие, но Баранов все время отказывался, предпочитая иметь собственное дело. И тут, как говорится, "не было бы счастья, да несчастье помогло". В возрасте 45 лет Баранов оказался у разбитого корыта. Надо было начинать все сначала. Шелихов вновь сделал свое предложение, и на этот раз Баранов согласился. В договоре, подписанном Шелиховым и Барановым, говорилось: "...рыльский

именитый гражданин Григорий Иванов сын Шелихов и каргопольский купец иркутский гость Александр Андреев сын Баранов постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и управлении северо-восточной компании, тамо расположенной”.

19(30) августа 1790 г. Баранов вышел из Охотска в далекое плавание на галиоте “Три Святителя”, покинув Россию, куда ему больше не суждено было вернуться. Вместе с ним выехал и его главный помощник Иван Кусков, впоследствии основатель Форта Росс. Около месяца продолжалось плавание, и только 28 сентября корабль стал на якорь в бухте Кошигинской о-ва Уналашка в гряде Алеутских островов. Через два дня на остров обрушился шторм небывалой силы, люки корабля оказались сорванными, и судно стало наполняться водой. Срочно на берег были переправлены кое-какие грузы, люди тоже перебрались на берег, а в ночь на 6 октября судно разбилось о прибрежные скалы. Запасов провизии хватило ненадолго, и Баранову с людьми пришлось питаться травами, кореньями, моллюсками да изредка китовиной. Баранов образно описал эти два тяжелых дня на о-ве Уналашка: “Масленую всю постились истинным постом, а на чистой понеделник выкинуло часть кита, и тем разговелись”.

Весной, построив из остатков разбитого корабля три лодки, Баранов с командой вышли в бурный океан, направив путь к о-ву Кадьяк, на котором находилось главное селение шелиховской компании. На большой лодке вместе с Барановым было 16 человек команды. Они вышли с Уналашки 25 апреля 1791 г. и после невероятных испытаний только через два месяца (27 июня) достигли цели своего путешествия. Трудно вообще понять, как им удалось совершить это двухмесячное плавание в открытой лодке, с Барановым, больным лихорадкой.

Едва оправившись от болезни, Баранов энергично принялся за приведение дел компании в порядок и наведение дисциплины среди 150 подчиненных ему “промышленных”, людей своевольных и не признававших никакой дисциплины.

В первые годы Баранову приходилось работать в невероятно трудных условиях, постоянно нуждаясь в провизии, которую должна была доставлять компания из Охотска и... не доставляла. Приходилось жить на “подножном корму”, на том, что можно было получить от океана, а позже на том, что удавалось вырастить в суровых условиях северного климата.

Осенью 1794 г. на Кадьяк прибыла духовная миссия, возглавляемая архимандритом Иоасафом. Миссия состояла из восьми иноков и явилась основоположницей православия в Америке. Обрадованный Баранов решил построить церковь на Кадьяке и пожертвовал для этой цели от себя лично 1500 рублей, а кроме того, дал 500 рублей “за разных служителей”. К сожалению, с самого начала отношения между Барановым и миссионерами стали натянутыми, и это повело к недоразумениям, непониманию и взаимным обвинениям.

В 1799 г. Баранов решил, что Кадьяк — неподходящее место для

главного управления американскими предприятиями компании и пришел к убеждению о необходимости перенести центр деятельности южнее, в место с более мягким климатом. Его выбор пал на южный о-в Ситку. Прибыв на Ситку 15 июля 1799 г., он выбрал место на берегу залива и сразу стал строить форт, названный им в честь Св. Архангела Михаила Михайловским фортом, или крепостью. Прежде всего была построена большая изба — казарма для служащих и рабочих, потом небольшая хижина для самого Баранова, который наконец смог перебраться туда из своей дырявой палатки, и следующей была построена баня.

Первая зима на Ситке была тяжелой. Уже в начале зимы иссякли запасы провизии и опять пришлось переходить на "подножный корм". Появились случаи цинги. Спасло эту первую колонию в Ситке внезапное появление 20 февраля 1800 г. косяка сельди в прибрежных водах острова. К весне была закончена постройка двухэтажной казармы с башнями по углам. Казарма была 8 сажений длиной и 4 сажени в ширину. Для хранения продуктов был вырыт большой погреб.

22 апреля 1800 г. Баранов отправился в обратный путь на Кадьяк, оставив небольшую группу русских "промышленных" и алеутов в Михайловской крепости под началом старшего "промышленного" Медведникова.

На Кадьяке нужно было бороться со своеволием мореходов-штурманов кораблей компании, не признававших авторитета "купчишки" Баранова, надо было налаживать отношения с членами духовной миссии, обвинявшими его в притеснении иноков и местных жителей. Авторитет Баранова значительно поднялся в том же году, когда неожиданно из Петербурга была доставлена ему специальная золотая медаль на Владимировской ленте, выбитая по приказу императора Павла, за усердную службу в американских колониях. На радостях Баранов тут же подписал "в здешнюю школу на учащихся сирот из русских и островитян — тысячу рублей".

24 июля 1802 г. пришли страшные вести с Ситки: индейцами там была уничтожена Михайловская крепость, и защитники ее убиты. Пришедший на Кадьяк английский корабль "Юникорн" под командой капитана Барбера привез спасенных с Ситки двух русских, двух алеутов и 18 кадьякских женщин. За спасение этих людей Барбер потребовал с Баранова меховых товаров на сумму 50 тыс. рублей. В конце концов после ожесточенных споров и взаимных угроз Барбер удовлетворился получением мехов на сумму в 10 тысяч рублей.

Охота на морского зверя, которая велась под управлением Баранова, стала процветать. Как на пример результатов деятельности Баранова можно указать, что в июне 1803 г. Баранов отправил в Охотск на бриге "Елисавета" мехов на сумму в 1,2 миллиона рублей. В следующем году авторитет Баранова среди служащих и особенно среди миссионеров и мореходов еще более упрочился с прибытием из Уналашки штурмана Бубнова, который привез указ о пожаловании Баранову чина коллежского советника.

В том же 1804 г. Баранов решил пойти в экспедицию на Ситку для того, чтобы отомстить индейцам за резню в Михайловской крепости, устроенную ими в 1802 г., и основать там новое селение. Под его командой в Крестовскую гавань на Ситке 19 сентября 1804 г. прибыли 300 байдар с алеутами-охотниками и четыре небольших судна компании "Екатерина", "Александр", "Ермак" и "Ростислав". Велика была радость Баранова, когда, прибыв в гавань, он обнаружил там пришедший ранее фрегат "Нева" под командой капитан-лейтенанта Ю.Ф. Лисянского, участвовавшего в первом кругосветном путешествии русских кораблей и решившего оказать Баранову помощь в военной операции на Ситке.

Флотилия подошла к индейскому селению и форту в милях шести от разрушенной Михайловской крепости. Индейский форт был занят только 8 октября 1804 г. Еще до его занятия, 29 сентября, Баранов поднял русский флаг на скале (кекуре) и положил таким образом основание городу, назвав его Новоархангельском.

Основанием Новоархангельска был заложен прочный фундамент русской власти на Аляске и Алеутских островах. Дальнейшие вехи правления Баранова вкратце следующие: в августе 1805 г. в Новоархангельск прибыл для ревизии колонии и деятельности Баранова высокий гость, один из директоров Российско-Американской компании камергер Н.П. Резанов, зять Шелихова, одоббивший деятельность Баранова. Несколько позже, в 1807 г., Баранов получил новую высокую награду от императора Александра — орден Св. Анны 2-й степени, который ему надлежало "возложить на себя и носить по установлению".

Нелегко было Баранову управлять своей вольницей, но благодаря организаторскому и административному таланту он смог не только подчинить ушкуйников своей власти и воле, но, что еще более важно, внушить уважение к себе, несмотря на крепкую руку и, быть может, излишнюю суровость. Только раз в Новоархангельске была попытка мятежа, который Баранову удалось пресечь в самом зародыше. Около десятка "промышленных" сговорились поднять бунт и убить не только Баранова, но и детей, прижитых им с сожительницей-индианкой. Главари заговора были пойманы с поличным (в 1809 г.) и отправлены в кандалах в Сибирь для суда.

Стареющий Баранов, страдавший ревматизмом, стал просить правление компании освободить его от должности и позволить вернуться в Россию. Судьба, однако, воспротивилась этому. Посланный ему заместителем коллежский ассессор Кох умер в Петропавловске-Камчатском 25 января 1811 г. Через два года недалеко от Ситки потонул корабль "Нева" (в январе 1813 г.), на котором погиб новый заместитель Баранова коллежский советник Т.С. Борноволок. Конец карьеры А.А. Баранова пришел в 1818 г. 20 июля 1817 г. в Новоархангельск прибыл корабль компании "Кутузов" под командой капитан-лейтенанта Гагемейстера, имевшего распоряжение сменить Баранова, если тот найдет это нужным. Только 11 января 1818 г. Гагемейстер неожиданно сообщил Баранову о распоряжении. Баранову в то время было уже 72 года — он решил вернуться в Россию на

том же корабле "Кутузов" вместе с Гагемейстером, оставившим вместо себя правителем колонии в Новоархангельске лейтенанта С.И. Яновского, женившегося на дочери Баранова.

27 ноября 1818 г. "Кутузов" вышел в море. Как видно, больному Баранову морское путешествие было не по силам, и когда судно 7 марта 1819 г. пришло в Батавию (ныне Джакарта) в голландской Ост-Индии, он был настолько болен, что его поместили в небольшую гостиницу на берегу. "Кутузов" простоял в Батавии 36 дней. Тяжелый изнуряющий экваториальный климат оказался губительным для Баранова. 16 апреля 1819 г. в Зондском проливе, через четыре дня после выхода "Кутузова" из Батавии, Баранов скончался. На следующий день тело его по обычаю было опущено в воды Индийского океана. Так закончилась жизнь замечательного человека Александра Андреевича Баранова.

Русские владения в Америке процветали и после Баранова. Теперь ими управляли администраторы, назначаемые компанией из среды офицеров военно-морского флота. С продажей в 1867 г. Аляски США ее русский период закончился, но память о Баранове жива в этих местах до сих пор. Остров Ситка называется теперь о-вом Баранова. Баранов оставил здесь свой след на вечные времена. Помещаемые ниже выдержки из двух писем Н.П. Резанова так характеризуют этого замечательного человека: "...в правителе здешних областей видим пример ревности и усердия, каковому некогда потомство более нас будет удивляться", — это из письма Хвостову. В докладе правлению Российско-Американской компании в Петербурге он писал: "...господин Баранов есть весьма оригинальное и при том счастливое произведение природы. Имя его громко по всему западному берегу до самой Калифорнии. Бостонцы почитают его и уважают, а Американские народы, боясь его, из самых дальних мест предлагают ему свою дружбу".

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ РЕЗАНОВ

Российско-Американская компания, распространившая свою деятельность на обширной территории Аляски и Алеутских островов в конце XVIII и начале XIX столетия, вероятно, больше всего обязана своим существованием Николаю Петровичу Резанову. Конечно, велика роль Григория Шелихова, создавшего промысловую компанию; велики достижения Александра Баранова — первого главного правителя Русской Америки, но процветанию своему компания обязана Резанову.

Годами Шелихов пытался добиться от русского правительства монопольных прав для своей компании на берегах Америки, но все его попытки оказались безрезультатными. И только тогда, когда петербургский сановник Резанов, незадолго перед этим женившийся на дочери Шелихова, взялся за это дело, хлопоты увенчались

успехом, и по представлении Резановым проекта императору Павлу I Российско-Американская компания в 1799 г. получила монопольные права на Алеутские острова и Аляску. Без монопольных прав шелиховская компания продолжала бы быть одной из десятков других компаний, конкурировавших в Америке и яростно борющихся друг с другом. Резанову удалось одним росчерком пера императора Павла уничтожить всех конкурентов компании.

Н.П. Резанов родился 28 марта 1764 г. В 1778 г. в возрасте 14 лет он поступил на военную службу — сначала в артиллерию, затем в лейб-гвардии Измайловский полк, сперва был сержантом, потом стал офицером. В полку Резанов пробыл четыре года. В середине 80-х годов он, уже в чине капитана, покинул военную службу и перешел на гражданскую — ассессором в Псковскую палату гражданского суда, где прослужил около пяти лет. Из Псковской палаты он перевелся в С.-Петербургскую казенную палату, где пробыл недолго. Оттуда он через два года перешел на должность правителя канцелярии к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву. Когда граф Чернышев покинул свой пост и отправился за границу, он определил молодого Резанова в том же адмиралтействе на должность экзекутора коллегии, с чином подполковника.

Г.Р. Державин, получив назначение на должность секретаря для доклада по сенатским делам, принял Резанова к себе в качестве правителя канцелярии. Когда он пребывал на этом посту, императрица Екатерина II иногда прибегала к его услугам для особых поручений. Резанов оставался там три года.

В первой половине 1790-х годов Н.П. Резанов был послан с особой миссией в Иркутск, где его отец, коллежский советник П.Г. Резанов, служил председателем совестного суда. В Иркутске произошло знакомство молодого Резанова с Григорием Шелиховым, которое связало его с делами шелиховской компании. Эти связи еще больше укрепились благодаря женитьбе Резанова на дочери Шелихова, Анне.

Вернувшись в Петербург, Резанов поступил на должность секретаря правительствующего сената, а вскоре, через месяц, был повышен в должность обер-секретаря.

После смерти Шелихова в 1795 г. Резанов подал прошение на Высочайшее имя об учреждении монопольной Российско-Американской компании, объединяющей несколько конкурирующих компаний. Новая компания, ядром которой явилась Российско-Американская, получила монопольные права с особыми привилегиями. Главное правление компании находилось в Иркутске, а уполномоченным ее в Петербурге был назначен Н.П. Резанов.

Через несколько месяцев главное правление Российско-Американской компании было переведено в Петербург. После воцарения Александра I благодаря усилиям Н.П. Резанова император и члены императорской фамилии, а также представители высшего столичного общества сделали акционерами компании. К концу 1802 г. число акционеров от первоначальной цифры 17 возросло до 400 человек.

*Николай Петрович
РЕЗАНОВ*

В Петербурге Резанов разработал план доставки провизии, строительных материалов и всего другого, необходимого для сохранения и содержания колоний на Аляске, не сухим путем через Сибирь, что было очень тяжелым предприятием, а морским — из Петербурга — вокруг света — к Аляске. Заручившись поддержкой министра коммерции графа Н.П. Румянцева, он подал этот план государю. В результате последовало Высочайшее повеление снарядить первую русскую кругосветную экспедицию. В Англии были приобретены два корабля, которым были даны русские названия "Надежда" и "Нева".

Капитаном "Надежды" был назначен капитал-лейтенант И.Ф. Крузенштерн, капитаном "Невы" — капитан-лейтенант Ю.Ф. Лисянский — оба опытные офицеры, в прошлом служившие в английском военно-морском флоте в Индии. Выход кораблей планировался на лето 1803 г. В последний момент в эти планы были внесены изменения: графу Румянцеву пришла мысль воспользоваться предприятием и отправить в Японию специальную миссию, с тем чтобы попытаться заключить с ней торговый договор. Чрезвычайным посланником был назначен Н.П. Резанов, который давно ратовал за поход кораблей на Аляску. Румянец считал Резанова, прекрасно владеющего иностранными языками, самым подходящим человеком для этой цели. К тому же Резанов овдовел и ему не мешало отвлечься от своей печали.

Внезапное повышение Резанова явилось ударом по самолюбию Крузенштерна. Дело в том, что Резанов, будучи к тому времени уже в генеральском чине и имевший звание действительного камергера, назначался не только чрезвычайным посланником к японскому двору, но и начальником всей первой русской кругосветной экспедиции, Крузенштерну же "поручалось лишь командование над обоими судами в морском и дисциплинарном отношении". Резанов становился "полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке". Более того, инструкция Резанову гласила: "Сии оба судна с офицерами и служителями, в службе компании находящимися, поручаются начальству вашему".

Крузенштерн, глубоко оскорбленный, писал главному правлению компании, что он, Крузенштерн, "призван по Высочайшему повелению командовать экспедицией и что она вверена Резанову без его ведения, на что он никогда бы не согласился, что должность его не состоит только в том, чтобы смотреть за парусами".

Все эти перемены во время пути повели к неприятным эксцессам: Крузенштерн претендовал на начальствование экспедицией и подвергал Резанова оскорблениям. Вел он себя совершенно недостойно звания офицера военно-морского флота, так что Резанов в пути даже опасался за свою жизнь. Тот факт, что Крузенштерн и его офицеры оскорбляли человека, официально назначенного главой экспедиции, расценивалось по тогдашним законам как бунт. (Подробности этого путешествия см.: *В.П. Петров. Камергер двора.*)

Оба корабля вышли в плавание из Кронштадта 7 августа 1803 г. 14 июня 1804 г. "Надежда" вошла в гавань Петропавловска-Камчатского. Начальник области генерал-майор Кошелев начал расследование недостойного поведения Крузенштерна, которое приняло для последнего весьма неблагоприятный оборот. Поняв это, Крузенштерн публично принес Резанову извинения и просил генерала Кошелева "не давать дальнейшего хода делу".

26 сентября 1804 г. Резанов отправился на корабле "Надежда" со специальной миссией в Японию, где он пробыл до 6 апреля 1805 г., т.е. больше шести месяцев, так и не добившись никаких результатов; ни свидания с японским микадо, ни торгового договора с Японией.)

Однако нужно сказать, что времени Резанов не терял ни во время путешествия, ни в Японии. Он выучил японский язык на корабле от японца, которого русская администрация возвращала в Японию. За шесть месяцев он составил "Словарь японского языка" и написал "Руководство к познанию японского языка". Оба эти труда были им посланы президенту Петербургской академии наук.

Второй главной целью путешествия Резанова было посещение русских колоний на Аляске.

Из Петропавловска он отправился на Аляску на бриге "Мария" в сопровождении двух морских офицеров Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова, а также личного врача Лангсдорфа. Прибыв в Новоархангельск 6 августа 1805 г. Резанов застал колонию в плачевном состоянии. Провизия из Охотска не доставлялась. Люди находились на грани голодной смерти, несмотря на все старания Баранова.

Для оказания помощи жителям Новоархангельска Резанов купил бостонский корабль "Юнону", на котором 6 февраля 1806 г. отправился в испанскую колонию в Сан-Франциско. Там ему удалось запастись провизией, которой он заполнил все трюмы своего корабля.)

В Сан-Франциско, как мы уже знаем, Резанов подружился с семейством коменданта крепости Аргуэльо и полюбил его пятнадцатилетнюю дочь Кончиту. Состоялось обручение, но свадьба была отложена ввиду противодействия испанских миссионеров, не желавших благославлять брак католички с человеком другой веры. Было решено, что по возвращении в Петербург Резанов испросит ходатайства императора перед папой римским о разрешении на этот брак.

19 июня 1806 г. "Юнона", нагруженная провизией, вышла из Сан-Франциско и благополучно прибыла в Новоархангельск. Жители колонии были спасены от голодной смерти.

По пути из Калифорнии Резанов убедился, что земли к северу

от Сан-Франциско никем не заняты. Он считал, что Российско-Американской компании не следует терять времени и нужно занять эти территории./ По пути в Петербург он написал об этом в докладе министру коммерции графу Н.П. Румянцеву.]

Резанов торопился в Петербург, чтобы добиться разрешения на брак с Кончитой. Он быстро миновал Камчатку и начал нелегкий путь через Сибирь. От спешки он чаще ехал верхом, падал в студеные воды сибирских рек, несколько раз простужался, но, отлежавшись в какой-нибудь юрте, еще не совсем оправившись, ехал дальше. До Иркутска он добрался совсем больным. Однако, проведя там всего несколько дней, он по сибирскому морозному тракту поскакал в Красноярск. Его мучила лихорадка. Не доехав до Красноярска, он потерял сознание прямо на дороге и упал с лошади. Его, без памяти, привезли в Красноярск, где он и скончался 1 марта 1807 г.

Кончита несколько лет не знала о его смерти и ждала возвращения своего нареченного. Наконец стали приходить слухи о его смерти. Она им не верила. Молодые люди, влюбленные в нее, предлагали руку и сердце. Она всем отказывала. И только через сорок лет, в 1847 г., когда Калифорнию посетил директор Гудзон-Бейской компании сэр Джордж Симпсон, он сообщил Кончите достоверные сведения о смерти Резанова. Он сказал ей, что по пути в Америку побывал в Красноярске и посетил могилу Резанова. После этого Кончита ушла в монастырь, приняв постриг. Она провела остаток жизни в монастыре, в городке Бенишиа, на реке Сакраменто. 3 декабря 1857 г. монахиня Мария Доминга Консепсион Аргуэльо там тихо скончалась.

Со смертью Резанова, немного не дожившего до 43 лет, всем его колониальным планам пришел конец. Император Александр был слишком занят европейской политикой, в частности, пытался обуздать захватнические планы Наполеона Бонапарта, уже начавшего свое победное шествие по Европе. Через пять лет Наполеон вторгся в Россию. Судьба империи висела на волоске. Конечно, тогда было не до Резанова и его планов. Все это спасло Крузенштерна от неприятностей и, может быть, от сурового наказания. Резанов был забыт, и Крузенштерну открылась дорога к повышению, почестям и славе. Его стали открыто называть начальником Первой русской кругосветной экспедиции. Посыпались награды и почести. Крузенштерну даже был воздвигнут памятник в Петербурге. О Резанове остался лишь мало кому известный надгробный памятник в Красноярске. Таковы неисповедимые пути славы!

ГЕРМАН АЛЯСКИНСКИЙ

В 1987 г. исполнилось 150 лет со дня смерти одного из первых православных миссионеров на Аляске, инока Германа Аляскинского, скончавшегося на Еловом острове, на Аляске, в 1837 г. Одновременно исполнилось 220 лет со дня его рождения. Инок Герман прожил в так называемой Русской Америке 43 года, сначала на Кадьяке, а затем на небольшом Еловом острове, недалеко от Кадьяка.

Отмечая полуторавековую годовщину со дня смерти Германа, посвятившего большую часть своей жизни миссионерской деятельности на ниве православия среди местного алеутского и индейского населения, может быть, уместно отметить также и другую, не монашескую, сторону деятельности инока Германа. Мало кому, вероятно, известно, что он был первым человеком на Аляске, серьезно занимавшимся опытами внедрения и распространения земледелия на Аляске, до него незнакомого туземцам. Поселившись на Еловом острове, он развел там огород, на котором старался выращивать разные овощи, до тех пор также неизвестные местному населению. Наш соотечественник, ученый агроном д-р В.М. Бензин, недавно скончавшийся в Америке, много лет проработавший агрономом на Аляске, писал, что скромный огород инока Германа на Еловом острове явился местом рождения аляскинского земледелия и может по праву называться первой опытной земледельческой станцией на Аляске, основанной за сто лет до того, как на ней появилась первая американская опытная земледельческая станция. Инок Герман сумел вырастить в холодном аляскинском климате картофель, капусту, репу и чеснок. За неимением других удобрений Герман использовал морские водоросли.

Сначала инок Герман все делал на огороде сам. Приехавший на Кадьяк в 1805 г. Резанов, заметив агрономические опыты инока, распорядился отправить к нему на Еловый остров на все летнее время двадцать молодых туземцев, с тем чтобы приучить их к занятиям земледелием. Эти двадцать туземцев стали первыми учениками первой агрономической школы на Аляске. Вернувшись в селения, молодые земледельцы приучили своих односельчан к огородничеству.

Главной же обязанностью инока Германа как члена первой духовной миссии на Аляске было обслуживать духовные нужды не только русских служащих Российско-Американской компании, но и новообращенных православных алеутов и индейцев.

Смирный инок Герман приехал в русскую колонию с первой духовной миссией в составе восьми человек, присланной туда по инициативе Григория Ивановича Шелихова в 1794 г. Большинство монахов было из знаменитого Валаамского монастыря на Ладожском озере, кроме двух иноков из соседнего с Валаамом Коневского монастыря.

Главой миссии был архимандрит Иоасаф. Под его началом были иеромонах Ювеналий, в прошлом горный офицер; иеромонах Макарий,

иеромонах Афанасий, иеродьякон Стефан (брат Ювеналия), тоже бывший в миру горным офицером, иеродьякон Нектарий, иноки Иоасаф и Герман.

Почти с самого приезда на Алеутские острова между членами духовной миссии и главным правителем компании А.А. Барановым, как уже не раз отмечалось, начались трения, перешедшие в открытую вражду, причиной которых было взаимное непонимание. Миссия, посланная Шелиховым, ожидала найти на месте своего служения какие-то сносные жилые помещения для ее членов и церковных служб, но ничего подобного она там не нашла. Баранов предложил самим миссионерам построить себе избы. Он считал, что миссия прислана преждевременно, у него самого еще не было помещения, жил он сначала в палатке, потом в хижине с протекавшей крышей и никак не мог понять возмущения и претензий монахов.

Несмотря на самые неприглядные условия жизни на островах в первое время, члены духовной миссии проявили исключительную энергию в своей миссионерской работе, особенно иеромонахи, и за короткое время сумели привести в лоно православия сотни туземцев, особенно алеутов, охотно крестившихся и становившихся верными сынами церкви. Монах Герман писал в письме 19 мая 1795 г.: "Алеуты своей ласковостью и желанием креститься весьма нас удивили". Но он также отмечает и недоброжелательство "купцов": "с купцами очень неудобно приводить [в Св. веру] здешний народ, ибо они стараются о богатстве и весьма обижают бедных американцев. Если бы не было обиды американцам от компании, то весьма бы весело было" (письмо от 22 мая 1795 г.).

Миссия оказалась недолговечной. Спустя некоторое время несколько членов миссии трагически погибли. Началом конца миссии был вызов в Россию архимандрита Иоасафа, который был в Иркутске хиротонизован в епископа Кадьякского и Американского в марте 1799 г. На обратном пути на о-в Кадьяк епископ Иоасаф погиб на корабле "Феникс", разбитом штормом и потонувшем где-то недалеко от цели путешествия. Вместе с епископом Иоасафом на корабле погибли иеромонах Макарий и иеродьякон Стефан, тоже возвращавшиеся после церемонии на Алеутские острова. Еще ранее, в 1796 г., на материковой части Аляски, на берегу озера Илиamna погиб мученической смертью иеромонах Ювеналий. Миссия таким образом потеряла сразу четырех своих наиболее энергичных членов.

Из оставшихся иеромонах Афанасий ничем себя не проявил на миссионерской работе и в 1825 г. уехал в Россию. Иеродьякон Нектарий, часто болевший, уехал в Россию в 1806 г. и умер там в 1814 г. иеромонахом Киренского монастыря. Из двух оставшихся — инок Иоасаф умер на Кадьяке в 1823 г. Вся забота о православном обслуживании населения Алеутских островов таким образом пала на смиренного инока Германа, который в связи с большими переменами в составе духовной миссии с 1800 г. сделался фактически главой миссии. Как пишет теперешний епископ Григорий Аляскинский: "Только любовь преподобного Германа продолжала

согревать сердца местной паствы, зачастую ограждая ее от насилий компанейских властей”.

Герман всячески старался защитить туземцев, “американцев”, от самоуправства администрации. Один из исследователей жизни и деятельности инока Германа так описывает его: “Преподобный Герман стал для них [туземцев] истинным добрым пастырем и защищал их, как мог, от злых и хищных людей, которые видели в островитянах только объект для жестоких вымогательств и насилия”.

Инок Герман родился в 1757 г. в купеческой семье города Серпухова, недалеко от Москвы. 16 лет от роду Герман поступил послушником в Троицкий монастырь под Петербургом, где пробыл шесть лет. Шесть лет послушания в монастыре выковали его характер и приготовили молодого послушника к строгой монашеской жизни. В монастыре он принял иноческий постриг и в 1783 г. перешел в знаменитый Валаамский монастырь на Ладогe. В 1794 г., когда настоятель Валаамского монастыря игумен Назарий отбирал иноков для намечавшейся духовной миссии в Америку, его выбор среди прочих пал и на Германа.

Многогранна была деятельность инока Германа в Русской Америке. Скромный, послушный, исполнительный, он не гнушался самой простой физической работы: работал в пекарне миссии, на огороде. Когда после эпидемии на Кадьяке многие дети остались сиротами, он основал на Еловом острове для них приют.

С течением времени, когда на плечи инока Германа была возложена вся миссионерская и священническая деятельность в колонии, он силой своего характера и глубокой верой привлек к себе даже самого главного правителя Русской Америки Баранова, который, как мы знаем, вначале враждебно относился к членам миссии. Баранов даже поручил иноку Герману заняться воспитанием и начальным образованием своих детей — Антипатра и Ирины. Дружеские и даже сердечные отношения между Германом и Барановым продолжались до самого конца службы Баранова в Америке и отъезда его из колонии.

Старца Германа не только знали, уважали и любили местные жители, но его ценили и высшие духовные власти, много наслышанные о бывшем иноке Валаамского монастыря. Решено было даже направить его на другую, ответственную миссионерскую работу. Два раза духовная администрация предлагала Герману посвятить его в иеромонахи, а позже даже был предложен сан архимандрита. В этом высоком духовном сане предполагалось перевести его на новый, более ответственный пост в Российскую духовную миссию в Пекине. Смирный Герман отказался от всех почестей и повышений и до конца дней своих остался на Аляске простым монахом.

Высокий моральный дух и святая жизнь инока Германа позже сильно повлияли и на нового главного правителя Русской Америки лейтенанта С.И. Яновского, первое время довольно иронически относившегося к рассказам о святости Германа. Лейтенант Яновский возглавил администрацию Русской Америки после отставки Баранова

и кратковременного пребывания на этом посту капитана Гагемейстера. Яновский женился на дочери Баранова Ирине. Вместе с ней он несколько раз посетил инока Германа как на Кадьяке, так и на Еловом острове и долго с ним беседовал. В этих простых беседах старец Герман затронул какие-то тайные струны в душе молодого морского офицера, главного правителя колоний, бывшего до этих встреч человеком совершенно безразличным к религии. Разговоры с Германом так сильно повлияли на него и запали в его душу, что по возвращении в Россию он пошел по стопам своего наставника инока Германа.

Позже С.И. Яновский писал о старце Германе: "Такими постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истинный, и я сделался настоящим христианином".

Люди, знавшие Германа, называли его провидцем. Так ли это, или нет, но нам известно, что когда Яновский, отслужив два года на Аляске, с 1819 по 1821 г., заехал к Герману со своей женой Ириной, чтобы попроситься и испросить его благословения, Герман настойчиво просил его не уезжать в Россию и не увозить туда Ирину. Он предупреждал Яновского, что Ирина не перенесет изменения климата, что она выросла среди дикой природы Аляски, и переезд в Петербург или вообще в Россию будет для нее пагубным.

Яновские уехали, и прошло немного времени, как здоровье Ирины пошатнулось, она стала буквально таять, как свеча, и вскоре умерла от неизвестной болезни. Семен Иванович Яновский после этого удалился в Тихвинскую пустынь в Калужской губернии и принял там монашество. Сын его тоже позже ушел в монастырь и стал иеромонахом, а три дочери закончили свои дни в женском монастыре монахинями. Не выжил в России и сын Баранова — Антипатр. Он так же, как Ирина, не вынес перемены климата и умер в Петербурге.

Переселившись на небольшой Еловый остров с Кадьяка в 1823 г., инок Герман первое время жил в простой пещере, которую вырыл собственными руками. Слава о его святости быстро распространилась по всей Русской Америке, особенно среди новообращенных православных алеутов и индейцев. К нему стали приезжать за советами и утешением. Многие стали считать его святым человеком.

Позже инок Герман построил для себя деревянную келью, в которой и прожил до конца своих дней. Свой Еловый остров он любил называть "Новым Валаамом", по своей привязанности к Валаамскому монастырю на островах Ладожского озера. Здесь, на Еловом острове, все напоминало ему Валаам: и остров среди водной стихии, и хвойный лес, и огромные нагромождения каменных глыб.

Скончался старец на 81-м году жизни 13(25) декабря 1837 г., оставив среди туземного населения память о себе как о святом человеке, охотно помогавшем всем приходящим к нему как советом, так и делом. До сих пор православное население Аляски чтит память старца Германа и в трудные минуты ищет совета и помощи в своих молитвах ему.

9 августа 1970 г. на Аляске состоялось прославление инока Германа и канонизация праведного апостола-просветителя Аляски, ставшего первым православным святым Америки. На торжестве прославления нового Святого Германа собралось многочисленное православное население Аляски и Алеутских островов, а также и многие паломники со всей территории Соединенных Штатов. Возглавлял обряд канонизации митрополит Всея Америки и Канады Ириней. В торжествах принимали участие ряд других иерархов православной церкви.

5 августа совершались богослужения на Еловом острове, а с 6 по 10 августа — в церкви на Кадьяке, где гроб с останками преподобного Германа был помещен в раку в правой стороне храма. За поздней литургией 10 августа проповедь произнес первый православный епископ из природных американцев Димитрий. В крестном ходе также участвовали два римско-католических епископа: архиепископ города Анкориджа (Аляска) Иосиф Т. Райен и епископ города Джуно Фрэнсис Т. Хэрли.

По описаниям свидетеля, после богослужений был устроен банкет в помещении Элк-клуба, на котором присутствовали более 500 человек, в том числе губернатор Аляски и несколько конгрессменов. "Затем, — пишет участник торжеств, — состоялась на открытой площадке постановка исторической драмы. В ней были изображены Баранов, Яновский и другие личности, имевшие отношение к жизни преподобного Германа на Аляске".

Так закончились торжества прославления первого православного святого на американской земле, которого теперь чтят православные люди по всему миру.

ИННОКЕНТИЙ (ИОАНН) ВЕНИАМИНОВ

В 1987 г. исполнилось 190 лет со дня рождения когда-то скромного священника-миссионера на Аляске Иоанна Вениаминова, впоследствии достигшего вершины церковной иерархии и ставшего митрополитом Иннокентием Московским и Коломенским.

Несравненны и необычайны заслуги священника о. Иоанна на миссионерском поприще на о-ве Уналашка и в столице Русской Америке Новоархангельске. Позднее, уже будучи в сане епископа новосозданной епархии Алеутской, Камчатской и Курильской, архиерей Иннокентий прославился еще больше тем, что множество язычников — алеутов и индейцев — обратил в православие, а также тем, что учил их грамоте, широко распространяя в их среде образование. Недаром этого скромного миссионера называли "апостолом" Аляски.

Отмечая 190-летие со дня его рождения и отдавая должное исключительному успеху его деятельности, выразившемуся в крещении многих тысяч туземцев и постройке храмов и часовен, отметим

*Митрополит Московский и Коломенский
Иннокентий*

его научно-исследовательскую работу энтографа и лингвиста, которая принесла ему международное признание и славу.

Биография этого миссионера и ученого, а затем митрополита чрезвычайно богата событиями и интересна. Он родился 26 августа 1797 г. в семье бедного пономаря села Ангинское Иркутской губернии Евсевия Попова и был назван Иваном. В пятилетнем возрасте Иван лишился отца, и заботу о нем принял на себя его дядя, дьякон Димитрий Попов, научивший мальчика грамоте. В девятилетнем возрасте Иван был привезен в Иркутск и отдан против желания матери, пытавшейся устроить его пономарем и сделать кормильцем семьи, в семинарию.

Жизнь и учение в семинарии, типичной бурсе, были не легкими. Питался бедный семинарист весьма скудно. Позже, вспоминая эти

годы, владыка Иннокентий говорил: "Учился я хорошо, но чистого ржаного хлеба (без мякины) до выхода из семинарии не пробовал".

Иван Попов провел в семинарии 11 лет и достиг блестящих успехов. Как лучший ученик он имел возможность поступить в Московскую духовную академию. Судьба, однако, рассудила иначе. За год до окончания семинарии, в 1817 г., он женился на дочери священника Екатерине Ивановне и в том же году был посвящен в сан дьякона — с причислением к Благовещенской церкви в Иркутске.

Этот шаг совершенно изменил жизненный путь о. Иоанна. Вместо блестящей академической карьеры в Москве он пошел по смиренному пути приходского дьякона, а затем священника, но этот путь, однако, привел его к миссионерской и научной работе на Аляске, а затем к блестящему положению на вершине церковной иерархии в Москве.

Еще в то время, когда Иван Попов учился в семинарии, администрация переименовала его фамилию на более благозвучную — Вениаминов, в честь епископа Вениамина Иркутского, скончавшегося в 1814 г.

18 мая 1821 г. дьякон Иоанн Вениаминов был рукоположен в сан священника, оставшись на служение в той же церкви, а через два года он принял предложение, радикально изменившее его жизнь. Это было предложение епархиального архиерея отправиться

в Русскую Америку для проповеди там христианства. Никто из духовенства иркутской епархии на это предложение не откликнулся. Совершенно неожиданно для всех, и особенно для семьи, о. Иоанн дал согласие поехать священником на Алеутские острова.

Прежде чем описать пребывание о. Иоанна Вениаминова в Америке и его деятельность там, отметим, что, еще будучи семинаристом, он много времени проводил в различных мастерских: учился у столяра, у механика и даже был подручным у часового мастера. Своими новыми техническими познаниями он поражал друзей-семинаристов, особенно когда построил часы, сначала водяные, потом солнечные. Он также сделался прекрасным столяром. Все эти ремесла оченьгодились ему в Америке.

Поездка в Америку в те времена была нелегкой. Выехал он из Иркутска со всей семьей 7 мая 1823 г. По пути навестил свое родное село Ангинское; оттуда отправился 9 мая на небольшой барже по реке Лене до Якутска. Вместе с ним ехали его жена с новорожденным сыном Иннокентием, мать и 19-летний брат Стефан, также на службу — псаломщиком и учителем в Аляскинскую миссию.

От Якутска до Охотска — расстояние более тысячи верст — пришлось ехать на лошадях. Последняя стадия пути была проделана на корабле Российско-Американской компании, который шел из Охотска до Новоархангельска. Интересное описание путешествия о. Иоанна морем дает епископ (впоследствии патриарх) Тихон. По его описанию, о. Иоанн Вениаминов выехал из Охотска в Америку на шлюпе "Константин" 30 августа и прибыл на Ситку 20 сентября 1823 г. По прибытии он получил назначение на Уналашку, куда смог выехать только в мае 1824 г. Свое долгое ожидание в Новоархангельске о. Иоанн не тратил попусту, а энергично взялся за изучение алеутского языка, что помогло ему впоследствии не только для проповеди христианства, но и для ведения научной работы.

Грустная картина ожидала о. Иоанна на о-ве Уналашка. Он прибыл на место своего нового служения 29 июля 1824 г. Первые миссионеры, валаамские монахи Макарий и Ювеналий, побывали на Уналашке более 20 лет тому назад. С их отъездом остров оставался без духовного христианского окормления. Не было там и надлежащего храма. Была лишь убогая, забытая, полуразрушенная часовня. Для священника о. Иоанна и его семьи не было жилья. Им всем пришлось поселиться в холодной темной землянке. Отец Иоанн призван был вести миссионерскую работу не только среди алеутов Уналашки, но и на подведомственных ему Лисьих и Прибыловых островах, а также в Михайловском редуте на материке.

По приезде о. Иоанн прежде всего принялся за постройку небольшого дома для семьи на берегу маленькой речки Уналашки. И сразу проявилась его естественная любознательность — он начал наблюдения за приливом и отливом воды. Для этой цели на противоположном от дома берегу он выкопал яму и опустил в нее сруб (наподобие колодца). В сруб была опущена трубочка на ве-

ревке, разделенная на футы, — каждое утро и каждый вечер он проверял уровень воды, записывая данные в специальный журнал. Позже, в его отсутствие, делать эти записи поручалось детям.

Закончив дом, о. Иоанн принялся за сооружение нового храма на острове вместо старой полуразрушенной часовни. Для этого он сначала научил нескольких алеутов искусству выделки кирпича, кладке стен, а также и плотничьему делу. Сооружение храма было более серьезным и трудным делом, чем постройка жилого домика. Строительство было закончено в начале 1826 г., и только 20 июня церковь была освящена во имя Вознесения Господня. Эта церковь была настоящим большим храмом, в котором всю внутреннюю отделку выполнял сам о. Иоанн — сооружение иконостаса, престола и даже позолоту на иконостасе. Позднее на о-ве Умнаке он построил еще одну часовню, а через год после приезда открыл на Уналашке училище для мальчиков.

Так на угрюмом северном острове в тяжелых условиях реализовывал свои необычайные способности о. Иоанн, изучая состав, язык и обычаи населения, климат, флору и фауну, главным образом повадки морских котиков, т.е. стремился приобщиться сразу к нескольким областям знаний — этнографии, зоологии, географии, метеорологии, лингвистике — и внести свой посильный вклад в эти науки. Некоторые результаты его наблюдений были опубликованы в книге "Записки об островах Уналашкинского отдела".

Один из биографов И. Вениаминова пишет: "Долгими зимами, когда прекращалось сообщение между островами, отец Иоанн тщательно разбирал свои путевые заметки, систематизировал их и подробно излагал этнографические наблюдения, получившие впоследствии высокую оценку специалистов".

Этнографические наблюдения о. Иоанна вошли позже в его труд "Характеристические черты алеутов, обитающих на Лисьих островах". Усиленное изучение алеутского языка оказалось настолько продуктивным, что о. Иоанн даже составил "Граматику алеутско-лисьевского языка". Мало того, через пять лет после прибытия на Уналашку появляется его новый труд, перевод на алеутско-лисьевский язык Катехизиса и Евангелия от Матфея. В это же время он пишет поучения на алеутском языке "Указание пути в Царство Небесное". В результате его миссионерской деятельности на языке алеутов, как сообщает архимандрит Евлогий, за десятилетнее пребывание о. Иоанна Вениаминова на Уналашке не осталось ни одного язычника.

Одним из наиболее значительных достижений о. Иоанна является создание им алеутской письменности, которой до него не существовало. В основу этой письменности он положил церковнославянский алфавит, дополнив его надстрочными знаками и знаками, обозначающими придыхания. После этого он составил алеутский букварь. Интересно, что букварь включал молитвы и Символ Веры на алеутском и русском (церковнославянском) языках, в двух параллельных столбцах.

На его печатные труды сразу было обращено внимание. "Грам-

матика алеутско-лисьевского языка” давала столь ясное понятие о его конструкции, что очень скоро лингвисты стали использовать ее как пособие для работы над другими языками. Например, известный знаток китайского языка Шетт воспользовался “Грамматикой” о. Иоанна и, сравнивая алеутский язык с азиатскими, достиг, как пишет биограф о. Вениаминова Барсуков, “желаемого успеха”.

Чрезвычайно интересными были наблюдения о. Иоанна над образом жизни промыслового котика. Во время своих поездок на Прибыловы острова он близко ознакомился со способами охоты на этих ценных животных, которых, как он справедливо опасался, ожидало полное истребление. Отец Иоанн начал вести наблюдения над естественным приростом котиков и позже составил таблицу, из которой делалось ясно, сколько животных можно убивать каждый год, чтобы не уменьшать общего количества котиков в прибрежных водах. Об этом позже писал адмирал В.С. Завойко, герой камчатской обороны от англо-французского флота в кампании 1854 г.: “Отец Вениаминов, как человек с острым разумом и быстрым практическим соображением и как наблюдатель окружающей его природы, ясными выводами из своих наблюдений над жизнью земноводных животных, морских котиков, доставил компании на несколько сот тысяч пользы; и поныне казна ежегодно получает громадный доход”.

В таком же духе писал современник о. Вениаминова, креол А.Ф. Кошеваров: “Отец Иоанн Вениаминов часто посещал для исправления церковных треб острова Прибылова, как принадлежавшие к приходу Уналашкинской церкви, проживал там по нескольку дней и, следовательно, мог сам делать наблюдения над котиками: составил интереснейшую таблицу вероятной возможности размножения котика с предложением промышленникам при ежегодном промысле этого зверя ограничиваться показанными в его таблице количествами... Блистательный успех оправдал глубокое соображение высокопочтенного автора таблицы”.

Интересы о. Иоанна не имели границ. Говорят, что он пробовал сажать деревья на своем безлесном острове. В 1830 г. он посадил на Уналашке рощу. В 1974 г. на Алеутских островах побывали советские ученые: академик А.П. Окладников и Р.С. Васильевский. Позже они писали: “Тот же неутомимый Вениаминов посадил на Уналашке первую и единственную до сих пор на всем архипелаге рощу...” Там же они отметили: “Стоим под густыми кронами деревьев, посаженных И. Вениаминовым в 1830 году, — единственных на островах”.

После десяти лет пребывания на Уналашке И. Вениаминов — в воздаяние заслуг и в виде повышения — был переведен в Новоархангельск. Ко времени его отъезда на Уналашке функционировали училище с 22 учениками, больница со стационаром на 8 человек, дом для сирот алеутов и креолов, 3 магазина, деревянная церковь с колокольней, кроме того, были построены 10 деревянных домов (см.: А.П. Окладников, Р.С. Васильевский. По Аляске и Алеут-

ским островам). Между прочим, академик А. П. Окладников — земляк о. Иоанна, в юношеские годы учился в селе Ангинском на реке Лене.

И. Вениаминов прибыл в порт Новоархангельск 22 ноября 1834 г. для служения священником в соборном храме Архангела Михаила. И здесь, как и на Алеутских островах, он сразу принялся обучать грамоте индейцев-тлинкитов (колошей). Просвещать их было гораздо труднее, чем алеутов: колоши относились к русским враждебно. На Ситке о. Иоанн пробыл около шести лет. Как и на Уналашке, помимо миссионерства, он занимался лингвистикой, не оставляя и своих увлечений ремеслами. Почти сразу по приезде он установил на колокольне Михайло-Архангельского собора часы. "Эти часы, — как он сам шутливо рассказывал, — ходили верно и били верно даже тогда, когда колокольня покривилась".

Свидетельство о способностях о. Иоанна к ремеслам находим в книге известного исследователя Аляски лейтенанта Л. А. Загоскина. Однажды, уже будучи в сане епископа, И. Вениаминов объезжал приходы своей аляскинской епархии на бриге "Охотск", которым командовал Загоскин. "При заводке хронометра, — писал потом Загоскин в своей книге, — лопнула цепочка. На переходе нашем из Новоархангельска та же беда случилась с судовыми, и повреждение было исправлено преосвященным Иннокентием, оставившим память священнического своего служения в Ситке постройкою часов в куполе тамшней церкви".

На Ситке о. Иоанн снова принялся за усердное изучение языка, на этот раз колошей, на котором позже он стал проповедовать Евангельское учение. Его методические занятия языком колошей завершились составлением крупного научного труда: "Замечания о колошском и кадьякском языках и отчасти и о прочих наречиях в Российско-Американских владениях, с присовокуплением Российского словаря".

Подчеркнем, при всей его многогранной деятельности он оставался скромным приходским священником. Просматривая пожелтевшие страницы церковных документов того времени, хранящихся в настоящее время в Библиотеке конгресса в Вашингтоне, мы читаем, например, "Ведомость о церкви Святого Архистратига Михаила, что в Америке, на острове Ситхе, за 1836 год". В "Ведомости" говорится, что церковь построена в 1831 г. "иждивением Российско-Американской компании; зданием деревянная, с таковою же колокольною, крепка. Престол в ней един во имя Св. Архистратига Михаила. Утварью достаточна. Земли при сей церкви не имеется никакой, и никогда не может быть, потому что ни местность, ни обстоятельства этого не позволяют... С 1816 года при ней находится один священник и... находился один церковнослужитель, но с 1823 года находятся два церковнослужителя из здешних креолов".

Относительно средств существования священника в "Ведомости" сказано, что "квартиры для священника и церковнослужителей — от Российско-Американской компании. На содержание священника и служителей получается жалованье от компании по положению Главного Правления, а именно: священнику по 1200 руб. в год и прови-

зи: 40 пудов муки, 8 пудов сухарей, 10 фунтов чаю, 2 пуда сахару, 5 пудов круп, 2¹/₂ пуда табаку, по сколько же мыла и свеч, ведро водки”.

В подотделе ”О причте” даются биографические сведения о ”священнике Иоанне Евсевиеве Вениаминове-Попове”. В его послужном списке отмечается, что ”1835 года генваря 12 дня в воздаяние ревностного служения и постоянных трудов его... в распространении между алеутами и другими народами Христианской веры Всемилоостивейше сопричислен к ордену Св. Анны третьей степени”.

Интересны помещенные там сведения об его семейном положении: ”В семействе у него: жена его Екатерина Ивановна; дети: Иннокентий Вениаминов, Гавриил Вениаминов находятся в Иркутской семинарии. Александр Вениаминов обучается в здешнем колониальном училище: чтению, письму, арифметике, пению и латинской и русской грамматике... Екатерина, Ольга, Параскева, Фекла”.

Говоря о научно-исследовательской работе и печатных трудах о. Иоанна, доставивших ему мировую известность, надо отметить, что он, кроме книги ”Замечания о колошском и кадьякском языках...”, составил филологическую классификацию американских языков.

Как для отдыха находит он время для занятий любимыми ремеслами — по свидетельству протоиерея А. Виноградова, о. Иоанн построил орган с двумя валами; на одном валу были изложены духовные песнопения, на другом — светские, главным образом плясовые. Несколько органов он изготовил для иезуитов-миссионеров в Калифорнии.

Во время пребывания в Новоархангельске священник Иоанн Вениаминов, как уже писалось выше, дважды посетил Форт Росс в Калифорнии; в первый раз в 1836 г. он отправился туда для того, чтобы навестить свою паству. Часовня Форта Росс официально подчинялась приходу Свято-Михайловской церкви в Новоархангельске. Вторично он посетил Форт Росс на пути в Россию в 1838 г. Епископ Григорий Аляскинский, обнаруживший ”Путевой журнал” Иоанна Вениаминова, в своей статье в ”Новом русском слове” описал подробности его путешествия в Калифорнию.

Это путешествие продолжалось с 1 июля по 13 октября 1836 г. Интересно описание форта, данное о. Иоанном: ”Крепость Росс есть небольшое, но довольно хорошо устроенное селение, или село, состоящее из 24 домов и нескольких юрт для алеут, со всех сторон окруженное пашнями и лесами, в середине коего находится четырехугольная небольшая деревянная ограда, имеющая две оборонительные будки с небольшими пушками и вмещающая в себя часовню, дом правителя, контору, магазин, казармы и несколько квартир для почетных жителей. Здесь мужского пола 154 и женского 106, а всего 260 душ, в числе коих русских 120, креол 51, алеут кадьякских 50 и 39 индейцев крещеных”.

В 1838 г. о. Иоанн испрашивает разрешение на поездку в Петербург для хлопот о расширении миссионерской деятельности в Русской Америке. Кроме того, он хотел как-то продвинуть в Петербурге вопрос об издании своих научных трудов. Разрешение было получено, и он, отправив жену с детьми через Охотск в Иркутск,

сам отправился с малолетней дочерью Феклой в кругосветное путешествие. Вышел он на корабле "Николай" 8 ноября 1838 г., по дороге побывав в Форте Росс. Через 43 дня корабль вошел в гавань Гонолулу на о-ве Оаху в архипелаге Сандвичевых островов; 2 января 1839 г. покинул гавань и направился к мысу Горн; 28 февраля пересек меридиан у мыса Горн; 22 июня корабль вошел в Кронштадт. Путешествие продолжалось 7 месяцев и 14 дней.

С приездом о. Иоанна Вениаминова в Петербург начали одна за другой выходить его работы. Первая статья "Мифологические предания колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки" была помещена в журнале "Сын отечества" в 1839 г. Затем появилась статья "Население русских владений в Америке" в Журнале министерства внутренних дел. Его сочинение на алеутско-лисьевском языке "Указание пути в Царство Небесное", впервые опубликованное в 1839 г., выдержало в переводе на русский язык 22 издания (с 1839 по 1881 г.). В то же время его "Записки об островах Уналашкинского отдела" получают знаменитую Демидовскую премию. Имя аляскинского священника И. Вениаминова теперь у всех на устах, особенно в литературных и ученых кругах Петербурга и Москвы.

Знаменитый писатель И.А. Гончаров так отзывался о произведениях Вениаминова: "...не пожелаешь никакой другой истории молодого и малоизвестного края. Нет недостатка ни в полноте, ни в отчетливости по всем частям знания: этнографии, географии, топографии, натуральной истории, но всего больше обращено внимание на состояние церкви между обращенными".

С годами труды И. Вениаминова становятся известны за границей. Французский лингвист В. Анри уже в 1878—1879 гг. пишет: "Алеутская грамматика Вениаминова — одна из лучших монографий, которые мне привелось изучать. Автор не лингвист и еще менее претендует быть этимологом... Идя следом за этим наставником, просвещенным и добросовестным, мы не подвергаемся риску сбиться с пути и с полной уверенностью можем сформулированные им грамматические правила переводить на язык современной лингвистики".

С таким же чувством уважения к работе Вениаминова пишет немецкий ученый А. Пфицмайер в 1883 г.: "Между языками берингоморских стран алеутский является почти единственным, о котором можно получить точное представление... "Опыт грамматики" излагает алеутский язык очень обстоятельно и содержит в себе небольшой словарь, который в противоположность другим, скудным и ненадежным словарям, представляет собой тщательно и правильно выполненное собрание употребительнейших слов".

Эти ведения заимствованы нами из весьма интересной работы советской исследовательницы Е.Э. Бломквист. Самым значительным, классическим трудом Вениаминова Е.Э. Бломквист считает изданную в 1840 г. в Петербурге трехтомную монографию об алеутах "Записки об островах Уналашкинского отдела". Уже в то время национальная культура этого народа начинала исчезать. Не меньшего внимания, по ее мнению, заслуживает труд Вениаминова, посвященный языку индейцев-тлинкитов: "Замечания о колошском

и кадыяком языках...”, в которой приводится опыт перевода на колошский язык, с приложением русско-глинхитского словаря. Но мировую известность Вениаминову принесла его “Грамматика алеутско-глинхитского языка”. Это была первая работа такого рода (Е. Э. Бломквист. История изучения в России языков североамериканских индейцев).

Академик А. П. Окладников отмечает, что о теоретической важности алеутской грамматики Вениаминова определеннее сказал востоковед и лингвист К. Габеленц. “Она, — писал Габеленц, — замечательна в... литературе, как в первый раз являющийся образец полисинтетического устройства языков” (цит. по: А. П. Окладников. От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова).

Можно закончить это краткое описание отзывов представителей ученого мира о работах Вениаминова словами Г. Воейкова (1888 г.): “...отец Иоанн Вениаминов первый познакомил науку с новыми, дотоле совершенно неизвестными в лингвистике языками; первый грамматически осмотрел и изучил их... Он был единственным ученым, занявшимся теорией этих языков” (цит. по: И. Барсуков. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский).

Весьма интересные сведения о научных трудах Вениаминова находим в статье Р. Полчанинова. Он пишет: “Первой книгой, напечатанной на алеутском языке, был катехизис, переведенный о. Иоанном Вениаминовым в 1827 г.”. И дальше: “Катехизис был отпечатан в количестве 400 экз. только в 1834 году, так как пришлось отливать специальный шрифт для алеутского языка” (Р. Полчанинов. Уголок коллекционера).

Как сложилась жизнь о. Иоанна после его прибытия в Петербург? Весной 1840 г. до Петербурга дошла печальная весть, что жена о. Иоанна Екатерина Ивановна скончалась в Иркутске в ноябре 1839 г.

По совету своего покровителя митрополита Московского Филарета (после долгих колебаний) о. Иоанн принял постриг под именем Иннокентия. На следующий день, 30 ноября 1840 г., иеромонах Иннокентий был возведен в сан архимандрита, а 15 декабря в Казанском соборе состоялась торжественная церемония хиротонии его в епископа новой епархии — Камчатской, Курильской и Алеутской. Скромный приходский священник как бы в мгновение ока вознесся в высший сан иерарха православной церкви.

30 января 1841 г. выехал новопосвященный епископ Иннокентий из Петербурга к месту своего служения, в Русскую Америку. По пути — короткие остановки в Москве, Иркутске, на родине, в селе Ангинском. Из Иркутска он перевел своих сыновей-семинаристов Гавриила и Иннокентия в Петербургскую семинарию. Следующая остановка — Якутск и затем тяжелый путь верхом в Охотск, куда он прибыл 15 июля 1841 г. В Новоархангельск он добрался только 27 сентября. Здесь епископ Иннокентий провел следующие одиннадцать лет своей жизни.

В 1850 г. он возводится в сан архиепископа, а через два года к его епархии присоединяют Якутскую область. Резиденция его переводится в Якутск, и архиепископ Иннокентий покидает Русскую

Америку. Как вещественный памятник деятельности о. Иоанна в Новоархангельске остался построенный им в 1848 г. собор Св. Архангела Михаила. Часы, что он некогда смастерил и установил на колокольне собора, погибли, как и храм, в пожаре 1966 г. А письменный стол, сделанный епископом Иннокентием, до сих пор хранится в старом "миссионерском" доме, в котором когда-то была резиденция епископа.

В Якутске, на новом месте, архиепископ Иннокентий с той же энергией, как когда-то на Аляске, принимается за изучение якутского языка и затем переводит на него священные книги. Архиепископ совершает частые поездки по обширной территории своей епархии и в 1854 г. приезжает даже на Амур, как раз в то время, когда туда приходят сведения о начале Крымской кампании. В Русской Америке и на Дальнем Востоке опасаются нападения соединенной англо-французской эскадры, крейсирующей в северной части Тихого океана.

В 1855 г., обеспокоенный судьбой жителей своей епархии, архиепископ Иннокентий решает отправиться в Аян, на берегу Охотского моря, по слухам занятый англичанами. Окончательная цель его путешествия — Амур. По пути архиепископ заехал в селение Нелькан, недалеко от Аяна, чтобы повидаться со старшей дочерью Екатериной Ивановной. Дочь была поражена, когда узнала, что отец едет в Аян: "Там же сейчас англичане!" — воскликнула она, пытаясь убедить его не ехать.

Но, несмотря на предупреждение, архиепископ Иннокентий отправился в Аян, куда прибыл 9 июля. Он нашел порт безлюдным. Все жители Аяна перед приходом англо-французской эскадры бежали в лес, за 13 верст от Аяна. В селении же все замки от амбаров и церкви Казанской Божьей Матери были сорваны и везде разбросаны прокламации на английском языке.

Архиепископ Иннокентий решил остаться в Аяне, и несколько раз посетил в лесу жителей селения. 21 июля, когда он совершал в церкви молебен, в порту внезапно появился английский фрегат, а 22-го пришел еще один, со множеством солдат и офицеров. Следом за ним в порт вошел пароход, на котором находился взятый в плен священник-миссионер Махов.

Английские офицеры очень удивились, найдя в Аяне архиерея, и сообщили ему, что вынуждены взять его в плен. Архиепископ Иннокентий, однако, попытался убедить их, что он человек не военный и содержание его будет в убыток. На следующий день прибывшие с фрегата офицеры сообщили ему, что их генерал освобождает не только его, но и священника Махова. Тем и закончилось недолгое "пленение" архиепископа Иннокентия.

В начале 1856 г. владыке Иннокентию удалось добраться и совершить продолжительное путешествие по Амуру. Интересно, что его сын о. Гавриил Вениаминов, родившийся в Уналашке в 1824 г., принимал участие в Амурской экспедиции Г.И. Невельского в качестве священника.

Вернувшись из путешествия, архиепископ Иннокентий, прекрасно

понимавший политическое значение и стратегическую важность занятия Амура, писал в своей статье "Нечто об Амуре": "Перед устьем Зеи... прежде всех должен быть город, и не менее как губернский. Занятие Амура, т.е. заблаговременное приготовление места для будущих поселений, отнюдь не лишне и не безрассудно; напротив того, надобно это сделать как можно скорее, дабы кто-нибудь из европейцев не предупредил нас; а тогда без ссоры и без войны нельзя уже будет занять Амура".

Эта статья были им написана за два года до формального присоединения Амурского края. План владыки Иннокентия об основании крупного города при впадении Зеи в Амур был претворен в жизнь: этим городом стал Благовещенск, и 2 сентября 1862 г. владыка Иннокентий не только перенес туда управление епархией, но и сам переехал на постоянное жительство. Знаменательно, что город был назван в честь Благовещенской церкви в Иркутске, в которой владыка Иннокентий начинал свое священническое служение.

Через шесть лет, в 1868 г., произошло событие, кардинально изменившее жизнь стареющего архиерея. Ему уже было 70 лет, и он предполагал уйти на покой, когда неожиданно пришло сообщение о кончине московского митрополита Филарета и избрании Иннокентия 5 января 1868 г. на этот самый высокий пост в церковной иерархии России. 25 мая 1868 г. Москва торжественно встречала своего нового первоиерарха.

8 января следующего года Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, был избран почетным членом Русского географического общества в воздаяние его научных трудов по изучению языков народов Северо-Западной Америки. До этого, в 1865 г., Преосвященный Иннокентий был награжден высокой наградой — орденом Святого Александра Невского.

Одиннадцать лет пробыл митрополит Иннокентий на своем высоком посту. В начале 1879 г. он занемог и в Великую Субботу, накануне Святой Пасхи, 31 марта, скончался. Погребение его состоялось в исторической Троице-Сергиевой лавре. Он оставил миру богатое научное наследие.

6 октября 1978 г. русская православная церковь за рубежом причислила этого великого миссионера к лику святых.

ДЕКАБРИСТЫ И РУССКАЯ АМЕРИКА

В книгах о декабристах довольно глухо упоминается о связи некоторых из них с Российско-Американской компанией. Назову известные имена и первым — поэта, члена, а позднее одного из директоров Северного общества, К.Ф. Рылеева. К заговору были причастны плававшие на судах компании морские офицеры В.П. Романов и Д.И. Завалишин; подполковник корпуса инженеров путей сообщения Г.С. Батеньков, столоначальник правления компании Орест Сомов.

К.Ф. Рылеев служил правителем дел канцелярии Российско-Американской компании в Петербурге (помещение, кстати, находилось на Мойке). По плану Рылеева — в случае успеха восстания — все командные посты в компании распределялись между заговорщиками следующим образом: Г.С. Батенькову предстояло стать правителем Русской Америки в Новоархангельске (вместо морского офицера М.И. Муравьева); Д.И. Завалишину — правителем Форта Росс. Себя Рылеев прочил на пост главы правления компании в Петербурге. Чтобы иметь в американских водах верное судно, было решено отправить туда корабль под командованием В.П. Романова для "обследования" северных берегов Америки.

Вероятно, самое интересное и подробное описание деятельности компании в тот период оставил Д.И. Завалишин — один из 121 участника восстания, осужденных на каторгу и отправленных в Сибирь; автор "Записок декабриста".

В 1822—1824 гг. Д. Завалишин в чине мичмана на фрегате "Крейсер" совершил кругосветное плавание в составе экспедиции адмирала М.П. Лазарева. Тогда-то он и обследовал положение Форта Росс, увлекся идеей расширения русских владений в Калифорнии и по возвращении в Петербург, незадолго до восстания декабристов, представил правлению компании и императору Александру свой детальный, но фантастический план. Об этом плане стоит рассказать подробнее.

Завалишин считал, что территория Форта Росс слишком мала, чтобы служить земледельческой базой для русских колоний на Аляске, и что ее следует расширить до "естественных" рубежей, перевалив через горы и заняв обширную, солнечную и богатую равнину за ними. Этими рубежами, по мысли Завалишина, могли быть на севере граница с США, т.е. 42-я параллель, на юге северное побережье залива Сан-Франциско, на востоке долина реки Сакраменто, а еще лучше — отроги горной цепи Сьерра-Невада.

В воспоминаниях Завалишина, написанных более чем через 40 лет после посещения Калифорнии, читаем: "...как скоро обнаружилось все неудобство прибрежных мест для земледелия и стало ясно, что предположенная цель не может быть достигнута на занятой первоначально местности, то отыскание и занятие новых удобных мест сделалось первой потребностью".

Завалишин цитирует донесение правителя колоний 1817 г., который жалуется правлению на "неимение рук" — "промышленные" за

малым исключением "из худших худшие, не привыкшие в России к трудам". Поэтому правитель рекомендует "...купить по крайней мере до двадцати пяти семейств крестьянских", которым "за переселение в Америку... дать свободу и обязать заниматься земледелием около крепости Росс".

Такого же мнения, по словам Завалишина, придерживалось в 1824 г. и правление компании: "Главное правление... для развития земледелия нашего в Росс... думало употребить то же средство, то есть выкупить из крепостного состояния, преимущественно в малоземельных местах и у бедных помещиков, крестьян для переселения в Калифорнию".

Как уже говорилось, Завалишин не только мечтал, но и действовал для осуществления своих планов. В то время когда созданная в 1822 г. мексиканская империя раздиралась междоусобной борьбой, а Калифорния не хотела признавать нового мексиканского правительства, но не хотела и объявлять независимость, Завалишин решил воспользоваться неурядицей. Он скоро понял, что происходит, в сущности, борьба двух партий: мексиканской, сторонниками которой были в основном военные, и испанской, поддерживаемой миссионерами. Обе стороны были слабы. У первой были солдаты, но плохо вооруженные, у второй — масса крещеных индейцев. Чтобы понять уровень их боевой оснащенности, достаточно описать один эпизод. Когда фрегат "Крейсер" вошел в бухту Св. Франциска и произвел положенный морским уставом салют из семи залпов, ответных приветствий из фортов Сан-Франциско не последовало. Адмирал Лазарев отправил на берег офицера, чтобы узнать, в чем причина такого неуважения к русскому флагу. Вернувшийся офицер сообщил, что начальник порта рад бы отсалютовать, но, к сожалению, у него нет зарядов для пушек. Если с "Крейсера" ему пришлют заряды, то он незамедлительно это сделает!

Но вернемся к Завалишину. Сперва он попытался связаться с мексиканской партией, но безуспешно — пришлось перекинуться на сторону миссионеров. Далее, как, верно, помнит читатель, он свел знакомство с настоятелем миссии Св. Франциска Иосифом (Хосе) Альтимирой и стал убеждать его, что миссионерам следует заручиться поддержкой российского правительства. Тогда-то, возможно, и родилась идея Завалишина создать рыцарский Орден Восстановления, которому предстояло захватить власть в Калифорнии и присоединить ее к России.

Уже во время первой беседы с Альтимирой Завалишин понял, что монах его планам сочувствует, хотя, вероятнее всего, опытный в интригах Альтимира просто решил, что слухи об основании ордена будут ему выгодны, и потому полностью согласился с планами Завалишина и "признал" пока еще не существующий орден. Завалишин, в свою очередь, обрел надежду, он даже стал называть себя Великим магистром Ордена Восстановления.

Имя Д.И. Завалишина связано с еще одним планом — планом распространения влияния России на негритянскую республику Гаити в Карибском море и даже (в случае особой удачи) присоединения

Гаити к Российской империи. Этот план Завалишина поддерживал бывший наполеоновский генерал Буае, плененный в битве при Березине и оставшийся навсегда в России. Буае был якобы в родстве с правителем Гаити, мулатом Буае. Как ни странно, этим планом Завалишин всерьез заинтересовал правление Российско-Американской компании, которое намеревалось в сентябре 1826 г. отправить на Гаити "торговую" экспедицию под руководством Завалишина и Буае.

Конец планам пришел 14 декабря 1825 г.: восстание было подавлено, Завалишин оказался среди арестованных.

Небезынтересный факт: столоначальника правления компании Ореста Сомова допрашивал сам император Николай I. На вопрос царя "Где вы служите?" Сомов ответил: "В Российско-Американской компании". — "То-то же хороша собралась у вас там компания!.." — хмуро заметил государь.

Даже после ареста, в заключении, Завалишин не оставлял своих мечтаний и планов относительно расширения русской колонии в Калифорнии. Находясь под следствием, еще до приговора и высылки, он писал императору: "Плодородные гавани и географическое положение Калифорнии заставили меня желать присоединения этой провинции к России". В том же письме он рассказывал о своих попытках сблизиться с миссионерами. И наконец в начале 1826 г. Завалишин снова писал царю из тюрьмы: "Калифорния, поддавшаяся России и заселенная русскими, осталась бы навсегда в ее власти..." и далее приводил доводы, долженствующие убедить Николая I в разумности и полезности своих планов. Об этом уже рассказано в главе "Русская Америка".

Другой декабрист, барон В.И. Штейнгель*, весьма заинтересовался возможностью захвата о-ва Гаити. Он также писал императору Николаю из тюрьмы: "Я имел счастье представлять покойному государю — воскресить флот, поощрять к мореплаванию честных людей, к чему призывает Гаити и Америка".

Судьба участников восстания 14 декабря, связанных с деятельностью Российско-Американской компании освещена в исторической литературе и известна читателю: К.Ф. Рылеев был повешен 25 июля 1826 г. вместе с четырьмя другими его руководителями; Г.С. Батеньков^{2*} заключен в Петропавловскую крепость и там "забыт" на 20 лет. Д.И. Завалишин^{3*} провел большую часть ссылки в Чите,

*Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862), отставной подполковник, член Северного общества, осужден по III разряду; на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении в Елани Иркутской губ. (1836), в Ишиме Тобольской губ. (1837—1839), в Тобольске (1840—1843), в июне 1843 г. выслан в Тару, возвращен в Тобольск в 1851 г.; после амнистии уехал из Сибири.

²Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), член Северного общества. Осужден по I разряду. В 1846 г. был поселен в Томске. Вернулся из Сибири по амнистии в 1856 г., сначала жил в селе Петрищеве Белевского уезда Тульской губ., а с ноября 1857 г. — в Калуге.

³Завалишин Дмитрий Иринархович (1804—1892), член Северного общества. Приговорен к вечной каторге. С 1827 г. в Нерчинских рудниках, с 1839 г. на поселении в Чите.

до 1863 г., когда ему было позволено покинуть Сибирь. Там он много писал, изучил 13 языков. Затем жил в Казани, позже в Москве. До конца дней его называли мечтателем. Умер Завалишин 88 лет от роду.

Печально, что, когда в 1856 г. был опубликован манифест об амнистии, из 121 сосланных в Сибирь декабристов осталось в живых только 19 человек.

ПРАВИТЕЛИ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Американские владения Российско-Американской компании на Аляске и Алеутских островах возглавлялись четырнадцатью главными правителями, начиная с А.А. Баранова и кончая князем Д.П. Максутовым. В этой главе дано краткое описание жизни и деятельности всех главных правителей Русской Америки:

1. *Александр Андреевич Баранов* (1790—1818)

Первый правитель шелиховской торговой компании, а затем Российско-Американской. Подробно о нем см. в главе, ему посвященной.

2. *Леонтий Андреанович Гагемейстер* (1818)

Капитан-лейтенант военно-морского флота Л.А. Гагемейстер стал правителем только на несколько месяцев, после чего отбыл из Русской Америки на корабле "Кутузов", оставив на посту главного правителя молодого офицера, лейтенанта С.И. Яновского.

Л.А. Гагемейстер родился 16 июня 1780 г. в Прибалтике, в той ее части, которая теперь называется Латвией. В возрасте 15 лет поступил во флот, в 1802 г. был послан в Англию для продолжения обучения морскому делу.

В 1806 г. под его команду был отдан корабль "Нева", который, как известно, совершил первое кругосветное плавание под командой капитана 1-го ранга Ю.Ф. Лисянского.

В 1816 г. Гагемейстеру было дано задание отправиться в новое кругосветное плавание. Под его команду поступили два корабля Российско-Американской компании: "Суворов" и "Кутузов". Они вышли в плавание 24 сентября 1816 г. и пришли в Новоархангельск на Аляске 21 ноября 1817 г.

На основании полученных им от правления компании инструкций он сменил А.А. Баранова и принял обязанности главного правителя. На пост правителя новоархангельской конторы Гагемейстер назначил приказчика компании на корабле "Кутузов" К.Т. Хлебникова.

27 ноября 1818 г. Гагемейстер отплыл из Русской Америки,

держа курс на Кронштадт. На его борту в качестве пассажира находился бывший правитель А.А. Баранов, возвращавшийся в Россию.

В 1828 г. Гагемейстер совершил третье кругосветное путешествие, на этот раз на корабле "Кроткий", которое продолжалось с 4 апреля 1828 г. по сентябрь 1830 г.

Л.А. Гагемейстер скончался 23 декабря 1833 г. Его именем назван остров в Бристольском заливе.

3. *Семен Иванович Яновский* (1818—1820)

С.И. Яновский родился 15 апреля 1789 г. По окончании морского училища плавал на кораблях Балтийского и Северного флотов.

В 1816 г. он перешел на службу в Российско-Американскую компанию. На корабле "Суворов" под командой лейтенанта З.И. Панафидина он отправился в Новоархангельск, куда прибыл 25 июля 1817 г. В Новоархангельске сблизился с семьей правителя Баранова и полюбил его дочь Ирину, на которой женился 7 января 1818 г.

24 октября 1818 г. Яновский заменил Гагемейстера на посту главного правителя Российско-Американской компании, сделавшись таким образом третьим правителем Аляски и Алеутских островов и вторым морским офицером на этом посту.

Летом 1819 г. он отправился в инспекционную поездку на Кадьяк вместе с женой и маленьким сыном, где познакомился и сошелся с иноком Германом, оказавшим на него большое влияние. Семья Яновских вернулась в Новоархангельск в январе 1820 г.

Яновский недолго пробыл на посту правителя и 4 мая 1821 г. уехал вместе с семьей в Охотск на корабле "Румянцев".

Через два года после возвращения в Россию жена Яновского Ирина скончалась, оставив ему двух маленьких детей Александра 5 лет, и Марию, 2 лет. Через несколько лет умерла и Мария, а Александр, приняв постриг, ушел в монастырь. Став после смерти дочери очень религиозным человеком, С.И. Яновский также принял монашество в октябре 1864 г. под именем Сергия. Инок Сергий скончался в январе 1876 г. на 87-м году жизни.

Именем Яновского названа гора на о-ве Баранова около Китового залива.

4. *Матвей Иванович Муравьев* (1820—1825)

Капитан-лейтенант М.И. Муравьев был назначен на пост главного правителя Русской Америки в 1820 г. В Новоархангельск он прибыл из Охотска на корабле "Румянцев" 11 сентября.

М.И. Муравьев родился в 80-х годах XVIII в. (точная дата неизвестна). В 1817 г., еще до назначения на Аляску, он на корабле "Камчатка" совершил плавание под командой будущего адмирала,

а тогда капитана 2-го ранга В.М. Головнина к берегам Камчатки, к Алеутским островам и Аляске.

Будучи человеком деятельным и энергичным, он эти свои качества в полной мере проявил в Новоархангельске. Именно при нем был снесен старый дом правителя на кекуре и выстроен новый — более просторный и удобный, а город был защищен сооружением их массивных стен. Во время правления М.И. Муравьева были исследованы берега Аляски.

Начиная с 1823 г. он стал просить правление в Петербурге о присылке ему замены. Правление, наконец, согласилось и отправило в июле 1824 г. в Новоархангельск корабль "Елена" под командой лейтенанта П.Е. Чистякова, который должен был заменить Муравьева на посту главного правителя.

Чистяков прибыл в Новоархангельск в конце июля 1825 г. Муравьев передал ему дела, а сам, приняв команду над кораблем "Елена", вышел 4 ноября в обратное плавание в Кронштадт.

Именем Муравьева, четвертого правителя Аляски, названа гора на о-ве Баранова, несколько севернее порта Александр.

Леонтий Андреанович
ГАГЕМЕЙСТЕР

(из коллекции Отто фон Эттигена)

5. Петр Егорович Чистяков (1825—1830)

П.Е. Чистяков родился в 1790 г. По окончании морского училища плавал на военных кораблях, участвовал в морских сражениях против турок и французов.

В 1819—1821 гг. совершил плавание на Аляску на корабле Российско-Американской компании "Бородино" под командой лейтенанта З.М. Панафидина.

В июле 1824 г. он вышел во второе кругосветное плавание на корабле "Елена", теперь уже в должности капитана. В ноябре 1825 г. он сменил Муравьева и стал главным правителем Русской Америки.

В 1828 г. по распоряжению главного правления он снарядил экспедицию на южные Курильские острова под командой гардемарина А.К. Этолина, чтобы закрепить их за Россией. Этолин во главе отряда из сорока русских и алеутов успешно справился с задачей, заняв о-в Уруп, где была основана постоянная фактория для охоты на морского зверя.

В 1829 г. П.Е. Чистяков отправил экспедицию под командой

мичмана И. Васильева из Бристольского залива вверх по реке Кускоквим, где было основано постоянное селение компании.

В 1830 г. он вновь послал гардемарина Этолина на корабле "Чичагов" — на этот раз исследовать Норд-Зунд, откуда он отправился в Берингов пролив. 26 сентября 1830 г. из Охотска вернулся корабль компании "Уруп", на котором прибыл новый главный правитель барон Ф.П. Врангель. Чистяков покинул Америку, отплыв в Охотск на том же "Урупе".

В Петербурге он занимал ответственные посты в морском министерстве. В 1858 г. он был произведен в адмиральский чин. Скончался Чистяков в 1862 г.

Его именем назван остров в Бристольском заливе.

6. Фердинанд Петрович Врангель (1830*—1835)

Барон Ф.П. Врангель прибыл на Аляску с женой и новорожденной дочерью Марией, родившейся в Сибири, на пути к месту назначения отца.

Врангель родился 29 декабря 1796 г. Как и предыдущие правители Русской Америки, он с юношеских лет посвятил себя морской карьере. В 1817—1819 гг. он совершил кругосветное плавание на корабле "Камчатка", которым командовал прославленный мореход капитан В.М. Головнин. В 1825—1827 гг. Врангель руководил кругосветной экспедицией на судне "Кроткий", на этот раз в чине капитан-лейтенанта и в качестве капитана корабля.

В Новоархангельске у супругов Врангель родился сын Вильгельм 25 ноября 1831 г., но в следующем, 1832 г. они потеряли дочь Марию.

29 октября 1835 г. Врангель передал управление делами Русской Америки новоприбывшему главному правителю капитану 1-го ранга Купреянову. Через месяц, 24 ноября 1835 г., барон Врангель с семьей покинул Аляску на корабле "Ситка", который шел в Мексику. Там они сошли на берег и совершили путешествие сухим путем до порта Веракрус на восточном берегу Мексики, где погрузились на американский корабль "Анна Элиза", шедший в Нью-Йорк. Из Нью-Йорка на пароходе "Ютика" прибыли во французский порт Гавр. Затем — Гамбург, Любек, откуда на русском корабле "Николай I" выехали в Кронштадт, куда благополучно прибыли 4 июня 1836 г.

Через месяц после возвращения в Россию Врангель был произведен в чин контр-адмирала. В 1855 г. было новое повышение в чин вице-адмирала и назначение на пост морского министра. В следующем, 1856 г. последовало производство в чин адмирала и генерал-адъютанта.

Врангель умер 25 мая 1870 г. Имя его увековечено во многих местах на Аляске. Есть город Врангель, порт Врангель, пик Врангеля. Кроме того, существуют два о-ва Врангеля на Аляске, а на

*Советский энциклопедический словарь (М., 1986) дает не 1830, а 1825 год.

Алеутских островах (о-в Атту), мыс Врангеля и даже горная цепь Врангеля. И это далеко еще не полный список.

Нужно отметить, что за время своего пребывания на Аляске барон Врангель много сделал в области исследований не только ее берегов, но и районов, находящихся внутри материка, а кроме того, принял меры по укреплению позиций России в удаленных местах Аляски, и особенно на южных островах, на которые имела притязания британская компания Гудзон-Бей.

В 1832 г. он отправил две экспедиции под начальством штурманов Васильева и Воронковского для исследования побережья Аляски от мыса Дугласа до мыса Хиткука, общим протяжением в 380 миль. В то же время Воронковский описал Шумагинские острова и о-в Унга.

Летом 1833 г. Врангель отправил лейтенанта М.Д. Тебенькова в новую экспедицию. Тебеньков основал редут Михайловский на Михайловском острове, около реки Квикпак. Начались исследования островов и проливов южнее Новоархангельска. Один из проливов был назван проливом Врангеля.

Особенно важным Врангель считал необходимость укрепления селения Росс в Калифорнии, рекомендуя занять прилегающие к нему равнины вокруг Сан-Францисского залива.

7. Иван Купреянов (1835—1840)

Капитан 1-го ранга Иван Купреянов вступил в должность главного правителя Русской Америки 29 октября 1835 г., заменив на этом посту барона Врангеля.

И. Купреянов родился в 1799 г. С ранних лет посвятил себя морскому делу. В 1819 г., будучи гардемаринном, был назначен на корабль "Мирный" под команду лейтенанта М.П. Лазарева. "Мирный" вместе с кораблем "Восток", которым командовал капитан 2-го ранга Беллингсгаузен, вышли в плавание в район Южного Ледовитого океана (Антарктику). Эта экспедиция обнаружила несколько до тех пор неизвестных островов в районе Антарктики. Из плавания оба корабля вернулись в Кронштадт через два года, 24 августа 1825 г.

В 1834 г. уже в чине капитана 1-го ранга Купреянов получил

*Фердинанд Петрович
ВРАНГЕЛЬ*

назначение на пост главного правителя Русской Америки, куда он отправился с женой на сей раз по суше через Сибирь. В Охотске они погрузились на корабль компании "Ситка", на котором прибыли в Новоархангельск 25 октября 1835 г.

Во время правления Купреянова, в 1837 г., корабль компании "Чилкат" под командой лейтенанта Воронковского, возвращавшийся с Курильских островов, разбился о скалы о-ва Баранова. Вся команда корабля погибла.

В том же 1837 г. на Еловом острове скончался инок Герман, проживший в русских владениях в Америке 43 года.

1 мая 1840 г. в Новоархангельск прибыл на корабле "Николай" капитан 2-го ранга Этолин, который вступил в должность нового главного правителя русских владений в Америке.

Куприянов с женой выехали из Новоархангельска на корабле "Николай" 30 сентября 1840 г. Их путь был долгим — через Сан-Франциско, Вальпараисо, мыс Горн и Рио-де-Жанейро. Вернулись они в Кронштадт 13 июня 1841 г.

В 1852 г. Купреянов был произведен в чин вице-адмирала. Он скончался в апреле 1857 г.

Именем Купреянова названа бухта на Алеутских островах, есть полуостров Купреянова, пролив Купреянова и гора его имени на островах Александровского архипелага, а также гора Купреянова на Кадьяке.

Во время правления Купреянова старый "замок" на кекуре, построенный Муравьевым, пришел в ветхость, был снесен и на его месте построен новый, третий по счету.

8. Адольф Карлович Этолин (1840—1845)

Капитан 2-го ранга Адольф Карлович Этолин прибыл в Новоархангельск 1 мая 1840 г. исполнять обязанности главного правителя Русской Америки, приняв дела от предшественника, капитана 1-го ранга Купреянова.

Этолин был шведско-финского происхождения, родился в Гельсингфорсе 9 января 1799 г. По окончании морского училища он поступил на службу Российско-Американской компании и в августе 1817 г. отправился на Аляску на корабле "Камчатка", которым командовал капитан 2-го ранга Головин.

Находясь на службе на Аляске, он совершил несколько путешествий, изучая берега и реки Аляски. Именно Этолин дал название заливу и острову Гагемейстера в Бристольском заливе.

Прослужив пять лет в русских колониях в Америке, Этолин вернулся в Кронштадт в августе 1825 г. В марте 1826 г. он опять был назначен на Аляску, где пробыл еще несколько лет, проведенных большей частью в морских путешествиях и обследованиях владений Российско-Американской компании. Несколько раз корабли под его командой ходили на Курильские острова, в Охотск, в Форт Росс, Сан-Франциско и Монтеррей в Калифорнии.

В отсутствие барона Врангеля, совершавшего инспекторские поездки, Этолин замещал его на посту правителя.

В общей сложности Этолин провел десять лет в русских владениях на Аляске и вернулся в Россию только в 1837 г.

По получении повышения в чин капитана 2-го ранга Этолин был вновь командирован на Аляску, на этот раз на пост главного правителя. В июне 1839 г. он женился на Маргарите Сундвал и в августе выехал с женой в Новоархангельск.

Во время правления Этолина Российско-Американская компания решила ликвидировать селение Росс в Калифорнии, продав его Д. Суттеру за 30 тыс. долларов.

Летом 1845 г. срок его службы кончился, и он, сдав дела помощнику и временному заместителю, капитану 2-го ранга Зарембо, выехал 16 мая на корабле "Наследник Александр" в Охотск, где встретился со своим преемником, капитаном 2-го ранга Тебеньковым, которому официально передал дела.

В марте 1847 г. он был произведен в чин контр-адмирала. Скончался Этолин в 1876 г.

На картах Аляски отмечены мыс и залив Этолина у о-ва Нунивак, о-в Этолина вблизи города Врангель, пролив Этолина и гора Этолина.

9. Михаил Дмитриевич Тебеньков (1845—1850)

Подобно своему предшественнику Этолину, М.Д. Тебеньков в молодости служил на Аляске в Российско-Американской компании.

Родился Тебеньков в 1802 г. По окончании морского училища плавал на кораблях в Балтийском море. В 1825 г. перешел на службу в Российско-Американскую компанию. Несколько лет провел на Аляске, прежде чем вернулся в Петербург.

Вторично он был послан на Аляску в 1835 г., где пробыл до 1840 г., вернулся в Россию уже в чине капитан-лейтенанта. В 1844 г. он был произведен в чин капитана 2-го ранга с назначением на пост главного правителя Русской Америки.

Во время пребывания на этом посту он завел оживленную торговлю с Сан-Франциско во время начавшейся в Калифорнии так называемой "золотой лихорадки".

Кроме того, он завел торговлю с Сандвичевыми островами, и довольно успешную. На верфях Новоархангельска тогда производилась починка кораблей, не только компанейских, но даже иностранных. Началась постройка пароходов. В 1848 г. были спущены на воду два парохода "Князь Меншиков" и "Баранов".

Во время правления Тебенькова в Новоархангельске был построен новый Св. Михайловский собор, освящение которого было совершено епископом Иннокентием (Вениаминовым).

Из достижений Тебенькова можно отметить экспедицию, посланную им для исследования реки Юкон в 1847 г. В том же году небольшая партия была отправлена для исследования Медной реки

на Аляске. Крупным достижением Тебенькова было составление им подробного большого атласа Тихоокеанского побережья Америки.

Свой срок службы на посту главного правителя Русской Америки он закончил 14 октября 1850 г.

Дела компании Тебеньков передал капитану 2-го ранга Н.Я. Розенбергу и вернулся в Петербург в марте 1851 г. В 1856 г. он был уже в чине контр-адмирала и вышел в отставку в 1860 г. в чине вице-адмирала. Тебеньков скончался 3 апреля 1872 г.

Подобно именам других правителей Русской Америки имя Тебенькова увековечено на картах Аляски. Его именем названа гора на север от Якутата, мыс на о-ве Уналашка, залив у о-ва Куйю и глетчер на Кенайском полуострове. Интересно, что все эти названия были даны уже после продажи Аляски американской администрацией.

10. *Николай Яковлевич Розенберг* (1850—1853)

По окончании морского училища Н.Я. Розенберг плавал на кораблях Балтийского флота. В декабре 1829 г. поступил на службу в Российско-Американскую компанию, на судах которой плавал с 1832 по 1839 г.

В 1839 г. он вернулся в Россию и через 8 лет вновь поступил на службу в Российско-Американскую компанию и 25 января 1850 г. в чине капитана 2-го ранга был назначен на пост главного правителя Русской Америки. Фактически он приступил к обязанностям главного правителя в Новоархангельске 12 октября 1850 г.

Во время правления Розенберга Российско-Американская компания начала новое выгодное дело — продажу льда в Сан-Франциско. Для этой цели было построено большое хранилище льда, который доставляли с озера, известного теперь под названием Лебединого.

Розенберг провел на Аляске меньше времени, чем обычный срок службы в пять лет. Он попросил себе замены по болезни и семейным обстоятельствам и покинул свой пост 2 июня 1853 г.

По возвращении в Петербург в 1855 г. он был произведен в чин капитана 1-го ранга. Скончался капитан Н.Я. Розенберг в 1857 г.

Его именем названа гора на о-ве Баранова, недалеко от теперешнего города Ситки.

11. *Александр Ильич Рудаков* (1853—1854)

После Розенберга исполняющим обязанности главного правителя стал капитан 2-го ранга А.И. Рудаков.

Рудаков родился в 1817 г. По окончании морского училища служил в Балтийском и Черноморском флотах. В 1844 г. перешел на службу в Российско-Американскую компанию. На Аляске ко-

мандовал кораблями "Наследник Александр", "Байкал", "Князь Меншиков".

В 1851 г. был назначен на пост помощника главного правителя на Аляску. Исполняющим обязанности главного правителя пробыл до прибытия в 1854 г. нового главного правителя Воеводского.

Рудаков оставался на Аляске до 1857 г. Там же был произведен в чин капитана 1-го ранга в 1855 г.

По возвращении в Россию был произведен в чин контр-адмирала в 1865 г. и вышел в отставку в 1870-м в чине вице-адмирала. Адмирал Рудаков скончался в 1875 г.

Его именем названа гора на о-ве Баранова.

12. *Степан Васильевич Воеводский* (1854—1859)

С.В. Воеводский родился в 1805 г. После службы во флоте он в 1834 г. поступил на службу в Российско-Американскую компанию, где командовал кораблями до 1839 г.

В 1841 г. вернулся в Россию. Получив назначение на пост главного правителя Русской Америки, он в чине капитана 1-го ранга прибыл в Новоархангельск 17 апреля 1854 г.

Его пребывание на посту главного правителя на Аляске было очень беспокойным, так как совпало с Крымской войной против Англии, Франции и Турции, во время которой соединенный флот Англии и Франции совершал рейды вдоль северо-западных берегов.

Все это было чрезвычайно опасно как для Российско-Американской компании, так и для Гудзон-Бейской. Во избежание военных нападений обе компании в феврале 1854 г. объявили о нейтралитете своих владений. В результате на фактории обеих компаний не было совершено нападений. Правда, одно из новейших судов Российско-Американской компании "Ситка", пытавшееся зайти в порт Петропавловска-Камчатского, было захвачено английским кораблем.

В 1854 г. в Новоархангельск для усиления его защиты была отправлена рота (или около того) солдат из состава четвертого линейного сибирского батальона. Это был первый случай помощи колонии воинской силой — первый, но не последний. В 1855 г. в связи с нападением на форты Новоархангельска индейцев-тлинкитов (нападение было отбито, но с обеих сторон были жертвы) Воеводский затребовал "подкрепления". В 1857 г. в Новоархангельск был прислан еще один отряд из 69 нижних чинов под командой подпоручика Чаусова.

Во время правления С.В. Воеводского на Аляске начали добычу угля, но он оказался очень низкого качества — добычу сочли нерентабельной. Уголь в Русской Америке в районе Кенайского залива был найден еще во времена Баранова членом первой духовной миссии иеромонахом Ювеналием (в прошлом горным инженером). В начале 40-х годов Вознесенский обнаружил на Аляске залежи каменного угля. И вероятно, самые значительные месторождения угля в Английской бухте на Кенайском полуострове обнаружил в 1848—1850 гг. горный инженер П. Дорошин, посланный в Русскую Америку в 1847 г.

22 июня 1859 г. Воеводский покинул свой пост, на его место был прислан новый правитель капитан 1-го ранга И.В. Фуругельм.

По возвращении в Россию Воеводский в 1877 г. был произведен в чин контр-адмирала, а в 1879 г. — в чин вице-адмирала. Он умер в 1884 г.

В Вашингтоне в настоящее время живут правнучка Воеводского Мэри Воеводская-Рассел и ее брат, Михаил Николаевич Воеводский. Их мать, недавно скончавшаяся в Вашингтоне, была когда-то фрейлиной двух императриц — Марии Федоровны и Александры Федоровны.

На Аляске, в архипелаге Александра, южнее Петербурга, есть о-в Воеводского, на острове — озеро, названное в его честь.

13. Иван Васильевич Фуругельм (1859—1864)

Заменявший Воеводского на посту главного правителя Русской Америки И.В. Фуругельм родился в Хельсинки в 1821 г.; морскую службу начал в 1836 г., поступив в мореходное училище в Турку. Через три года в чине гардемарина он поступил в военно-морской флот, а затем перешел на службу в Российско-Американскую компанию.

В 1850 г. он был послан в Новоархангельск. Затем последовало назначение на пост командира портов Аян и Охотск на Сибирском побережье, с повышением в чине до капитана 1-го ранга.

По возвращении в Россию в 1858 г. он по рекомендации Воеводского был назначен на пост главного правителя Русской Америки, куда прибыл в 1859 г. За время пребывания на этом посту И.В. Фу-

ругельм сумел установить более дружественные, чем они были ранее, отношения между русскими и индейцами-тлинкитами.

В доме Фуругельма в Новоархангельске жила его младшая сестра Констанция, которая скончалась в 1861 г. и была похоронена там на лютеранском кладбище.

В 1864 г. Фуругельм закончил срок своей службы в Америке и вернулся в Финляндию. Через год он был назначен на пост военного губернатора Приморской области на Дальнем Востоке с резиденцией в Николаевске-на-Амуре, где пробыл до 1870 г.

В 1874 г. он был произведен в чин вице-адмирала. Скончался И.В. Фуругельм в 1909 г. в возрасте 88 лет.

На Аляске в его честь названа гора на восточной стороне о-ва Баранова.

Дмитрий Петрович
МАКСУТОВ

14. Дмитрий Петрович Максutow (1864—1867)

Князь Д.П. Максutow родился 10 мая 1832 г. По окончании морского училища в 1849 г. два года служил на кораблях Балтийского флота, затем был переведен на Дальний Восток, где его служба проходила главным образом в Петропавловске-Камчатском.

Когда в 1854 г. во время Крымской кампании военные действия перекинулись на Тихий океан, Максutow и его старший брат Александр, тоже морской офицер, были назначены командовать береговыми батареями. И хотя англо-французской эскадре высадиться на берег не удалось, батареи понесли большие потери. Александр Максutow был тяжело ранен и вскоре умер.

Дмитрий Максutow после отступления англо-французской эскадры был направлен в Петербург с вестью о победе. Там он был принят императором, произведен в чин капитан-лейтенанта и пожалован Георгиевским крестом.

В 1858 г. он получил назначение на пост помощника главного правителя Русской Америки. В Новоархангельске у Максutowых родилось трое детей: Анна (1860), Елена (1861) и Александр (1862). Через три месяца после рождения Александра княгиня Аделаида Максutowа скончалась. Она была похоронена на лютеранском кладбище рядом с Констанцией Фуругельм.

В 1863 г. Максutow вернулся в Россию. В декабре того же года он получил назначение на пост главного правителя Русской Америки. Перед отъездом на Аляску Д.П. Максutow женился на дочери бывшего генерал-губенатора Восточной Сибири Марии Владимировне Александрович. 26 мая 1864 г. они прибыли в Новоархангельск.

Князю Максutowу выпала доля ликвидировать дела и передать территорию Аляски представителям правительства США в 1867 г. Официальная церемония передачи власти, а точнее, подписание договора о продаже состоялось 18(30) марта.

После продажи Аляски княгиня М.В. Максutowа с пятью детьми (трое — от первого брака) выехала на американском корабле "Ресака" в Сан-Франциско, оттуда в Панаму, затем в Нью-Йорк, а из Нью-Йорка в Россию. Князь Максutow оставался на Аляске еще год и смог вернуться в Россию только 30 апреля 1869 г.

Скончался Д.П. Максutow в 1889 г. Его сын от второго брака Дмитрий, тоже морской офицер, после революции жил в Нью-Йорке, плавал в качестве капитана на коммерческих судах. Сейчас в Америке живет его сын. Правнук последнего правителя Русской Америки, священник Дмитрий Александров, тоже живет в Америке. В Ситке есть улица, носящая имя Максutowа.

* * *

Материал для главы "Правители Русской Америки" частично заимствован из книги проф. Р.А. Пирса¹, которому я приношу глубокую благодарность за любезное разрешение им воспользоваться.

¹ *Pierce R.A. Builders of Alaska — The Russian Governors, 1818—1867. Kingston, 1986.*

ЧАСТЬ III

НА АЛЯСКУ

Небольшой реактивный самолет резво разогнался на взлетной полосе, оторвался от земли и стремительно пошел ввысь, описывая дугу над громадным водным пространством пролива. Маленький аэродром Виктории остался позади. Внизу — калейдоскоп крошечных и покрупнее островов; на американском берегу высятся громады недоступных снежных вершин горной цепи Олимпик.

Полет до Сиэтла — этого важного порта штата Вашингтон — короткий. Проходит каких-нибудь полчаса, и самолет плавно приземляется на мокрую дорожку аэропорта в Сиэтле. Раннее утро, идет мелкий, холодный дождь.

Так начинается наше путешествие на Аляску. В Сиэтле мы должны сесть на аляскинский пароход-паром и отправиться на нем в короткий круиз по живописному пути между островами аляскинского архипелага Александра. Конечная цель нашего путешествия — историческая Ситка, бывшая столица Русской Америки, называвшаяся некогда Новоархангельском.

Посадка на пароход-паром только в шесть вечера, так что весь день в нашем распоряжении. Прежде всего отправились в церковь. Мы соскучились по церковной службе — в Виктории, столице Британской Колумбии, церкви нет, и только изредка туда из Ванкувера приезжает священник о. Иоанн и совершает богослужение для небольшой русской колонии. Не легкое это путешествие для о. Иоанна — ему недавно исполнилось 90 лет!

В церкви моя жена неожиданно встретила старых знакомых, чету харбинцев Имшенецких, с которыми не виделась лет тридцать. В результате все время после полудня, до самого отплытия парохода мы провели в уютном доме Имшенецких, расположенном на берегу живописного пролива. Из их дома открывается чудный вид на воду. Ближе к вечеру гостеприимные хозяева отвезли нас на пристань.

Нудный дождь все еще моросил, когда пароход-паром "Колумбия" почти бесшумно отошел от пристани № 48 и взял курс на север. Замечу, что эти пароходы-паромы, даже и новейшей конструкции, конечно, не столь комфортабельны в сравнении со специальными туристическими пароходами-лайнерами "люкс". Цель последних — предоставить туристам максимум комфорта (за соответствующую, разумеется, мзду). Наш пароход-паром намного скромнее, и каюты поменьше, и

одеваться можно буднично — нет необходимости к обеду надевать вечернее платье и смокинг. Главное — дать возможность пассажирам доехать до Аляски за умеренную плату не только самим, но и с машиной.

Нас в основном привлекла перспектива четырехдневного путешествия по знаменитому Внутреннему водному пути между островами архипелага, которые защищают его от капризов погоды Тихого океана. Даже если в океане шторм и качка, на Внутреннем пути — тихо, спокойно и никакой качки нет.

Через большие окна кают-компании можно смотреть прямо вперед, по курсу парохода. Правда, уже к моменту отплытия было так темно, что оставалось только удивляться, как капитан безошибочно находит путь и уверенно ведет корабль по узким проливам между островами в кромешной тьме. Хотя, конечно, корабль оборудован радаром, а путь отмечен маяками.

Ночью проходим проливом между городом Ванкувером и о-вом Ванкувер, на котором расположена Виктория. На палубе ветрено, холодно и темно.

Наутро показываются очертания диких островов, покрытых густым хвойным лесом, — ни жилищ, ни людей. Видно, что природа не тронута рукой человека. Наш пароход уверенно находит между ними путь.

Пасмурно, иногда моросит. На палубе холодно даже в теплом пальто. После полудня вышли из-под прикрытия островов на единственный на нашем пути участок открытого океана, в обширный залив Королевы Шарлотты. Вдруг сразу стало качать. Лица у пассажиров позеленели. Многим стало плохо. Особенно страдали от морской болезни дети.

Пароход стремительно врывается в большую волну, его нос подымается и потом тяжело заваливается в морскую пучину. Нудная качка продолжается часа три.

Часам к четырем дня показывается большой остров из группы о-вов Королевы Шарлотты, и мы с облегчением наблюдаем, как наш пароход поворачивает в пролив на восток от острова. Качка сразу прекращается, и далее всю дорогу мы ее ни разу не испытали.

Всюду суровая неповторимая красота севера — безлюдные каменистые острова, покрытые густым хвойным лесом. В одном из широких проливов между этими бесчисленными островами вблизи парохода вдруг появились дельфины, которые, как видно, решили позабавить пассажиров своими акробатическими трюками. Остались позади дельфины, их "сменили" два крупных тюленя, лениво плывших на юг и старавшихся держаться подальше от опасного корабля. В конце дня показалась серая громада кита, который, однако, быстро скрылся в морских глубинах — так-то безопаснее!

Теперь по обеим сторонам узкого пролива высились скалы, их вершины были покрыты снегом.

Для нас, кто многие годы посвятил изучению истории Аляски, вернее, ее русского периода, все эти места, весь суровый ландшафт этих берегов кажется родным. Вглядываешься вперед, в узкий пролив, точно ждешь, что вдруг вылетят оттуда барановские ушкуйники,

"сорви-головы"... Ведь действительно когда-то русские землепроходцы "прочесали" все эти проливы Ёдоль и попереки.

Первая остановка на территории Аляски была в городке Кетчикан, куда мы пришли на третий день около 7 часов утра. Город небольшой, серенький, небогатый, как и большинство таких городков архипелага, окружен горами, над которыми низко нависли облака. Пасмурно и очень прохладно. Остановка в порту недолгая, но, тем не менее, нам удалось совершить короткую прогулку по району, расположенному около порта.

Вскоре отправляемся дальше. Курс — на порт Врангель. С обеих сторон — большие и маленькие острова. Здесь, в сущности, все говорит о русском прошлом Аляски. С левой стороны широкого пролива высятся берега о-ва Принца Уэльского. В его средней части — залив Толстого. На запад от острова — небольшой о-в Долгой и рядом — п-ов Костюшко.

На подходах к порту Врангель видим с правой стороны о-в Этолина, а с левой — Зарембо. Пролив слева от о-ва Зарембо носит название пролива Кашеварова и в нем группа островов Кашеварова.

Остров Этолина узким проливом Чичагова отделяется от о-ва Воронковского. Другой пролив — восточнее — носит название Зимовье, и за ним виден о-в Врангеля, к которому и направляет путь наш пароход. Порт, как и город, носит имя шестого правителя Русской Америки. Врангель известен не только как правитель Русской Америки, но и как полярный исследователь. На острове его имени мы находим еще одно русское название — пик Чичагова. Погода здесь такая же, как и в Кетчикане, — морось и холод. Странно, что в портах, куда мы заходили, почти везде было пасмурно, холодно и ветрено, тогда как по пути все же временами показывалось солнце, которое сразу оживляло природу и поднимало настроение.

После короткой остановки во Врангеле мы снова пробираемся между островами, теперь к городу Петербургу, на о-ве Миткова. В стороне видны островки Соколова и Сергеева. Кстати сказать, на современных советских картах название Петербурга дано в американской транскрипции — Питерсберг.

От Врангеля до Петербурга путь напоминает лабиринт между множеством островов. У форта Александра на о-ве Миткова круто поворачиваем направо и входим в узкий пролив, с левой стороны которого высятся лесистые горы о-ва Воеводского, еще одного правителя Русской Америки.

Во многих местах пролива пароход движется самым тихим ходом по очень узкому фарватеру. Справа и слева очень близко видны острые прибрежные скалы. Чуть неверный поворот руля, и пароход сядет на камни. Год или два тому назад так и случилось с одним из пароходов-паромов — он наскочил на подводную скалу. Пароход был отведен для ремонта в Сизтл вместе с обломком скалы весом в несколько тонн, намертво застрявшим в его корпусе.

Приближаясь к Петербургу, видим слева п-ов Линдберга, часть огромного о-ва Купреянова — на этом острове есть озеро, которое тоже называется Петербург.

К Петербургу подходим после полудня. Частит мелкий дождь, так что нет смысла сходить на берег. Сквозь сетку дождя пытаемся с палубы разглядеть этот городок, когда-то бывший небольшим русским селением.

Соседний о-в Кую, на запад от о-ва Купреянова, тоже пестрит русскими названиями. У него — обширный залив Тебенькова и другой, сравнительно небольшой залив Петрова.

Было еще светло, когда мы отчалили от пристани и начали путь по широкому проливу к столице Аляски Джуно. С левой стороны на довольно большом расстоянии видны очертания громадного Адмиралтейского острова. И опять в наступающих сумерках видны покрытые снегом вершины горных цепей. Вскоре ночная мгла скрывает от нас и горы, и пролив. Пароход идет в кромешной темноте. По расписанию должны прийти в Джуно после полуночи. Мы решили не дожидаться прибытия в Джуно, легли спать задолго до полуночи и таким образом проспали столицу Аляски. Джуно сделали столицей в 1906 г., отобрав эту честь у Ситки.

Встаем пораньше, чтобы не пропустить чудесных, постоянно меняющихся видов Внутреннего водного пути. Пароход выходит из узкого пролива между двумя высокими покрытыми снегом горными цепями, и вдруг перед нами появляется широкое водное пространство. Горы отступают вдаль, а из моря то тут, то там выступают многочисленные крошечные, каменистые островки, покрытые густым хвойным лесом. Приходится только поражаться, как растут и размножаются деревья на этих скалах, почти лишенных почвы.

Было еще довольно рано, около восьми часов утра, когда пароход сделал еще одну остановку в небольшом городке Хейнс. Местность вокруг на редкость красивая, хотя эта суровая красота уже больше не поражает — глаз привык к непередаваемой синеве моря в ясный солнечный день и еще более яркой синеве безоблачного неба. Вокруг — зеленые горы, покрытые густым темным хвойным лесом и, как контраст, снежные вершины гор. Чем дальше на север, тем ниже опускается линия снега. Этот северный колорит особенно заметен в городке Хейнс, где снег покрывает склоны гор до самого их основания. К сожалению, солнце появляется редко. Часто небо покрыто свинцовыми тучами, и поверхность моря тогда тоже приобретает свинцовый оттенок.

Остановка в Хейнсе короткая, как и вообще во всех попутных портах, и вскоре отправляемся в самый дальний, северный пункт нашего путешествия — городок Скагуэй, куда приходим около десяти часов утра. Знаменитый Скагуэй встретил нас ветром и пылью, он расположен в конце узкого пролива, в горной расщелине, куда, как в трубу, врываются все ветра. Скагуэй всем известен по произведениям Джека Лондона, красочно описавшего дни незабываемой "Золотой лихорадки" на Клондайке. Золотоискатели тысячами ринулись в золотоносные, дикие места неприветливой Аляски. Одними из ворот, через которые прибывали на Аляску ловцы удачи, было местечко Скагуэй. Этот городок до сих пор сохранил атмосферу тех дней в архитектуре, в названиях контор на главной улице. Нет только шумных

компаний золотоискателей, закрыты неперенные в таких местах салуны и кабачки, городок тихо прозябает.

После Скагуэя, конечного пункта маршрута, пароход отправился в обратный путь, на этот раз с заходом в Ситку, где мы намерены сойти с парохода. Опять заходим в Хейнс, потом в наружную гавань Джуно. Столицу опять не видели. Нас встречает моросящий дождь. Холодно.

Под вечер начинаем последний этап нашего путешествия. Опять по обеим сторонам проплывают лесистые темные острова, снежные громады гор.

Спать легли рано — пароход приходит в Ситку в пять часов утра. Знаем, что ночью минуем большой о-в Чичагова, в северной части которого находится залив Спасский и река того же названия. Несколько южнее — Павловская гавань, а между островками Чичагова и Якоби — узкий пролив Лисянского. Лисянский, как известно, командовал одним из двух кораблей первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. ("Невой"). Другим кораблем ("Надеждой") командовал Крузенштерн.

Под утро очень узким проливом пароход медленно подходит к Ситке на о-ве Баранова. Здесь все говорит о русском прошлом Аляски, остров изобилует русскими названиями: озеро Баранова, озера Ирина и Антипатр (названные именем его детей), озеро Екатерина, озера Резанова, морехода Бенземана, Туманова, Сашина и озеро Медвежье.

На острове высится пик Розенберга. Рядом с о-вом Баранова расположены маленькие острова: Партовщиков и Крузова с заливами Шелихова и Калинина и Крестовым фиордом.

В пять утра бесшумно причалили к пристани Ситки. Было еще совсем темно, шел дождь. У пристани нас ждал автобус — до города несколько миль.

Несмотря на холодный дождь, смешанный с мокрым снегом, у нас восторженное состояние. Ведь мы приехали в исторический Новоархангельск, город, основанный русскими более 180 лет тому назад. Сегодня наконец мы сможем побывать в местах, где жили и работали Баранов, Яновский, Максутов и другие правители, где выполнял свою миссию "апостол" Аляски священник Иоанн Вениаминов, впоследствии прославленный Иннокентий, митрополит Московский. В последние годы русского правления Новоархангельск называли "Парижем" северного бассейна Тихого океана. О Ситке надо писать особо.

В СИТКЕ

Автобус быстро наполнялся пассажирами с парохода, направлявшимися в два городских отеля. Мы заранее заказали себе номер в отеле на главной улице Ситки. Конечно, такие понятия, как центр города, главная улица, относительно в этом тихом городке с населением в каких-нибудь семь тысяч жителей. Несмотря на то что теперешняя Ситка, может быть, и больше размерами, чем прежний русский Новоархангельск, но тот был столицей края, а нынешняя Ситка — тихая провинция.

Новоархангельск был центром русских колоний в Америке, портом, куда стремились корабли из многих стран мира. Жизнь в городе кипела, в доме правителя давались грандиозные балы. В порту нагружались и разгружались океанские корабли, на верфях строились суда, сначала парусные, а потом и пароходы.

С переводом столицы Аляски в Джуно жизнь в городе словно замерла. Ситка не для туриста. Но для серьезного историка-исследователя — это шкатулка сокровищ, однако... вернемся к этому позже.

В предрассветной мгле автобус вез нас по каким-то мокрым дорогам, круто сворачивая в узкие улицы. По обеим сторонам тянулись неосвещенные деревянные дома. Как мы позже узнали, ехали мы по так называемой Индейской деревне. Индейцы поселились там 150 лет назад, когда им было разрешено селиться за городской стеной.

Было еще темно, когда автобус остановился у отеля. Выходя из автобуса, мы вдруг увидели перед собой, на расстоянии, может быть, одного квартала, силуэт Ситкинского собора с его высокой стройной колокольней, на остром шпиле которой угадывался православный крест. Так вот он Свято-Михайловский собор, восставший из пепла!

Разместились в гостинице, когда уже совсем рассвело. Нам не терпится. Выходим, ищем, где бы позавтракать, и нас невольно тянет к собору. Внешне он уже совершенно восстановлен после пожара 1966 г.

Теперешний собор — копия сгоревшего девять лет назад, который был построен в 1844—1848 гг. по инициативе епископа Иннокентия, — стоит на главной улице города и является не только украшением, но и главной достопримечательностью. Силуэт собора даже издали поражает не размерами, как грандиозные храмы в России, не замысловатостью внешней отделки, а оригинальностью архитектурного замысла. Он до скупости прост и первоначально был построен из бревен и обшит досками. Поражает он тем, что напоминает не древнерусские храмы, не византийские, а скорее соборы знаменитого Растрелли.

На наше счастье собор в тот день был открыт для богослужения, и мы поспешили внутрь. Только там мы увидели, что внутри он еще не закончен. Везде бревна, доски, строительный мусор. Служба шла в большом подвальном помещении. Публики в будничные день было немного... почти все — православные индейцы. Молодой священник о. Евгений Бурдаковский, уроженец Аляски, родившийся на одном из Прибы-

Свято-Михайловский собор

ловых островов, служил проникновенно. Помогал ему сам глава Аляскинской епархии епископ Григорий. Маленький хор индианок и алеуток, которым управляет соборный регент Варвара Александровна Зарская — обладательница прекрасного сильного альтя, пел очень слаженно. Позже, после богослужения, мы узнали, что по воскресеньям собирается большой хор, часто до тридцати певцов.

После литургии епископ Григорий лично показал нам ценности собора: иконы, чаши, кресты, венчальные венцы и митры. Не видя этих замечательных икон в Св. Михайловском соборе, трудно представить себе все богатство иконописного и вообще церковного искусства, которое собиралось в соборе десятилетиями.

Все иконы — в роскошных, ценных серебряных и позолоченных окладах и ризах. И каждая из них имеет свою историю. Нет никакого сомнения в том, что эти уникальные иконы бесценны. Не раз американские миллионеры предлагали за некоторые из них десятки тысяч долларов, но каждый раз эти предложения отклонялись церковной администрацией, даже если аляскинская епархия и находилась в стесненных финансовых обстоятельствах, особенно после революции в России.

Незабываемое впечатление оставляют известные многим иконы Божьей Матери и Архистратига Михаила — обе в тяжелых драгоценных ризах.

Первый правитель Русской Америки Баранов особенно почитал икону Св. Архангела Михаила, чудесно спасенную после кораблекрушения. Икона Св. Михаила была найдена на пустынном каменистом берегу после катастрофы судна "Нева" вблизи Новоархангельска, направлявшегося туда с богатым грузом. Шторм отнес корабль на скалы, и он разбился почти у самой цели своего путешествия в темную ночь 9 января 1813 г. Погибло много людей включая штурмана Калинина, незадолго до этого принявшего командование кораблем, а также коллежского советника Борноволокова, направлявшегося в Новоархангельск, чтобы сменить Баранова на посту главного правителя. Утонули жена и сын штурмана Неродова, а также боцман, ученик штурмана, приказчик Российско-Американской компании, 27 "промышленных" и четверо женщин — жены "промышленных".

Бурный океан выбросил на берег икону Св. Архангела Михаила, которая с того времени находится в церкви города Ситки. Не верилось, что перед нами и в самом деле висит та самая икона, которая была чудом спасена с корабля "Нева" 162 года тому назад.

Чудесная икона Божьей Матери, которую местные жители называют Мадонной Ситки, была написана приблизительно в 1800 г. известным иконописцем Владимиром Боровиковским.

Все многочисленные иконы собора можно было бы назвать "музейной редкостью", но мне кажется, что называть их так — святотатство. Для русского религиозного человека неприемлема сама идея помещения икон в музей. Иконы пишутся для храмов Божьих, для молитвы, а не для обозрения.

Не меньше внимания привлекают и другие ценности собора: массивное Св. Евангелие с золотыми и серебряными украшениями, драгоценные причастные чаши. У одной стены в застекленном шкафу находится mitra епископа Аляскинского и Алеутского Иннокентия. Там же Евангелие и венцы, сосуды из серебра и золота.

— Вот это вам будет интересно посмотреть! — воскликнул епископ Григорий. — Вот здесь, в этом шкафу.

В шкафу хранились Евангелие в драгоценной оправе и причастная чаша.

— Знаете, откуда эти вещи?

Мы отрицательно покачали головами.

— Они привезены из Форта Росс!

Мы были поражены, что в маленькой часовне форта находились такие драгоценности. Оказалось, что Евангелие было даром церкви Форта Росс от государственного канцлера графа Румянцева, который он сделал в мае 1815 г. С продажей форта обе эти исторические ценности были переданы Св. Михайловскому собору.

Глаза разбегаются от богатства церковной утвари. Невольно обращаем внимание еще на одну уникальную реликвию — изумительную дарохранительницу из позолоченного серебра — точную копию Св. Михайловского собора в миниатюре.

Эти предметы надо увидеть, чтобы оценить их красоту, художественную, историческую уникальность. Всем нам, русским, в рассеянии сущим, должна быть особенно дорога эта удивительная коллекция, чудом сохранившаяся в Ситкинском соборе.

И действительно, чудом сохранились эти иконы, чаши и церковные облачения. В страшный день 2 января 1966 г., когда город горел, когда пылал бревенчатый собор, нечего было и думать о спасении здания. Десятки жителей Ситки не только православные, но и американцы кинулись к собору, чтобы спасти его ценности. Им удалось спасти все иконы, кроме одной, иконы "Тайная вечеря", висевшей над царскими вратами. Большая часть церковных сосудов тоже была спасена. Не смогли только спасти церковных колоколов, висевших на колокольне. Как и в Форте Росс, они расплавились от огня.

Много лет прошло с того памятного дня. Собор, как феникс, восстал из пепла благодаря жертвенности главным образом православных американцев, в большинстве своем аляскинцев. Начались сборы и в русских православных храмах по всей Америке. Теперь снаружи собор полностью восстановлен в своем первоначальном виде. Над тихим, провинциальным городком гордо высится шпиль колокольни. Главное здание собора венчает массивный купол.

Мы все помним, с каким подъемом откликнулась русская общественность Америки на гибель часовни Форты Росс. Еще большая жертвенность и крупные средства нужны для завершения реставрации собора Св. Михаила в Ситке. Это общерусское дело вне зависимости от каких-то церковных юрисдикций. Собор Святого Михаила — общерусский памятник.

Хочется верить, что не оскудела "земля русская" в Америке, что русские люди откликнутся и исторический памятник будет окончательно восстановлен.

* * *

После осмотра ценностей собора епископ Григорий пригласил нас в свою резиденцию на чашку чая. Приятно было побеседовать с ним не только как с главой православной епархии на Аляске, но и как с серьезным исследователем, специализирующимся на истории православной церкви и русских селений на Аляске. Всегда с удовольствием читаем мы статьи епископа Григория в "Новом русском слове" — результаты его исследовательской работы по истории Аляски.

С наслаждением осматриваем обширную библиотеку епископа Григория, в которой находим много редких теперь книг и документов, касающихся истории Аляски.

К большому нашему сожалению, епископ Григорий торопится на аэродром. Ему нужно совершить очередную поездку по православным приходам материковой Аляски. Епископ Григорий поручает нас В.А. Зарской и владелице магазина сувениров Кэрол Пройс.

С благодарностью вспоминаем мы теперь помощь и содействие, которые оказала нам Кэрол Пройс: три дня, проведенные в Ситке, она была с нами — возила на машине по городу и за город, показы-

вала все, что мы хотели видеть. Без нее мы, вероятно, и половины того, что хотели, не смогли бы посмотреть. Ее магазин, называющийся, кстати, "Российско-Американская компания", находится в самом центре города, прямо против собора. Магазин этот все время, что мы были в Ситке, простоял закрытым, потому что владелица стала на это время нашим гидом. Мы всегда будем чувствовать себя бесконечно обязанными Кэрл Пройс.

Уже наш первый день в Ситке был богат впечатлениями. Мы, конечно, не преминули побывать на главном холме города. Это тот самый кекур, который занял Баранов перед атакой на индейское укрепление в 1804 г. До недавнего времени там находился так называемый Барановский замок, вернее, дворец, в котором помещались резиденции последних правителей Русской Америки. Этот кекур с его дворцом был центром административной деятельности правителей.

Первый дом Баранова, построенный на холме в 1804 г., был простой хижиной с протекавшей крышей. Именно там жил долгое время грозный правитель Аляски. Эту же избушку делил с ним и высокий гость из Петербурга Николай Петрович Резанов.

Однажды, когда Баранов по делам надолго уехал на о-в Кадьяк, его верный соратник и помощник Кусков снес старое жилище и на его месте соорудил двухэтажное здание с большими окнами и прекрасным видом на залив. Вернувшись, Баранов поселился в новой комфортабельной резиденции. Это произошло в 1806 г. А в 1810 г. его посетил капитан В.М. Головнин, который позже писал, что особенно его поразили в доме Баранова "на конце света" чудесная библиотека, состоявшая из книг на многих языках, и немалое число картин известных художников. Все это когда-то было привезено в Новоархангельск камергером Резановым.

В 1823 г. новый дворец был выстроен на месте здания, стоявшего там с 1806 г., правителем Муравьевым, и наконец четвертый, и последний, дворец был построен правителем Купреяновым в 1837 г. Этот-то новый дворец, названный "Барановским замком" (хотя Баранов никогда там не жил), и простоял до конца русского правления на Аляске. Последними резидентами дворца были правитель князь Дмитрий Максutow со своей молодой женой. Особняк после их отъезда простоял еще несколько лет при американцах и в 1894 г. сгорел дотла. Сейчас на вершине холма построена смотровая площадка, огороженная низкой каменной стеной с бойницами, в которых стоят старинные пушки. Многие пушки русские, в основном крупного калибра, на них видны изображения двуглавого орла. Такая же громадная русская пушка стоит внизу, у подножия лестницы, ведущей на холм. Напротив — открытое поле, бывший военный плац, на котором когда-то устраивались военные парады. Посредине плаца воздвигнут индейский символический столб-тотем, окруженный опять-таки русскими пушками с двуглавыми орлами. На идущей от холма улице находятся два магазина с русским оформлением стен и витрин. Сперва — книжный магазин, на стене которого изображены два скрещенных русских флага: один Андреевский, другой — бело-сине-красный флаг Российско-Американской компании. За ним — магазин сувениров г-жи Та-

рановой. На его стене изображен русский герб — двуглавый орел. От владелицы магазина, прекрасно знающей историю Ситки, мы получили много ценных сведений.

День в северной Ситке длинный, и мы решили воспользоваться этим и посетить старое русское кладбище. К сожалению, от кладбища мало что осталось. Во время второй мировой войны через Ситку была проведена так называемая стратегическая дорога. Какой-то рьяный военный чин приказал проложить ее прямо через кладбище. Когда ему напомнили о кладбище, он только нетерпеливо отмахнулся. Дорога разделила кладбище на две части. Перед нашими глазами была картина полного запустения. Нам, конечно, хотелось найти могилу княгини Максutowой первой жены правителя Аляски. Могилу мы нашли, она в довольно хорошем состоянии, с каменной плитой и надписью, сохранился даже крест. Рядом доска на столбике с объяснением, кто похоронен. Но кругом все пусто. Могил нет, кресты, видимо, сгнили и были выброшены, холмики сравнялись с землей. По другую сторону дороги видны деревянные оградки у трех могилок около военного блокгауза, полностью восстановленного так, как он выглядел при русских. Могилки запущены, ограды покосились, кресты свалены, кто похоронен — неизвестно. Недалеко видна сравнительно новая плита над могилой Винокуровой. Весь этот холм был когда-то кладбищем. Сейчас все в запустении, и только битые пивные бутылки — свидетельство того, что иногда здесь кто-то бывает.

На следующий день нам удалось посетить другую часть кладбища, в лесной заросли. Там много могил, но более новых, приблизительно начала этого столетия. Могилы все запущены — даже у ангелов на памятниках отбиты головы.

Спрашивается, почему такое запустение? Ответов много. Прежде всего, кладбище не принадлежит ни городу, ни штату. Это, если не ошибаюсь, собственность Православной церкви Америки. Церковь сама содержать кладбище не может — для этого нужны крупные суммы денег. Ситкинский приход не богат и не может выделить средств на содержание кладбищ. Значит, остаются родственники, но они или вымерли, или разъехались. Так и остаются православные могилы заброшенными.

Второй день в Ситке был проведен нами тоже интересно. На машине отправились мы на место форта Св. Михаила, первого форта, основанного Барановым на Ситке в 1799 г. Он находится на расстоянии чуть больше шести миль от теперешнего города Ситки. Когда-то Баранов назвал форт именем Святого Архистратига Михаила, или Михайловским.

Именно этот форт в 1802 г. был сожжен и разграблен индейцами глинкаитами (колошами), и почти все защитники форта погибли. Вернувшись сюда в 1804 г. на военном корабле, Баранов разбил индейцев и около теперешнего города Ситки основал селение Ноуархангельск.

Теперь этот район называется "Старая Ситка". Место, где стоял Михайловский форт, поразило нас своей красотой: тихий, широкий, залив, небольшая река невдалеке, позади горы, а между горами и мо-

Крест, поставленный на месте уничтоженного в 1802 г. Михайловского форта

рем — ровное плато, на котором и стояла когда-то маленькая русская крепость.

Теперь на этом плато одиноко стоит большой православный крест, отмечающий место гибели русских землепроходцев. Здесь 173 года тому назад кидались на форт сотни воинственных, "грозно" раскрашенных индейцев, раздавались беспорядочные выстрелы из ружей и маленьких пушек; свистели стрелы, острые колья, брошенные опытной рукой, протыкали тела защитников. А вечером при ярком зареве пожара индейцы совершали свой ритуальный победный танец на песчаном пляже вокруг насаженных на шесты голов русских защитников форта.

Теперь здесь тихо, умиротворенно. Высокий белый крест благостно взирает на равнину, когда-то густо политую русской кровью. За рекой виден густой девственный лес. Картина полного спокойствия и любви!

Как я уже упоминал, дни на Аляске летом длинные, так что после возвращения из Михайловского форта мы смогли еще съездить в Ситкинский национальный исторический парк с музеем. Парк находится около Индейской реки, где когда-то стояло индейское селение, в ко-

тором разыгрался второй акт трагедии Михайловского форта. Именно там в 1804 г. Баранов высадился со своими ушкуйниками и моряками с "Невы" и с помощью судовой артиллерии начал атаку индейской крепости.

Теперешний ситкинский парк занимает 107 акров. Тропинка в лесу — продолжение тропы от "Барановского замка" — раньше называлась "тропой правителей". По ней они когда-то любили прогуливаться. Теперь эта тропинка, сохранившаяся в густом лесу, носит романтическое название "тропинки влюбленных".

В конце того дня нам еще удалось побывать в одном из самых старых зданий Ситки, стоящих там со времен русского владения, — в "Миссионерском доме" (теперь его называют "дом-приют"). Здание заперто, его можно осматривать только в присутствии служащего департамента национальных парков. И опять же неумолимая Кэрол Пройс заполучила из административного здания Ситкинского парка этого служащего, который приехал с нами к "Миссионерскому дому". Здание перешло в собственность штата Аляска, его предполагается полностью отреставрировать, так как оно является частью исторического прошлого Ситки. Внутри сейчас полнейший беспорядок. Мебель перевернута. В одном углу стоит письменный стол с секретными ящиками, который смастерил своими руками священник Иоанн Вениаминов. Свалены в кучу книги, учебники, по которым учились сироты, когда-то жившие в этом доме. Одно время здание служило резиденцией правящему епископу Аляскинскому, там же была домовая церковь. Есть надежда, что в скором времени этот "свидетель" русского Новоархангельска будет реставрирован и открыт для публики.

Закончили мы день посещением весьма интересного музея колледжа "Шелдон Джэксон". Музей небольшой, но уникальный и является источником богатой информации об индейском и русском фольклоре Ситки.

Остальные два дня мы провели осматривая другие исторические достопримечательности Ситки и окрестностей. Хотелось за это короткое время увидеть как можно больше, прикоснуться к истории, почувствовать здесь влияние русской культуры и оживить в памяти события тех времен, когда Аляска принадлежала России.

Еще раз побывали на старинном кладбище в надежде отыскать среди памятников и крестов имена тех, кто когда-то прославил свое имя в русский период истории Аляски. Поиски, к сожалению, оказались безуспешными.

Осмотрели здание "Сентениал". Это, в сущности, музей, посвященный столетнему юбилею приобретения Аляски Америкой. Главные экспонаты посвящены русскому прошлому Ситки. Висят портреты князя Максимова и его жены. Восстановлена одна из комнат дворца правителя с мебелью того времени, много интересных старых фотографий Ситки. Особенное внимание привлекает макет Новоархангельска 1867 г., очень тщательно и детально выполненный куратором музея Джимом Дэйвисом, с которым мы познакомились и провели полдня в необычайно интересной беседе. Джим Дэйвис — неисчерпаемый источник

информации о прошлом и настоящем Ситки. Посещение "Сентениала", безусловно, значительно обогатило наши знания.

Пишу так подробно о четырех днях, проведенных в Ситке, потому что хочется сохранить в памяти и главное — на бумаге все, что мы видели в этом былом русском "Париже" Тихого океана. В конце концов неизвестно, удастся ли нам еще раз побывать в Ситке. Правда, Кэрл Пройс "заколдовала" нас на сей счет, когда везла на Индейскую реку. Дело было так: по дороге она вдруг остановила машину, не говоря ни слова, достала стакан, спустилась по отлогому склону, зачерпнула кристально-чистой воды и дала нам попробовать вкус этой воды. И только после этого рассказала о бытующем среди старожиллов Ситки и местных индейцев поверье: тот, кто выпьет воды из Индейской реки, обязательно вернется в Ситку. Кто знает, сбудется ли это предсказание!

Наш последний день перед отъездом мы посветили общему осмотру города и окрестностей. Прежде всего перешли по длинному мосту от Ситки на Японский остров. Вообще в Ситкинском заливе много островов, больших и маленьких. Японский остров, вероятно, самый большой и находится ближе других к Ситке. На нем теперь аэродром. Интересно происхождение названия острова. Оно якобы было дано камергером Резановым во время его посещения Новоархангельска в 1805 г. Резанов не мог забыть оскорбления, нанесенного ему, русскому чрезвычайному послу и личному представителю императора, во время его визита в Японию. Островная империя, изолировавшая себя от остального мира, не подчинялась общемировым законам гостеприимства и дипломатической этики. Резанова несколько месяцев фактически держали под домашним арестом и так и не допустили представиться микадо.

Резанов лелеял планы наказания Японии и даже предвидел военные рейды на японские острова, во время которых намеревался захватить японцев и привезти их в Ситку. Предполагалось поселить их на острове, который и был назван Японским.

Кэрл Пройс прокатила нас на машине по всему Японскому острову. Во время второй мировой войны там находилась американская военная база.

Недалеко от моста, ведущего на Японский остров, расположен небольшой лесистый островок Алеутский. Он завещан ситкинской православной американкой в собственность Михайловскому собору.

Вечером в доме епископа произошла интересная встреча с Джо Ашби, большим знатоком Ситки. Очень жалеем, что познакомились с ним так поздно, в последний вечер нашего пребывания в Ситке. Джо Ашби является одним из видных членов ситкинского Исторического общества, а также членом комитета по реставрации исторических мест (включая православный собор).

Мы сказали ему, что нам не удалось найти могилу дочери барона Врангеля, бывшего шестым правителем Русской Америки. Джо Ашби сразу объяснил нам, что она была похоронена не на кладбище, а около берега залива. Во время недавних строительных преобразований

часть залива засыпали, построили там здания и провели улицу. Могила Врангель была сравнена с землей и теперь находится в переулке между двумя зданиями под бетонным тротуаром. Он даже объяснил нам, где именно находится эта могила.

Наступило утро нашего последнего дня в Ситке. Приехал Джо Ашби, узнал, что нам нужно быть на аэродроме только к 12 часам дня и настоял на том, чтобы мы до отъезда посетили библиотеку колледжа "Шелдон Джэксон" и познакомились с коллекцией книг и манускриптов писателя Кларенса Эндрюса, автора нескольких книг об Аляске и Ситке. К сожалению, день был субботний, и библиотека оказалась закрыта. Это не смутило Ашби. Он разыскал помощника библиотекаря и уговорил его открыть библиотеку специально для нас. Нет необходимости говорить, что осмотр коллекции с ее уникальными фолиантами оставил большое впечатление и обогатил наш умственный багаж. В коллекции — сотни книг об Аляске, а также много неопубликованных манускриптов самого Эндрюса, его записок и дневников.

Времени остается мало. Торопимся в аэропорт. Вскоре приземляется наш самолет, прилетевший из Анкориджа. Устраиваемся на сидениях самолета, мысленно прощаемся с Ситкой. Самолет берет курс на Сиэтл. Вечером мы уже дома, в Виктории. Ситка остается интересным, незабываемым воспоминанием.

Хочется закончить описание этих четырех захватывающих дней в Ситке пожеланием, чтобы все русские жители Америки и Канады побывали в этом городе-памятнике, былом русском Новоархангельске, и имели возможность посетить Михайловский собор, увидеть его изумительные иконы и благоговейно поклониться им.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА НА АЛЯСКЕ

В теплые августовские дни 1984 г. Аляска и все русские жители Америки отмечали сразу два юбилея, имеющих особенное значение для русских в Америке и для истории России. Первым — 200-летие со дня прибытия на Аляску экспедиции Григория и Натальи Шелиховых, первых русских людей, спустивших на берег о-ва Кадьяк 3 августа 1784 г. Этой датой отмечается основание постоянного русского поселения на Кадьяке, первого в цепи многочисленных русских селений (или факторий) по всей гряде Алеутских островов и на Аляске.

Торговая компания Г. Шелихова, основавшая первое поселение на узкой полоске земли у подножия высоких гор на берегу Тихого океана, вскоре превратилась в солидную Российско-Американскую компанию, получившую в 1799 г. от императора Павла монопольные права на промысел и торговлю в Америке.

Получение монополии привело к полному исчезновению других сибирских торговых компаний на Аляске и островах, имевших там свои фактории и конкурировавших с шелиховской.

Медаль в честь Форта Росс и его основателя И.А. Кускова (отчеканена в 1976 г. по случаю двухсотлетия США)

Первое селение Шелихова на берегу залива, на гористом Кадыяке было названо селением "Трех Святителей". Так же был назван и залив, оба в честь шелиховского корабля "Три Святителя".

Вторым юбилеем было 190-летие со дня прибытия на Аляску первых восьми русских православных миссионеров, главным образом иноков Валаамского монастыря, основавших на территории Аляски и Алеутских островов Российскую духовную миссию.

Аляскинская православная епархия, возглавляемая епископом Григорием (Афонским), разработала обширную программу торжеств, связанных с 200-летним юбилеем со дня основания первого русского селения. Техническое и организационное руководство торжествами взял на себя настоятель храма Воскресения, протоиерей о. Иосиф Крета. Программа праздников предусматривала паломничество на Еловый остров, недалеко от Кадыяка, на котором жил, подвизался и умер один из иноков первой духовной миссии, праведный Герман.

Паломничество на Еловый остров и юбилейные торжества в городе Кадыяке закончились церемонией переименования гавани на соседнем Ближнем острове в "гавань Святого Германа". Венцом торжеств была поездка паломников в селение Старая Гавань, а оттуда на катерах в находящийся поблизости залив Трех Святителей.

Пишущий эти строки как историк Русской Америки, около полувека проводивший исследования в этой области, принял участие в этих торжествах. Да и вообще, хотелось еще раз посетить Аляску и побывать на Алеутских островах.

Перед самым отъездом я получил письмо от епископа Григория. Он писал: "Лучше всего вам прилететь в Кадыяк к паломничеству (7—9 авг.), а потом уже делать планы для других поездок". Я так и сделал.

Вылетел я из Вашингтона рано утром накануне начала торжеств и прибыл в Кадьяк вечером. Довольно долгий и утомительный полет занял со всеми остановками и пересадками около 15 часов.

Несмотря на утомительность полета, путь произвел на меня сильное впечатление особенно в конце. Приближаясь к городу Анкоридж, мы летели над огромными снежными вершинами. Пилот обратил наше внимание на массивный глетчер Беринга и на ряд других глетчеров, сверкавших своими ледяными покровами под яркими лучами предвечернего солнца. Гористый Кенайский полуостров лежал под нами как на ладони. Нам были ясно видны снежные складки гор, ущелья и чистые воды многочисленных фиордов.

В Анкоридже сделали пересадку на маленький двухмоторный пропеллерный самолет и полетели в город Кадьяк, расположенный на острове того же названия. На горах Кадьяка тоже лежал снег, хотя лето было на исходе.

С 7 августа мы погрузились в насыщенную и тщательно разработанную программу юбилейных торжеств. В городе собралась масса паломников не только из разных приходов Аляски, но и из "нижних 48 штатов" США. Большая группа приехала из Калифорнии. Несколько человек прибыло с восточного побережья (Нью-Йорк, Нью-Джерси) и даже из Вашингтона. Из Вашингтона приехали протоиерей о. Виктор и матушка Мария Сергеевна Потаповы. Почти все паломники были размещены в общежитиях Духовной семинарии Св. Германа, благо учебный год еще не начался и семинаристы отсутствовали.

Здания семинарии Св. Германа новые, недавно построенные. Кроме главного здания — в нем помещается исторический музей, библиотека, архив епархии и канцелярия ректора, — есть еще отдельное помещение — квартира, в которой останавливается правящий епископ Григорий во время посещений Кадьяка, и еще два других, в которых находятся часовни и общежития семинаристов, кухни и столовая.

Почти весь день был посвящен знакомству с историческим городом Кадьяком, бывшим около 200 лет тому назад столицей русских колоний, когда делами Российско-Американской компании руководил первый правитель колонии А.А. Баранов. В 1792 г. Баранов перевел свою администрацию из селения Трех Святителей в более удобное место на берегу гавани, названной гаванью Св. Павла, или Павловской гаванью, а само селение назвали Павловском.

Теперь от старого Павловска ничего не осталось, кроме одного здания, выстроенного еще при Баранове и бывшего в его время складом мехов. Там теперь устроен исторический музей, посвященный главным образом русскому периоду Аляски. Музей небольшой, но удивительно хорошо организованный. Несмотря на маленькие размеры, он богат экспонатами русского периода Кадьяка, включая старую байдарку охотников-алеутов, покрытую моржовой кожей.

В одном квартале от музея находится русская православная церковь Воскресения с яркими голубыми куполами — особенность нескольких аляскинских церквей. Такими же голубыми куполами украшена церковь Трех Святителей в Старой гавани и в нескольких других городах и селениях Аляски.

Церковь в Старой гавани

Церковь в Кадьяке была построена на месте старой церкви, стоявшей там во времена Баранова и построенной иноками первой духовной миссии. Во время второй мировой войны церковь была окружена завалами боеприпасов, складами и цистернами с горючим для американских воинских частей, посланных на остров на случай нападения японцев. Положение церкви оказалось весьма опасным. Всегда можно было ожидать пожара на складах и гибели памятника. В 1942 г. пожар случился, правда, не на складах, а в самой церкви. В ней погибло все, что накапливалось десятилетиями: священные сосуды, древние иконы, ризы священнослужителей; потрескались и расплавились колокола. И теперь можно видеть на земле около старой колокольни несколько треснувших колоколов. Почему загорелась церковь — неизвестно, но существует версия, что подожгли злоумышленники.

Теперь на месте древней церкви выстроен новый храм, ставший туристической достопримечательностью города.

Нужно отметить, что и эта новая церковь чудом избежала гибели в 1964 г., когда город Кадьяк сильно пострадал от землетрясения и катастрофической приливной волны гигантских размеров, обрушившейся на деловую часть города.

Юбилейные торжества начались в 7 ч 30 мин вечера в храме, где у раки Св. Германа Аляскинского состоялось чтение Акафиста. Акафист читал епископ Григорий Ситкинский и Аляскинский, которому

сослужили 8 священников, приехавших из разных приходов Аляски и других штатов Америки. Храм был переполнен.

На следующее утро более 150 человек отправилось в паломничество на Еловый остров, на котором жил инок Герман. Как вы помните, глава миссии архимандрит Иоасаф, позже епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, погиб во время кораблекрушения вместе с двумя другими иноками миссии иеромонахом Макарием и иеродиаконном Стефаном. Иеромонах Ювеналий был убит туземцами, а остальные трое уехали или умерли. На Аляске остался один инок Герман. Умер он в 1837 г. в своей одинокой келье на Еловом острове, где жил отшельником.

Все паломники погрузились на три огромных катера-буксира и разместились где попало: кто в каютах, кто на открытой палубе. Сама по себе поездка была очень приятной. День был солнечный, с моря дул свежий бриз. Путешествие продолжалось более часа среди постоянно меняющихся видов: слева — суровые гористые берега Кадьяка, справа — небольшие острова, густо заросшие высокими стройными елями.

Высадка на пляж Елового острова оказалась довольно сложной — буксиры не могли подойти к самому берегу из-за мелководья и каменистого дна. Остановились на довольно большом расстоянии и стали пересаживаться на катера поменьше. К нашему буксиру лихо подкатил катер, которым ловко управляла молодая девушка. Катер мог взять только шесть человек. А так как катеров было всего два, то забирали они всего по двенадцать человек за рейс. Так что можно себе представить, сколько времени должна была занять высадка всех 150 пассажиров.

Но оказалось, что и на этом операция высадки не заканчивалась. Даже и маленькие катера не могли подойти к самому берегу, не повредив своих винтов о скалистое дно. Пришлось нам перебираться на плоскодонные лодки. На них с ходу врзаемся в песчаный берег пляжа. Нас поражает песок: он довольно крупный, черного цвета — явно вулканического происхождения. Пляж изумительно красивый, уединенный, в виде подковы, с обоих концов охраняемый скалистыми выступами. Абсолютные покой и тишина. Нет ни птиц, ни насекомых. Нет даже надоедливых комаров и мошкар, которые на таких широтах донимают на материке. Для сравнения могу сказать, что за месяц до этого побывал в Финляндии, Швеции и Норвегии, в том числе и в заполярных районах, и там действительно донимали комары и мошкара.

С пляжа идем по траве в лес — высокий, мачтовый бор. Стройные ели, кажется, упираются в голубое небо. Ни ветерка. Ни звука. Подымаемся по крутой тропе вверх, на гору. Жадно глотаем свежий, чистый воздух. Запах хвои. По сторонам тропы — заросли ежевики. По пути срываем и едим спелые ягоды. Тишина такая, что люди невольно замолкают или разговаривают шепотом. Ощущение примерно такое же, какое испытываешь в знаменитых рощах секвой в Калифорнии, где возраст некоторых деревьев достигает чуть ли не тысячи лет, это ощущение можно назвать почтением.

Поднявшись на гору, останавливаемся у кельи. Очень скромное помещение, весьма спартанского типа. Здесь уже в наше время жил и

Храм Воскресения в Кадьяке

подвизался другой отшельник, архимандрит Герасим (Шмалыц). Скончался он в 1969 г. Недалеко есть горный источник, где течет струйка воды. Над источником крыша, с крестом на ней. Паломники подходят, пьют воду, некоторые набирают чистую горную воду в бутылки и флажки.

Поднимаемся по тропе еще выше. Перед нами часовня инока Германа. Правда, от часовни, построенной самим иноком, мало что осталось. Она перестраивалась, реставрировалась. Последние работы в ней были в 1896 г. Здесь, под этой часовней, инок Герман был погребен. Точное местонахождение кельи самого инока Германа неизвестно. Следов ее найти не удалось.

Подходит епископ Григорий. Его встречает на паперти протоиерей о. Иосиф Крета. Часовня наполняется молящимися. Места для всех не хватает. Многие остаются снаружи, прислушиваясь к пению хора.

Тут же недалеко в лесу около источника и кельи о. Герасима священники исповедуют молящихся. Исповедуются многие, почти все прибывшие на остров.

После литургии спускаемся вниз, к площадке у кельи о. Гераси-

ма. Здесь местные дамы, прихожанки Кадыякского храма, а также жительницы небольшого селения Узенький на Еловом острове под тенистыми вековыми деревьями приготовили обед. Главное блюдо — рыбный пирог из местной кеты. Рыба, и в особенности икра, здесь доминирует в рационе. Те из приехавших, кто захватил с собой удочки, уже успели наловить рыбы. Кеты так много, что каждый смог поймать две-три рыбы. Рыба приличных размеров — фута в полтора длиной. Конечно, вечером в общезитии — рыбный ужин.

После обеда все спускаются на пляж. Там опять происходит ступенчатая посадка на большие катера. И наконец усталые, но довольные днем, проведенным на Еловом острове, паломники возвращаются в Кадыяк.

Следующий день, четверг, был ознаменован большим событием — освящением гавани на Ближнем острове, прямо против города Кадыяк. Опять паломники погрузились на буксиры и в сопровождении двух катеров береговой охраны отправились на Ближний остров. Там в закрытой гавани, на пристани, епископ Григорий совершил обряд освящения и переименования гавани. После этого о. Иосиф поднял над головой небольшой деревянный крест, украшенный цветами, и вместе с епископом Григорием взошел на катер береговой охраны. Катер вышел из гавани в открытую бухту, где крест был опущен на воду. Исполнилась мечта православных жителей Аляски, и в этом большая заслуга настоятеля храма протоиерея о. Иосифа Крета и правящего епископа Григория Ситкинского и Аляскинского.

На следующий вечер мы посетили театр на открытом воздухе на берегу изумительно красивой бухты Монашка. Сиденья-скамьи амфитеатром расположены на склонах холмов, подковой окаймляющих бухту. Внизу, на "сцене", — декорация, изображающая три старинные русские избы. Вот уже десять лет здесь для туристов показывают пьесу под названием "Cry of the Wild Ram" — из жизни первого правителя Русской Америки Баранова.

Пьеса представляет собой ряд отдельных эпизодов из жизни Баранова и истории Российско-Американской компании. В них показана карьера Баранова с того дня в Сибири, когда Шелихов уговорил его поехать на Аляску и возглавить там основанную им колонию.

Перед зрителем проходят сцены прибытия Баранова на о-в Кадыяк, его контактов с местным населением, нападения на индейский форт и т.д. и, наконец, последних дней Баранова на Аляске.

Надо приветствовать это ценное начинание, которое знакомит зрителей с историей Аляски, с ее русским прошлым. В целях исторической правды очень важно, чтобы эти представления были тщательно подготовлены и текст проверен специалистами-историками. На этот раз, к сожалению, промахи были замечены. Самой грубой ошибкой был, конечно, флаг Российско-Американской компании, развевавшийся высоко на флагштоке. Цвета на нем были перепутаны, правда, на средней полосе красовался двуглавый орел.

Были и другие ошибки, но они могут остаться незамеченными рядовым зрителем. Имя главы первой духовной миссии Иоасафа переделано в Иосифа. Способный помощник Баранова Иван Кусков, осно-

Часовня у источника на Еловом острове

ватель Форта Росс, показанный в спектакле на прощальной церемонии по случаю отъезда Баранова, на самом деле на ней не был, так как находился в то время в своем селении Росс в Калифорнии. Сцена церковного служения растянута и, по правде сказать, нередко граничит с богохульством. Всем известна вражда между Барановым и духовной миссией и скрывать ее нельзя, но нет необходимости демонстрировать ее в сцене богослужения, когда на сцене священники в ризах читают молитвы. Впрочем, не мне судить, насколько это тактично и позволительно. Судить могут только духовные наставники, священнослужители.

Для непосвященного зрителя не совсем ясна вся сцена боя русских с индейцами у стен форта на о-ве Ситка. Воспроизведена она мастерски и оставляет большое впечатление — с ружейной и даже пушечной стрельбой, горящими стенами форта, воротами в пламени, но... не очень понятно, кто на кого нападает.

Для меня, историка Русской Америки, самым интересным и значительным моментом торжеств был полет в Старую гавань на юго-западном берегу о-ва Кадьяк и поездка оттуда в бухту Трех Святителей, на то место, где 3 августа 1784 г. пристал корабль "Три Святителя", на котором Шелиховы прибыли в Америку.

Организация полета сорока человек в Старую гавань — дело нелегкое. Была мобилизована эскадрилья маленьких пяти- и восьми-местных самолетов, совершающих рейсы между Кадьяком и Старой гаванью.

Наша первая группа из пяти человек летела на крошечном, почти

игрушечном самолете, рассчитанном, в сущности, на четырех пассажиров. Я сидел рядом с пилотом, совсем мальчиком, светловолосым, похожим на шведа. Мотор загудел, и самолет быстро понесся по дорожке, оторвался от земли, круто забрал вверх и сделал крутой вираж влево, чтобы не налететь на гору. Я понял, что здесь могут летать только искусные и опытные пилоты. С высоты сразу стало видно, какой это гористый остров. Город Кадьяк и другие городки и поселки прилипли к подножиям гор у самой воды. И здесь же, на узких полосках земли, устроены аэродромы.

Меня удивило, что наш пилот вел самолет очень низко, лавируя между горами, которые были так близко, что их склоны были отчетливо видны. Иногда потряхивало.

Через несколько минут я увидел между узким проливом и горой тонкую линию посадочной полосы аэродрома Старой гавани. Садиться на эту полосу — особое искусство. Сначала надо зайти вдоль горной стены, сделать крутой вираж, чтобы потерять высоту, затем направить самолет прямо на гору, в нужный момент круто повернуть влево, чтобы не врезаться в скалу, и только тогда выйти на линию посадочной дорожки, куда мы и опустились, подняв облако пыли. Я уверен, что в туман аэродром Старой гавани закрывается. Спускаться туда в тумане невозможно, а они часты на Кадьяке.

На аэродроме нашу группу встретил настоятель местной церкви, молодой священник о. Иоанн Забинко. Он вместе с мэром этого изолированного селения Свэнном Хаакинсоном уже сделал все нужные приготовления, чтобы разместить на ночь 40 паломников, прибывающих на аэродром небольшими группами каждые десять—пятнадцать минут.

Поселок небольшой. В нем только 300 жителей. Все они потомки тех аборигенов, с которыми когда-то вошел в контакт Шелихов, прибывший на Кадьяк в 1784 г. Как уже говорилось, основанное Шелиховым первое селение оказалось неудобным и Баранов, приехавший в 1791 г., вскоре перенес его в Павловскую гавань, в юго-восточную часть острова. Оставшиеся местные жители переехали на берег узкого залива, глубоко врезавшегося внутрь острова, где было безопаснее и спокойнее вдали от бурного океана. Постепенно селение Трех Святителей зачахло и прекратило свое существование, вернее, как уже говорилось, оно передвинулось миль на десять на восток и стало называться Старой гаванью в отличие от Павловской гавани, которая была переименована в Новую.

К прибытию епископа Григория на маленьком аэродроме собралось почти все население во главе с мэром Свэнном Хаакинсоном. Из церкви пришла процессия с хоругвями и иконами. Когда епископ сошел с самолета, все по очереди стали подходить к нему под благословение. Трогательно было наблюдать за маленькими детьми, подходившими к иерарху и смотревшими на него восторженно широко открытыми глазами. Они, может быть, впервые в жизни видели главу своей епархии.

Потом вся процессия направилась по пыльной улице в церковь.

Нужно отметить, что все население поселка Старая гавань православное. Это действительно оставшаяся на Аляске частица Русской Америки. Правда, русский язык, на котором говорили дедушки

и бабушки теперешних сельчан, забыт. Во время служб церковнославянский заменен английским, но приверженность населения к православию осталась неизменной и даже русские фамилии сохранились.

После краткого молебна в небольшой, с сияющими голубыми куполами церкви, стоящей на краю поселка, все направились в прекрасное новое здание спортивного комплекса, где в огромном гимнастическом зале был сервирован обед, приготовленный местными хозяйками. Затем все приехавшие были приглашены переночевать в домах местных жителей.

Дома в селении скромные, но добротные, со всеми удобствами. Насколько мне удалось узнать, главным источником дохода жителей является рыбная ловля преимущественно кеты и крабов. Кроме того, многие занимаются охотой. Знаменитый кадьякский медведь находится теперь под охраной государства, на него запрещено охотиться. Только раз в год, в октябре, наступает сезон, когда в течение нескольких дней охота на него разрешена.

Хозяин дома, в котором меня поместили, Ларри Матвеев, человек 77 лет, с большим юмором рассказывал о своих вылазках на медведей.

— А появляются ли медведи в поселке?

— Приходят. Особенно в голодный сезон... шуруют в баках с отбросами.

Он помолчал, вспомнил что-то, улыбнулся:

— Как-то рано утром проснулся я от шума, слышу кто-то копается в баке под окном. Я осторожно открыл окно и крепко огрел медведя по мягкому месту. Он заревел и в панике бросился прочь, к берегу.

Главной целью нашего приезда сюда было посещение бухты Трех Святителей, добраться до которой можно только морем. Дорог на Кадьяке почти нет, сообщение между селениями возможно только на самолетах или морем. Это отчасти и хорошо в особенности в таких местах, как бухта Трех Святителей. Она осталась совершенно нетронутой. Нет дорог — нет туристов. Бухта и ее берега остались такими, какими они были 200 лет назад.

Поездка в бухту Трех Святителей была организована мэром Старой гавани м-ром Хаакинсоном. После литургии в воскресенье, 12 августа, он мобилизовал рыболовные суда, на которых разместились паломники. Восемь судов вышли из гавани. Впереди головное судно, которое вел сам мэр. За ним строго в кильватерной колонне следовали остальные семь судов. Как только вышли на широкий простор залива, флагман просигналил "Вперед — полный вперед!" Все восемь судов рванулись вперед, вспенив воду. Началась сумасшедшая гонка. Путь до бухты Трех Святителей занял около часа.

Подходим ко входу в бухту между двумя скалистыми островами. Местность на редкость красивая, совершенно дикая. Налево — выход из залива в открытый океан. Направо — вход в бухту. Это та самая бухта, в которую 3 августа 1784 г. вошло судно Шелиховых "Три Святителя". Абсолютная тишина. Берег пустынный. Никаких следов шелиховского селения не осталось, и берег, вероятно, выглядит таким, каким его увидели в тот день Шелиховы.

Выгружаемся с судна в маленькую моторную лодку, которая доставляет нас на песчаную косу (хотя песка на ней мало, больше галька). С катера снимают огромный деревянный крест, который несут довольно далеко, в то место, где его решили установить и откуда он будет виден с проходящих судов. Крест устанавливается под пение молитв в память исторической высадки в этом месте русских землепроходцев. Яма для креста заранее выкопана. Ее заполняют камнями и песком.

Свэн Хаакинсен шепчет: "Моя давнишняя мечта исполнилась... крест поставлен".

Церемония заканчивается пением молитв, и все идут на пляж, на пикник. Погода нас опять балует. Как по заказу всю неделю стояли ясные, солнечные дни, необычные для Кадьяка. Во все дни юбилейных торжеств ни разу не было дождя, даже ни одного пасмурного дня.

В 4 часа дня группа разделяется. Те, кто летит обратно в Кадьяк, отправляются на катер Свэна, чтобы вернуться в Старую Гавань ко времени отлета самолетов в Кадьяк, назначенному на 6 часов. В Старой гавани нас уже ждут три маленьких самолета. На этот раз я лечу на восьмиместном двухмоторном пропеллерном самолете.

В Кадьяке я провожу еще несколько дней, в основном брожу по городу. Многие здесь напоминают о былом русском периоде. Многие улицы пестрят названиями в память русских землепроходцев. Главная улица — ул. Резанова, недалеко — ул. Шелихова. Есть улица Измайлова — капитана шелиховского корабля "Три Святителя". Есть улица Баранова и улица Кускова, улица о. Германа и улица Яновского — третьего правителя Русской Америки. Еще много русских имен можно прочесть на табличках с названиями улиц: Семенова, Сиченова, Волкова, Кашеварова, Малютина, Митрохина. Имена некоторых из них забыты историей, но не забыты городом Кадьяком.

На карте о-ва Кадьяк тоже нахожу ряд островков, заливов, проливов и селений с русскими названиями. Тут и селение Узенький на Еловом острове, заливы Монашка и Ольга, залив Спиридона. Теперь у о-ва Ближнего появился залив Св. Германа, а рядом с ним о-в Уски (Узкий).

Огромный пролив, отделяющий Кадьяк от материка, т.е. от п-ова Аляска, носит название пролива Шелихова. На большом о-ве Афогнак, к северу от Кадьяка, можно видеть заливы с русскими именами: Казаков, Перенос, Парамонов. Есть залив Малина. Афогнак отделяется от Кадьяка проливом Купреянова. К этому неполному списку можно еще добавить о-в Попова, находящийся в группе островов Ближнего и Узкого. Конечно, если перебраться на материк, то мы увидим, что и там Аляска пестрит русскими названиями.

Официальная часть торжеств закончена. Паломники разъезжаются. Я остаюсь один в общежитии семинарии. Решил, прежде чем вернуться в Вашингтон, побывать на о-ве Уналашка, находящемся в западной группе Алеутских островов.

НА УНАЛАШКЕ

Для того чтобы попасть из Кадьяка на Уналашку, надо сперва лететь на небольшом самолете назад в Анкоридж и уже оттуда — на Уналашку. Путь туда лежит над многочисленными островами Алеутской гряды. Уналашка находится приблизительно в середине цепи Алеутских островов.

Лечу туда с понятным волнением. Ведь селение Уналашка основано даже раньше селения Трех Святителей. После размещения главного правления шелиховской компании на Кадьяке Уналашка сделалась промежуточной базой для кораблей, идущих из Охотска в Кадьяк.

С Уналашкой связаны имена четырех людей, оставивших по себе память в истории Русской Америки. Это прежде всего сам Шелихов, заходивший сюда в 1784 г. Баранов с огромными трудностями добрался сюда на уже дряхлом, полусгнившем корабле "Три Святителя" в 1791 г., после назначения его на пост правителя компании в Америке. Обрато на разбитом корабле нельзя было плыть, а ждать прихода корабля из Охотска значило сидеть на Уналашке по крайней мере год. Неутомимый Баранов решился на героический поход на утлых байдарках от Уналашки до Кадьяка по бурному океану — на расстояние в 700 миль! Приехал он в селение Трех Святителей полуживым.

Заезжал туда в 1805 г. ревизор компании камергер Резанов по пути на Кадьяк и Ситку.

И наконец, вспомним о священнике Иоанне Вениаминове, прибывшем сюда в 1824 г. и поначалу ютившемся в землянке, а затем своими руками построившем себе дом. Позже с помощью местных жителей о. Иоанн воздвиг церковь. Прожил он на Уналашке десять лет и за это время показал себя не только энергичным миссионером, но и блестящим ученым. Он перевел на алеутский язык Евангелие, вел метеорологические наблюдения и разработал схему годовой охоты на тюленей с таким расчетом, чтобы поголовье этих животных не уменьшалось.

После Уналашки он несколько лет был причислен к церкви в Новорархангельске на Ситке. Еще через несколько лет он стал епископом Камчатским, Курильским и Алеутским и закончил свои дни в сане митрополита Московского и Коломенского.

Как же мне было не волноваться, подлетая к этому острову!

Конечно, это теперь не тот остров, на котором жил скромный священник о. Иоанн. Рядом с селением Уналашка вырос новый город Датч-Харбор с современным аэродромом, возникший во время второй мировой войны, когда на Алеутских островах ожидалось нападение японцев. Здесь была создана огромная американская военная база. Теперь город захирел: база закрыта, военную администрацию заменила служба береговой охраны. Полуразрушенные казармы с завалившимися крышами видны с дороги, ведущей от аэропорта. Видно, разбирать дома и перевозить на материк было слишком дорого. Когда-то во время войны на базе жило около 50 тыс. человек. Бывшие молодые матросы и солдаты стали теперь отцами и дедушками.

Остановился я в заранее забронированном номере гостиницы на главной улице города. Широкая улица вымощена гравием. На одной стороне длинное, неказистое на вид двухэтажное здание гостиницы, на другой — такого же типа длинное здание, в котором находится магазин и какие-то конторы. На вид это все еще улица "дикого Запада". Входя в гостиницу, я приготовился увидеть что-нибудь вроде ночлежки и был приятно поражен, обнаружив внутри совершенно современный интерьер, хороший ресторан и весьма комфортабельные комнаты.

Под вечер я позвонил по телефону в город Уналашку настоятелю храма о. Измаилу Громову, с которым познакомился неделю назад на торжествах в Кадьяке. Договорились встретиться на следующее утро.

Историческое селение Уналашка — некогда одна из крупных промышленных баз Российской-Американской компании — находится на расстоянии полутора-двух миль от Датч-Харбора, но дойти туда пешком почти невозможно. Дорога не асфальтирована, а покрыта гравием и песком. Пешеходов обдают тучи пыли от проходящих машин, в основном небольших грузовиков. Очевидно, грузовики здесь более практичны, чем легковые машины.

На следующее утро о. Измаил Громов заехал за мной на грузовичке и повез в Уналашку показать церковь Вознесения.

Живописная дорога вьется вдоль узкого залива. Небольшой мост через пролив, подъем на холм, еще один мост через речку, и мы — в Уналашке. Селение невелико и все расположено вдоль подковообразного берега большого залива, защищенного от океана высокими горами.

Обширный залив пуст — ни корабля, ни лодки, как в 60-х годах XVIII столетия, когда на нем можно было видеть только байдарки алеутов-охотников.

В конце главной улицы, идущей параллельно берегу, виден купол церкви. Она, как и все аляскинские церкви, деревянная. Уникальность этой церкви в том, что она является самой старой русской православной церковью на Аляске и Алеутских островах. О. Иоанн со своими помощниками построил ее в 1825—1826 гг. С того времени были сделаны две пристройки — два крыла с алтарями с обеих сторон храма. Один алтарь — Св. Сергия Радонежского и другой — Святителя Иннокентия.

Нужно отметить, что построенная немного раньше церковь Воскресения в Павловске, на Кадьяке, была уничтожена пожаром в 1942 г. На ее месте сооружена новая церковь.

Церковь в бывшем Новоархангельске, теперь Ситке, была построена несколько позже уналашкинской, тоже отцом Вениаминовым, но и она сгорела в 1966 г. Теперь там новая, восстановленная церковь. Может быть, конкурентом уналашкинской церкви по возрасту могла быть церковь Св. Троицы в крепости Росс в Калифорнии, но она никогда не имела постоянного священника и была, в сущности, часовней. Эта церковь погибла в октябре 1970 г. На ее месте стоит теперь новая часовня, восстановленная в 1973 г. по планам старой.

Отец Измаил любезно показывает мне храм, довольно вместительный, размерами больше храма в Кадьяке. Показывает старинные ико-

Храм Вознесения в Уналашке

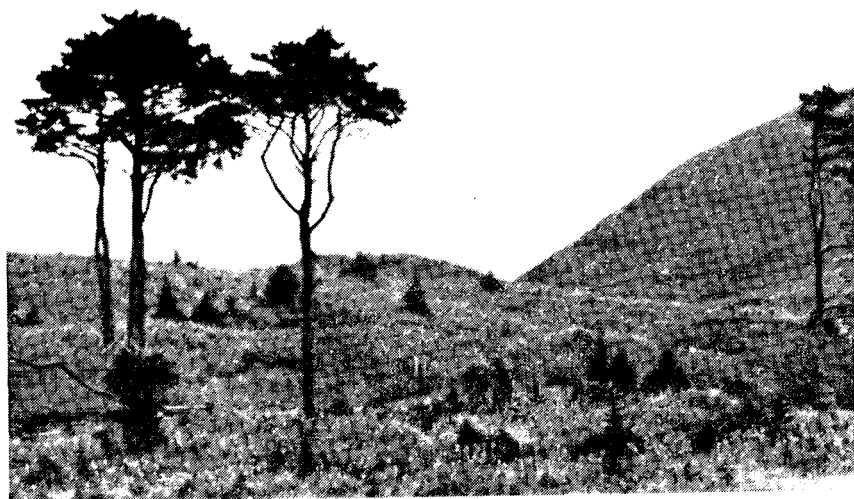
ны — две из них находятся в храме со времен о. Иоанна Вениаминова. Много старинных обветшалых богослужебных книг в толстых кожаных переплетах. В шкафу, под стеклом, два тяжелых Евангелия, напечатанные в 1821 г. во время царствования императора Александра Павловича. Тут же старинный крест. Этими вещами и книгами, возможно, пользовался о. Иоанн Вениаминов 150 лет тому назад. Несколько полок шкафа в уналашкинской церкви заполнены этими уникальными теперь, бесценными реликвиями. К сожалению, все это легко может погибнуть от рук грабителей или от пожара. Хорошо бы иметь полную опись этих сокровищ и негорючий шкаф для их хранения.

Снаружи, в пределах церковной ограды, — несколько старых могильных крестов. Имен умерших нет почти нигде. Тут же в ограде похоронен епископ Нестор (в миру — барон Заккис), утонувший в море в 1882 г. Корабль был в Беринговом море, ночью епископ вышел на палубу и каким-то образом упал за борт. Тело его было найдено и похоронено возле уналашкинской церкви.

Церковь Вознесения стоит на возвышенном месте, прямо на берегу залива и хорошо видна и со стороны моря, и со стороны дороги, ведущей в Уналашку из Датч-Харбора.

Отец Измаил Громов — природный островитянин. Он родился на о-ве Св. Павла (Прибыловы острова). Отец, дед и все его предки родились и жили на островах. Сейчас о. Измаил уже в сане протоиерея. Это представитель новой, местной волны священнослужителей, родившихся на Аляске и на островах.

До сих пор погода мне благоприятствовала. Все одиннадцать дней

Первая и вторая "резановские" рощи на Уналашке

на Кадьяке были солнечными. Местные жители сами удивлялись такой погоде и говорили, что у них больше двух солнечных дней подряд не бывает. Но и в Уналашке в первый день моего там пребывания с утра было пасмурно, а потом выглянуло солнце.

Однако на следующий день, в воскресенье, с утра пошел дождь. Здесь, видимо, это обычная погода. Еду на такси к обедне в церковь. Служит о. Измаил хорошо, проникновенно. В церкви в основном женщины, мужчин мало. Поет хор. Меня приятно поразило то, что все возгласы священника во время литургии и пение хора были на церковнославянском. Только "Отче наш" пели на алеутском языке.

Особенно поразительно, что жители Алеутских островов, по рождению настоящие природные американцы, потомки алеутов, эскимосов и индейцев, а также креолы, гордятся своей верой и принадлежностью к русской православной церкви, считая ее своей.

Православие на Аляске и Алеутских островах постепенно укрепляется. Если с продажей Аляски число православных священников там в первые десятилетия сильно сократилось и многие церкви в селениях оказались без пастырей, то теперь такие семинарии, как Св. Владимирская и Св. Тихоновская и новая семинария Св. Германа, стали выпускать молодых священников, многие из которых посвящают себя служению на Аляске, едут окормлять приходы, десятилетиями не имевшие священников.

Может быть, особенно важна роль в этой области семинарии Св. Германа, в которой получают духовное образование и подготовку к сану священника молодые люди из местного, если так можно в наше время выразиться, туземного, населения. Многие из них — по-

томки бывших русских служащих Российско-Американской компании и имеют русские фамилии.

Я заметил, что в храме в Уналашке многие иконы настолько темные, что на них трудно разглядеть изображения святых. Как мне объяснили, во время второй мировой войны на острова Алеутской гряды ожидалось нападение японцев. Удаленные острова Киска и Атту на крайнем западе уже были захвачены японцами. И когда местному населению Уналашки было приказано эвакуироваться с острова, прихожане церкви решили закопать в землю все церковное имущество, включая иконы. Для сохранения икон от порчи, пока они находились под землей, их покрыли лаком для мебели. Когда война кончилась, жители вернулись на остров и откопали иконы. К своему ужасу они увидели, что иконы почернели настолько, что с трудом можно было

различить изображение святых. Жена настоятеля протоиерея Громова говорила мне, что иконы можно восстановить, очистить, но что это очень сложный процесс и стоит огромных денег.

Уналашка, как и все другие острова Алеутской цепи, совершенно безлесый. Склоны его многочисленных гор покрыты травой и низкорослым кустарником, главным образом ягодным. Очень много ягоды, похожей на ежевику. Говоря о том, что остров безлесый, напомним о попытке о. Иоанна Вениаминова насадить здесь приблизительно в 1830 г., т.е. более 150 лет назад, ели. Мне хотелось обязательно найти эту рощу, но к моему удивлению, никто из прихожан церкви, которых я расспрашивал, не мог точно сказать, где она находится. Все, что мне удалось выяснить, это что на острове теперь две рощи, но которая из них посажена о. Вениаминовым — неизвестно.

Однако в последний день удача мне улыбнулась. Мэр селения, м-р Фишер, сказал, что в центре селения растут очень старые ели, но он не знает, кем они посажены, о. Вениаминовым или кем-то позже. Мэр порекомендовал мне связаться со старожилом Тутяковым. Тутяков, прихожанин православной церкви, тоже не был уверен, но сказал, что единственный человек, который может мне помочь, это преподаватель местной средней школы Рэй Хадсон, который как раз накануне вернулся из отпуска.

Позвонил Хадсону. Тот немедленно приехал ко мне в гостиницу. И за обедом в ресторане я узнал от него все, что мне было нужно, и даже больше того. Рэй Хадсон оказался для меня настоящим кладом — не историком-любителем, краеведом, а настоящим серьезным исследователем. Он объяснил, что на острове есть несколько деревьев, посаженных о. Вениаминовым, возраст которых 150 лет. Больше того, есть, оказывается, две небольшие группы деревьев, посаженные еще по распоряжению Резанова в 1806 г., когда он останавливался здесь на пути в Новоархангельск. Этим деревьям теперь 180 лет! Я онемел (для меня это было открытие) и заторопил молодого ученого:

— Давайте, поедем! Покажите мне, где они.

Рэй Хадсон улыбнулся. Ему было понятно мое нетерпение.

К моему удивлению, первая группа елей, "резановская", оказалась на островке Экспедиции, совсем недалеко от гостиницы, где я остановился. Эти деревья даже были видны из окна ресторана гостиницы. Так что через несколько минут мы уже были там.

Поднимаемся на небольшой пригорок и видим целую рощу хвойных деревьев. Их около сорока. Я тут же окрестил рощу Резановской. Судя по описаниям различных авторов, деревья, посаженные о. Вениаминовым, а также, видимо, и те, что были посажены по распоряжению Резанова, с трудом выжили. Многие из них погибли из-за неблагоприятных климатических условий. Но на вид деревья выглядели вполне здоровыми.

Потом Рэй Хадсон повез меня к другому месту, в районе Датч-Харбор, и там показал три высоких ели. Оказывается, это все, что осталось от другой еловой рощи, посаженной Резановым в 1806 г. До второй мировой войны здесь было больше деревьев, но они погибли из-за производившихся строительных работ военного времени. Оста-

лось только три "резановских" дерева, до сих пор удержавшихся на этом открытом месте, несмотря на зимние ураганные ветры.

— Ну, а теперь поедем в "рощу" о. Вениаминова, — сказал Хадсон шутливо.

Едем по довольно пыльной дороге. Над нами высятся огромные горы. Далеко, у самого входа в Уналашкин залив, виден утес, называемый почему-то "Священник". Он охраняет вход в бухту. На пути в селение Уналашку проезжаем мимо Капитанского залива. Залив, по словам Сарычева, называется так потому, что в него заходил когда-то и долго стоял на якоре корабль под командой капитана Левашова.

В центре селения Уналашки — "парк", в котором растут две низкие старые ели. По словам Рэя Хадсона, нельзя достоверно утверждать, что эти деревья посажены Вениаминовым, но все говорит за то, что это он посадил их. Насколько известно, здесь никто больше никогда не сажал деревьев. А сами по себе деревья на Уналашке не росли.

Цель моего визита на Уналашку достигнута: я увидел все, что хотел. Бросаю последний взгляд на купола церкви Вознесения, ярко освещенные солнцем, и возвращаюсь в гостиницу. Теперь я могу с легким сердцем вернуться домой, в Вашингтон.

190 ЛЕТ ПРАВОСЛАВИЯ В АМЕРИКЕ

Православие было принесено на Американский континент через Алеутские острова и Аляску первыми русскими миссионерами в 1794 г. Таким образом, 1984 год был юбилейным для православия на этой земле.

Идея основания духовной миссии в Америке была подана самим Шелиховым во время аудиенции у императрицы Екатерины. Он обещал ей построить в колониях церкви и школы и обязался предоставить средства для отправки на острова миссии с целью просвещения местного населения и обращения его в истинно христианскую веру.

В 1793 г. Шелихов и его компаньон Голиков обратились к Петербургскому митрополиту Гавриилу с просьбой направить на Аляску священника. Митрополит уважил их просьбу и назначил иеромонаха Валаамского монастыря Иоасафа — возведя его для большего престижа в сан архимандрита — на служение в Америке. Миссия выехала из Москвы 22 января 1794 г. Путь был долгий — по Сибири до Охотска, далее на дряхлом судне до о-ва Кадьяк.

Архимандрит Иоасаф так писал из Охотска об этом путешествии: "Я из Москвы отправился 1794 года января 22 дня. Святую Пасху отпраздновали в Иркутске. Тут был с месяц. Из Иркутска Леною рекою более 2000 верст плыли покойно, во всяком довольстве. От Якутска до Охотска более 1000 верст ехали верхами с братиею, а все имущество наше везди 100 лошадей. Хотя рекою было и весело, но верхами и того лучше: по лесам, горам, буеракам — всего рассмотрелись. Время веселое — май, июнь, июль; пасутся одни мед-

веди; довольно навидались: хотя они и смиренные, но лошадей пестовать мастера”.

Прибыли миссионеры в Павловскую гавань на Кадьяке 24 сентября 1794 г. Оказались там в ужасных условиях: помещений не было, пришлось устраиваться в бараках “промышленных”, добывать пропитание, запастись дровами.

Напомню, миссия состояла из восьми человек: архимандрит Иоасаф (Болотов) — глава миссии; иеромонах Макарий (Александров) из Коневского монастыря; иеромонах Ювеналий (Говорухин) из Валаамского монастыря; иеродьякон Нектарий (Панов) из Валаамского монастыря и трех послушников: Стефан, Иоасаф и Герман. Прибыв на Кадьяк, миссионеры в ноябре 1794 г. начали строить церковь, ее строительство было закончено в 1796 г. Из России были привезены колокола. Церковь Воскресения была таким образом первой православной церковью на американской земле.

Кроме церковных служб и повседневных работ, монахи исполняли и другие обязанности. Иноки Герман и Иоасаф были заняты в “хлебне”. Отец Афанасий заведовал огородом. Другие были также приставлены к работам. Вся духовная миссия, во главе с архимандритом Иоасафом энергично принялась за миссионерскую работу, в которой они преуспели. В одном из своих первых писем игумену Валаамского монастыря Назарию архимандрит Иоасаф сообщил, что новокрещенных на о-ве Кадьяк было уже более 6 тысяч человек.

Вскоре миссия стала распространять свою деятельность на другие острова и на материк, в этом особенно преуспели иеромонахи Макарий и Ювеналий.

На следующий год по приезде, в 1795-м, отпросился о. Ювеналий у архимандрита Иоасафа пойти благовестить слово Божие на материке Аляски. А за ним вскоре и о. Макарий отправился на далекие острова в западной части Алеутских островов. Оба весьма энергично принялись крестить туземцев. В Павловском селении с отъездом двух иноков осталось шесть монахов. В течение года со времени приезда миссии на Кадьяк иноки с большим удовлетворением сообщали в Россию, что ими было крещено за год до 12 тыс. человек.

В конце 1797 г. в Павловскую гавань пришел наконец корабль “Феникс” из Охотска, который привез новые запасы провизии, что спасло колонию от неминуемой гибели. Этот корабль, между прочим, был первым мореходным судном, построенным Е.М. Шилдсом по распоряжению Баранова в Воскресенской крепости, на о-ве Кенай.

Вернувшийся из первого плавания “Феникс” привез много новостей из России. Прежде всего, узнал Баранов о кончине императрицы Екатерины Алексеевны и — что особенно было важно для компании — была получена весть о неожиданной смерти основателя и владельца компании Григория Шелихова. Другой важной новостью был вызов архимандрита Иоасафа в Иркутск, где он должен был быть хиротонисован в сан епископа, чтобы возглавить новосозданную епархию кадьякскую и американскую.

Еще до отъезда архимандрита Иоасафа из глубины Аляски пришло печальное сообщение о мученической гибели о. Ювеналия. Он был убит туземцами где-то у берегов озера Илямны 29 сентября 1796 г. — первый православный мученик на американской земле. Вскоре миссия лишилась и другого миссионера, о. Макария, уехавшего на западные острова Алеутской гряды, где он в короткое время окрестил тысячи местных жителей. Но о. Макарий вдруг самовольно покинул острова и на корабле конкурентов Шелихова выехал в Охотск, а оттуда перебрался в Якутск.

В 1796 г. архимандрит Иоасаф вместе с молодым иноком Стефаном выехал на "Фениксе" в Охотск, а оттуда, не задерживаясь, отправился в Иркутск. С их отъездом на Кадьяке из первоначального состава миссии остались только четыре человека.

В марте 1799 г. в Иркутске состоялась хиротония архимандрита Иоасафа в сан епископа Кадьякского — первого православного епископа в Америке. Не теряя времени, новопосвященный епископ Иоасаф заторопился в свою епархию. В Охотске он погрузился на корабль "Феникс", идущий обратным рейсом на Кадьяк. С собой он взял двух спутников: того же строптивного иеромонаха Макария и инока Стефана.

"Фениксу" не удалось достичь Кадьяка. Корабль погиб в пути — просто исчез без следа. Вместе с кораблем погибли 88 человек команды и пассажиров, включая епископа Иоасафа и сопутствовавших ему о. Макария и иеродьякона о. Стефана. Среди погибших был архиерейский певчий, брат ставшего позже знаменитым миссионером на Уналашке о. Иоанна Вениаминова, епископа Иннокентия Камчатского и Курильского, а позже митрополита Московского и Коломенского, а также переводчик Прянишников.

Итак, из всей миссии на Кадьяке осталось только четыре инок. Пополнения в миссию из России не присылали. Болезненный иеродьякон Нектарий выехал в Россию в 1806 г. и умер там в 1814 г. в сани иеромонаха Киренского монастыря. Инок Иоасаф умер на Кадьяке в 1822 г., а иеромонах Афанасий, мало себя проявивший на миссионерской работе, в 1825 г. уехал в Россию. Таким образом, из восьми иноков первоначальной миссии остался только монах Герман.

С годами инок Герман стал пользоваться в Америке большим уважением. На его плечи легла вся тяжесть религиозного обслуживания православных в Америке. Его знали и ценили высшие духовные власти в России. Предлагали посвятить его в сан иеромонаха и даже предложили пост архимандрита, но скромный Герман отказался от всех этих постов. В 1823 г. инок Герман переселился на Еловый остров, недалеко от Кадьяка, и первое время жил там в пещере. Позже он построил для себя скромную келью, в которой и прожил до конца своих дней. Скончался инок Герман в 1837 г., с его смертью первая духовная миссия в Америке закончила свое существование.

Целью этой главы не является описание истории православной церкви в Америке. На эту тему писал нынешний правящий епископ Ситкинский и Аляскинский Григорий в своей книге, изданной на английском языке, "История православной церкви на Аляске". Нам

веди; довольно навидались: хотя они и смиренные, но лошадей пестовать мастера”.

Прибыли миссионеры в Павловскую гавань на Кадьяке 24 сентября 1794 г. Оказались там в ужасных условиях: помещений не было, пришлось устраиваться в бараках ”промышленных”, добывать пропитание, запастись дровами.

Напомню, миссия состояла из восьми человек: архимандрит Иоасаф (Болотов) — глава миссии; иеромонах Макарий (Александров) из Коневского монастыря; иеромонах Ювеналий (Говорухин) из Валаамского монастыря; иеромонах Афанасий (Михайлов) из Валаамского монастыря; иеродьякон Нектарий (Панов) из Валаамского монастыря и трех послушников: Стефан, Иоасаф и Герман. Прибыв на Кадьяк, миссионеры в ноябре 1794 г. начали строить церковь, ее строительство было закончено в 1796 г. Из России были привезены колокола. Церковь Воскресения была таким образом первой православной церковью на американской земле.

Кроме церковных служб и повседневных работ, монахи исполняли и другие обязанности. Иноки Герман и Иоасаф были заняты в ”хлебне”. Отец Афанасий заведовал огородом. Другие были также приставлены к работам. Вся духовная миссия, во главе с архимандритом Иоасафом энергично принялась за миссионерскую работу, в которой они преуспели. В одном из своих первых писем игумену Валаамского монастыря Назарию архимандрит Иоасаф сообщал, что новокрещеных на о-ве Кадьяк было уже более 6 тысяч человек.

Вскоре миссия стала распространять свою деятельность на другие острова и на материк, в этом особенно преуспели иеромонахи Макарий и Ювеналий.

На следующий год по приезде, в 1795-м, отпросился о. Ювеналий у архимандрита Иоасафа пойти благовестить слово Божие на материке Аляски. А за ним вскоре и о. Макарий отправился на далекие острова в западной части Алеутских островов. Оба весьма энергично принялись крестить туземцев. В Павловском селении с отъездом двух иноков осталось шесть монахов. В течение года со времени приезда миссии на Кадьяк иноки с большим удовлетворением сообщали в Россию, что ими было крещено за год до 12 тыс. человек.

В конце 1797 г. в Павловскую гавань пришел наконец корабль ”Феникс” из Охотска, который привез новые запасы провизии, что спасло колонию от неминуемой гибели. Этот корабль, между прочим, был первым мореходным судном, построенным Е.М. Шилдсом по распоряжению Баранова в Воскресенской крепости, на о-ве Кенай.

Вернувшийся из первого плавания ”Феникс” привез много новостей из России. Прежде всего, узнал Баранов о кончине императрицы Екатерины Алексеевны и — что особенно было важно для компании — была получена весть о неожиданной смерти основателя и владельца компании Григория Шелихова. Другой важной новостью был вызов архимандрита Иоасафа в Иркутск, где он должен был быть хиротонисован в сан епископа, чтобы возглавить новосозданную епархию кадьякскую и американскую.

Еще до отъезда архимандрита Иоасафа из глубины Аляски пришло печальное сообщение о мученической гибели о. Ювеналия. Он был убит туземцами где-то у берегов озера Илямны 29 сентября 1796 г. — первый православный мученик на американской земле. Вскоре миссия лишилась и другого миссионера, о. Макария, уехавшего на западные острова Алеутской гряды, где он в короткое время окрестил тысячи местных жителей. Но о. Макарий вдруг самовольно покинул острова и на корабле конкурентов Шелихова выехал в Охотск, а оттуда перебрался в Якутск.

В 1796 г. архимандрит Иоасаф вместе с молодым иноком Стефаном выехал на "Фениксе" в Охотск, а оттуда, не задерживаясь, отправился в Иркутск. С их отъездом на Кадьяке из первоначально состава миссии остались только четыре человека.

В марте 1799 г. в Иркутске состоялась хиротония архимандрита Иоасафа в сан епископа Кадьякского — первого православного епископа в Америке. Не теряя времени, новопосвященный епископ Иоасаф заторопился в свою епархию. В Охотске он погрузился на корабль "Феникс", идущий обратным рейсом на Кадьяк. С собой он взял двух спутников: того же строптивного иеромонаха Макария и инока Стефана.

"Фениксу" не удалось достичь Кадьяка. Корабль погиб в пути — просто исчез без следа. Вместе с кораблем погибли 88 человек команды и пассажиров, включая епископа Иоасафа и сопутствовавших ему о. Макария и иеродьякона о. Стефана. Среди погибших был архиерейский певчий, брат ставшего позже знаменитым миссионером на Уналашке о. Иоанна Вениаминова, епископа Иннокентия Камчатского и Курильского, а позже митрополита Московского и Коломенского, а также переводчик Прянишников.

Итак, из всей миссии на Кадьяке осталось только четыре инока. Пополнения в миссию из России не присылали. Болезненный иеродьякон Нектарий выехал в Россию в 1806 г. и умер там в 1814 г. в сани иеромонаха Киренского монастыря. Инок Иоасаф умер на Кадьяке в 1822 г., а иеромонах Афанасий, мало себя проявивший на миссионерской работе, в 1825 г. уехал в Россию. Таким образом, из восьми иноков первоначальной миссии остался только монах Герман.

С годами инок Герман стал пользоваться в Америке большим уважением. На его плечи легла вся тяжесть религиозного обслуживания православных в Америке. Его знали и ценили высшие духовные власти в России. Предлагали посвятить его в сан иеромонаха и даже предложили пост архимандрита, но скромный Герман отказался от всех этих постов. В 1823 г. инок Герман переселился на Еловый остров, недалеко от Кадьяка, и первое время жил там в пещере. Позже он построил для себя скромную келью, в которой и прожил до конца своих дней. Скончался инок Герман в 1837 г., с его смертью первая духовная миссия в Америке закончила свое существование.

Целью этой главы не является описание истории православной церкви в Америке. На эту тему писал нынешний правящий епископ Ситкинский и Аляскинский Григорий в своей книге, изданной на английском языке, "История православной церкви на Аляске". Нам

хотелось только отметить историческую дату — прибытие духовной миссии в 1794 г.

Много перемен произошло на Аляске с уходом из жизни первых миссионеров. Православие не умерло, наоборот, оно укоренилось и распространилось по всей Аляске и Алеутским островам. Первой важной вехой в истории православия на Аляске можно считать прибытие в 1816 г. в Новоархангельск первого священника из "белого" духовенства о. Алексея Соколова. С того времени духовные нужды населения Аляски окормлялись главным образом не монахами, а священниками. Вторым важным событием был приезд на Уналашку в 1824 г. о. Иоанна Вениаминова, о котором уже подробно рассказано ранее.

В 1844 г. началось строительство нового собора Святого Архангела Михаила в Новоархангельске. Собор был освящен епископом Иннокентием 20 ноября 1848 г.

После продажи Аляски США 1867 г. в жизни православного населения Аляски произошли существенные перемены. Но эта эпоха заслуживает специального исследования, которое не входит в задачи этой книги.

В заключение можно сказать, что зерна православия, посеянные иноками первой духовной миссии в Русской Америке более чем 120 лет назад, дали благодатные всходы.

ЧАСТЬ IV

РУССКИЕ В ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

В 1976 г. Соединенные Штаты Америки отпраздновали двухсотлетие со дня провозглашения своей независимости. В трудный, чреватый, может быть, непредвиденными последствиями период бросили североамериканские колонии вызов английской короне, избрав путь независимого существования.

В последовавшие затем годы вооруженной борьбы революционная армия Вашингтона была не раз на грани поражения. Много выходцев из Европы оказали тогда молодому государству помощь своим военным опытом. Хорошо известны имена француза маркиза Лафайета, польских генералов К. Паустовского и Т. Костюшко, немца фон Штейбена — ближайших соратников Вашингтона, занимавших командные посты в его армии. Было, конечно, немало и других добровольцев из европейских стран на более скромных должностях или просто рядовых бойцов.

Были в армии Вашингтона и русские добровольцы, но сведений о них очень мало. Выяснить их имена и сколько их было теперь трудно. Кропотливыми поисками имен русских добровольцев занимался покойный историк А.Ф. Долгополов. В статье, опубликованной в июньском номере журнала "Родные дали", выходящем в Лос-Анджелесе, он приводит список шести русских подданных, принимавших участие в войне. Автор пишет: "Статья является первой в этом роде, может быть, началом более серьезного и подробного труда" на эту тему. Список А.Ф. Долгополова, конечно, далеко не полный:

1. Веттер фон Розенталь (1753—1829), эстонский дворянин.
2. Рубенай, балтиец, офицер русской армии.
3. Ф.В. Каржавин (1745—1812), архитектор, купец, писатель.
4. Корзухин — путешественник.
5. Карл Кист, аптекарь из Санкт-Петербурга, поставлял лекарства для армии Дж. Вашингтона.
6. Бобух Захар Иванович из Ревеля. Служил в немецком полку. Каржавин встречал его в 1780 г. в Нью-Йорке.

За этими очень скуными данными встают живые люди с их интересами, мечтами и чаяниями. Кое-что о них известно. Советский исследователь Н.Н. Болховитинов, историк русско-американских отношений, в своих работах довольно подробно останавливается на деятельности Ф.В. Каржавина в Новом Свете. Кроме того, он упоминает Чарлза Тиле, который в Америке стал называть себя

Чарлзом Кистом; Густава Хайнриха Веттера фон Розенталя; Захара Ивановича Бобуха. Относительно этого Бобуха трудно сказать — был ли он в рядах армии Вашингтона или в полку немецких наемников служил английскому королю.

Из этих людей самой яркой личностью был, конечно, Федор Васильевич Каржавин. Он, возможно, был единственным русским, кто попал в самую гущу событий, несмотря на то что не принимал непосредственного участия в военных действиях. Он организовывал провоз продуктов и боеприпасов через кордоны английских патрулей, блокировавших побережье.

Каржавин принадлежал к богатой петербургской купеческой семье и получил блестящее по тому времени европейское образование, знал в совершенстве французский язык. Возможно, французским влиянием на формирование его личности и можно объяснить его дальнейшие приключения в Америке и на островах Карибского моря.

Прежде всего мы находим его в Париже в начале 70-х годов, где (в 1774-м) он женится на девице Ш. Рамбур. В браке он, однако, счастья не нашел: как писал он позже в автобиографии, его жена оказалась "довольно капризной".

Расставшись с женой, Каржавин отправился в 1776 г. искать счастья за океаном — на о-в Мартинику. Так начались путешествия и приключения Каржавина в Новом Свете, продолжавшиеся 12 лет, до 1788 г. Несколько раз он побывал в Соединенных Штатах — с мая 1777 по 25 января 1780 г., т.е. в самый разгар войны.

Ввиду того что Франция явно симпатизировала восставшим колонистам в Америке, французская колония Мартиника превратилась в весьма важную базу для снабжения повстанцев. Каржавин, будучи человеком с коммерческой жилкой, решил пожить на этих поставках. Сам он писал о своем решении отправиться в Америку: "...желая удвоить свой капитал, по тогдашним критическим обстоятельствам, новоаглицкой торговлей, вступил я в товарищество с одним креолом (M-г Lassere), отправлявшим большое судно в Америку, положил в него свою сумму и сам на оном судне поехал в 13 число апреля 1777 года".

Отцу Каржавин писал, что на борту судна был обычный груз: вино, патока, соль... и ничего не упоминал о военном снаряжении для повстанцев. Однако в том же сообщении отметил, что корабль тот не совсем был "купцом", был прекрасно вооружен, а его самого судовладельцы назначили быть на нем "военачальным человеком". Это сообщение Каржавина подтверждает "Виргиния газетт": 16 мая 1777 г. к виргинским берегам прибыл корабль с о-ва Мартиника с грузом пороха, оружия, соли и т.д.

Это первое предприятие Каржавина было весьма опасным. В пути ему пришлось принять участие в морском сражении между английским капером и филадельфийским "полукупцом-полукапером". В тумане кораблю Каржавина удалось ускользнуть от англичан и благополучно добраться до берегов Виргинии.

22 месяца, с 1777 по 1779 г., пробыл Каржавин в Америке, занимаясь торговлей в различных городах и завязывая связи с круп-

ными политическими деятелями новоявленной республики. Высказывалось предположение, что в 1779 г., когда Каржавин жил в доме капитана Лапорта в Вильямсберге (Виргиния), он принимал активное участие в формировании на Мартинике и в Сан-Доминго французской воинской части из островитян.

Несмотря на первый успех, торговая деятельность Каржавина оказалась неудачной из-за эффективной блокады Американского побережья английскими каперами. В 1779 г. Каржавин снарядил корабль, загрузил его "богатым грузом" и отправился в обратный путь на Мартинику. Едва корабль отошел от берегов Виргинии, как был захвачен английским капером. Все деньги, вложенные Каржавиным в предприятие, были потеряны.

Видимо, потеря капитала привела к тому, что Каржавину пришлось в Америке заниматься чем придется, в частности быть аптекарем. В одном из писем он писал: "Я потерял три года, два корабля и все, что имел в Новой Англии, более 20 раз в течение этого времени я рисковал жизнью". И с горечью добавлял: "...помни, что ты больше ничего, как несчастный аптекарь, и вари свои лекарства для храбрых людей, которые отомстят твоим врагам, англичанам, за твоё разорение".

Одной из малоизвестных страниц биографии Каржавина является план посылки его конгрессом Соединенных Штатов со специальной дипломатической миссией в С.-Петербург.

Известно, что Каржавин был дружен с К. Беллини, профессором колледжа Вильяма и Мэри, близким другом Томаса Джефферсона. Поэтому вполне возможно, что Беллини в разговоре с Джефферсоном предложил кандидатуру Каржавина для этой миссии. Сведения на сей счет весьма скудны. Сам Каржавин писал об этом проекте родителям в Россию 1 сентября 1785 г.: «Лет тому 6 или 7 будет, как я жил на коште виргинского правительства месяцев 6 в Вильямсберге с намерением быть посланным к российской государыне от американского конгресса, с публичным характером, в то время как они отправляли доктора Франклина к королю французскому полномочным министром. Но обстоятельства военные, некоторые повороты в американских делах, памятование, что я был у Вас в немилости и страх российского министра Панина, ежели бы я, русский человек, послан был к своей государыне в публичном звании от иностранной короны и прочее, причинили мне предпочесть возвратиться на Мартинику на 74-пушечном французском корабле "Фандант"».

Возвращение на Мартинику не обошлось без происшествий: у входа в гавань французскому кораблю пришлось пробиваться с боем через линию английских кораблей. Каржавин пишет: "...сел на корабль, которым командовал маркиз де Водриоль, 25 января 1780 года в Малом Йорке и через 20 дней прибыл в Мартинику, претерпев при въезде в гавань пальбу целого англицкого флота".

С окончанием войны в Америке Ф.В. Каржавин опять вернулся в США и, как прежде, "обосновался в Виргинии". Сначала он жил в Смитфильде, позже поселился в "столице виргинской, городе Вильямс-

берге". По его собственным словам, "напоследок пробравшись до Виргинии, докторствовал там, купечествовал и был переводчиком языка англо-американского при канцелярии консульства французского".

Н.Н. Болховитинов отмечает, что в то время (как видно из письма Беллини к Каржавину от 1 марта 1788 г.) "в круг виргинских знакомых Ф.В. Каржавина входили такие известные лица, как будущий президент США Д. Мэдисон и один из наиболее просвещенных американцев того времени, профессор колледжа Вильяма и Мэри, Д. Уайз".

Вернувшись в Россию, Каржавин много писал о своих американских впечатлениях и о своем широком и многообразном круге знакомых. Нет сомнения в том, что его литературные труды в Америке, Франции и России способствовали пробуждению интереса этих стран друг к другу. Итак, Ф.В. Каржавин был первым русским человеком, который по собственной инициативе предпринял путешествие в Америку и прожил там значительный период времени как в годы Войны за независимость, так и после ее окончания.

Скончался Федор Васильевич Каржавин в возрасте 67 лет в 1812 г.

Меньше сведений о других русских подданных, подвизавшихся в Америке во время Войны за независимость. Известно, что в Филадельфии проживал аптекарь из Петербурга, по имени Карл Кист, прибывший туда из России еще до войны, в 1769 г. Как видно, в Филадельфии он преуспел и стал владельцем издательского дела. В американских источниках он упоминается как человек, который одним из первых заинтересовался использованием угля в качестве топлива. Процветая на деловом поприще, он едва ли принимал прямое участие в американской революции. Во всяком случае, мало что известно о его деятельности в те годы.

Веттер фон Розенталь в 1775 г. в возрасте 22 лет уехал из России в Америку, чтобы вступить в ряды революционной армии. Его военная карьера удалась: он получил чин майора и стал адъютантом Дж. Джексона и даже как будто познакомился с Дж. Вашингтоном. Фон Розенталью был присужден орден Цинциннати. После окончания войны он вернулся в Россию, где и умер в 1829 г.

Как было сказано, в дневнике Ф.В. Каржавина (запись от 29 мая 1782 г.) упоминается некий Захар Бобух из Ревеля, которого он встретил "среди немецких солдат в Америке". Опять-таки, по сведениям Каржавина, Бобух в свое время "выполнял для государыни Екатерины Вторые и для графов Орловых много алмазной работы на платье и был принужден вместо награждения бежать из России". Тот факт, что Бобух был в рядах немецких солдат, заставляет думать, что он принимал участие в американской войне скорее на стороне лоялистов, чем революционеров.

Упомянув имена русских, каким-то образом причастных к американской Войне за независимость или по какой-то причине живших в то время в Новом Свете, не лишне также отметить еще одного русского, прошедшего в те же годы через невероятные испытания и попавшего в Америку не по своему желанию и не по своей вине. Это нижегородский мещанин, купец 2-й гильдии Василий Баранщиков, который волею судьбы оказался жертвою датских рабовладель-

цев, похитивших его в Копенгагене в 1780 г. и отправивших в цепях в Америку. Баранщиков никакого участия в Войне за независимость не принимал, сначала был солдатом датских колониальных войск, затем — невольником на испанских плантациях о-ва Пуэрто-Рико. Высокий, статный, он пригласился генеральше, жене губернатора Пуэрто-Рико. Она выкупила его с плантации и сделала своим крепостным, кухонным мужиком. Дальше жизнь Василия напоминает судьбу героев Шекспира. Губернаторша благоволит своему невольнику и через камеристку передает ему ключик от одного из укромных покоев дворца. Жизнь Василия после нескольких лет тяжелой неволи стала сплошной масленицей.

В конце концов он добивается свободы, получает испанский паспорт и, поступив матросом на генуэзскую бригантину, отправляется в Европу, ближе к дому. Около Алжира 1 января 1784 г. на бригантину нападают алжирские пираты, и Василий становится рабом в городе Хайфа, на палестинском берегу, без какой-либо надежды на освобождение.

Через некоторое время ему неожиданно удается бежать на греческом судне, "не выдержав печали об отечестве своем России, христианской вере и малолетних детях, незабвенно в сердце его обращавшихся". Василий Баранщиков добирается на этом корабле до Венеции, где добивается получения венецианского паспорта. Из Венеции он через Стамбул пытается добраться до России, но застрелен в столице Оттоманской империи. Для безопасности, все еще обдумывая способы вернуться в Россию, Баранщиков по настоянию греческих друзей принимает мусульманство, имя Селим и даже становится янычаром султанской дворцовой стражи.

29 июня 1785 г. он дезертировал, с опасностью для жизни добрался до Дуная, с трудом перебрался через широкую реку, зорко охраняемую турецкой стражей, и через несколько дней оказался на берегу Днестра. Опять же с помощью добрых людей, на этот раз молдаван, он переправился через Днестр в местечке Сорока и оказался в Речи Посполитой.

Прошло несколько месяцев, прежде чем ему удалось наконец перейти русско-польскую границу около Киева и вернуться домой после вынужденного семилетнего отсутствия.

Интересно, что Василий Баранщиков был грамотным человеком и описал свои похождения, назвав книгу "Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 годы". Она была издана в 1787 г. — в год возвращения Баранщикова и оказалась весьма популярной. Почти сразу же вышло второе издание, в следующем, 1788 г. — третье, а в 1793 г. — четвертое издание.

Таковы подвиги и похождения русских в Америке во время Войны за независимость США. Список, безусловно, не полный, и, вероятно, дальнейшие исторические изыскания откроют ряд еще неизвестных нам имен россиян, живших в Америке в те годы.

ДВЕ ЭСКАДРЫ

С большим интересом прочел я обстоятельную статью Леонида Павлова "Русские друзья", появившуюся недавно на страницах "Нового русского слова", в которой он подробно рассказал о визите двух эскадр Российского флота в порты Нью-Йорка и Сан-Франциско в 1863 г. Из воспоминаний очевидцев этого события, приводимых автором, следует, что американцы восторженно и радушно принимали русских моряков, в их честь устраивались рауты и балы.

Ввиду важности этого события, точнее сказать, важного шага русского правительства, а также вследствие разногласия в его описаниях мне хотелось бы несколько раздвинуть рамки упомянутой статьи и уточнить некоторые факты, недостаточно ясно освещенные Л. Павловым. В первую очередь это касается вопроса о причинах и целях посылки эскадр в порты северных штатов.

"Более ста лет назад, — пишет Павлов, — в период гражданской войны в США, императорская Россия быстрым, решительным и смелым маневром вырвала инициативу из рук Англии и Франции, дала возможность северянам собрать и напрячь все свои силы и выиграть войну. Этим было сохранено единство нации и государства, которое существует благополучно и поныне".

Создается впечатление, что главной целью посылки эскадр было желание России оказать помощь северным штатам в их борьбе против южан и заодно выхватить инициативу из рук Англии и Франции, сочувствующих южным штатам. Так ли это было на самом деле?

На мой взгляд, чем дальше отодвигаются события 1863 г., чем больше накапливается исследований, тем шире круг сторонников той точки зрения, что Россия совершила смелый маневр, послав в помощь северным штатам обе эскадры на тот случай, если Англия и Франция выступят на стороне южан против северян.

В сборнике "Столетняя годовщина прихода русских эскадр в Америку (1863—1963), выпущенном издательством "Виктор Камкин, Инк." в 1963 г., вопрос о причинах и целях посылки эскадр был на основании документов подробно освещен. Сборник, кроме моей статьи, содержит статьи двух знатоков описываемых событий, историков А.Ф. Долгополова и А.Г. Тарсидзе. Укоренившиеся и, на мой взгляд, ошибочные мнения относительно целей прихода эскадр в Америку, возможно, объясняются тем, что все документы, в частности переписка участников событий, находились в недоступных архивах двух российских министерств — морского и иностранных дел. Материалы этих архивов царским правительством никогда не публиковались. В результате версии базировались скорее на догадках, чем на фактах. Правительство же хранило молчание.

Вернемся, однако, к фактам. Чтобы выяснить позицию России, вернее, ее отношение к гражданской войне в Соединенных Штатах, обратимся к донесениям российского посланника в Вашингтоне Э.А. Стекла, в которых он выражал беспокойство в связи с возможностью разделения Североамериканского союза на два государства. Несмотря на симпатии к Северу, Россия в лице своего посланника

старалась придерживаться политики полного нейтралитета и невмешательства во внутренние дела заокеанской республики. Весьма осторожный Стекло доносил министру иностранных дел князю Горчакову: "В случае попытки Южной Конфедерации добиться признания... мне кажется, что наиболее соответствующий нашим интересам и нашему достоинству ответ, который мы могли бы дать, был бы следующий: мы признаем Южную Конфедерацию тотчас, как только она, конституировавшись, урегулирует свое положение по отношению к республике Севера путем установления постоянных дипломатических отношений..."

Несмотря на возможность признания Юга, Стекло, однако, убеждал министерство иностранных дел не торопиться. Он писал: "Нам не следует проявлять излишней поспешности по отношению к сепаратистам, так как для наших политических интересов *желательно* сохранение Союза".

Стекло старался быть совершенно нейтральным в обострявшемся конфликте, чтобы на Россию и тени подозрения не пало в сочувствии какой-нибудь из сторон. Его беспокоило, что в армии северян появились русские добровольцы. 9 сентября (28 августа) 1861 г. он доносил Горчакову: "Мне говорили, что среди солдат, расположенных лагерем в окрестностях Вашингтона, имеется несколько добровольцев, русских подданных. Среди офицеров находится Струве, который в 1848 году участвовал в германской революции. Из газет я узнал также, что некий Турчанинов, бывший русский офицер, командует полком добровольцев штата Иллинойс... Не знаю, имеются ли наши подданные в Южной армии".

Горчаков, в той же мере боявшийся быть втянутым в гражданскую войну в Америке, писал Стекло 8 марта (24 февраля) 1862 г.: "Существенно важно не давать даже повода предполагать, что императорский кабинет имеет благоприятное или неблагоприятное мнение в отношении той или другой из обеих сторон. Такая осторожность диктуется нам позицией, которую мы заняли и которую хотим сохранить. Для нас нет ни Севера, ни Юга, а есть Федеральный Союз, на расстройство которого мы смотрим с сожалением, разрушение которого мы наблюдаем с прискорбием. Мы проповедуем умеренность и примирение, но мы признаем в Соединенных Штатах только то правительство, которое находится в Вашингтоне".

По всей вероятности, нейтральное отношение России к американскому конфликту продолжалось бы все время независимо от результатов гражданской войны и никаких эскадр в Америку не было бы послано, если бы в России в 1863 г. не вспыхнуло польское восстание, изменившее политическую ситуацию и международную обстановку. В результате восстания отношения России с Англией и Францией катастрофически ухудшились. Россия оказалась на грани новой войны с этими странами. И вот тут мы подходим к истинным причинам отправки эскадр в порты Соединенных Штатов.

События развивались следующим образом. 22 января 1863 г. в Варшаве началось восстание, и в течение каких-нибудь двух месяцев вся русская Польша была объята его пламенем. Эти события оказались

благоприятны для Англии и Франции, чтобы вмешаться в русские дела на стороне поляков. Пропольские симпатии были особенно очевидны во Франции, и восстание явилось поводом для императора Наполеона III послать письмо русскому императору Александру II с требованием восстановления независимого Польского королевства. Александр II, как и следовало ожидать, с негодованием отверг оскорбительное вмешательство Наполеона во внутренние дела России, в ответ на что Наполеон предложил Англии и Австрии немедленно объявить ей войну (Пруссия отказалась). Англия решила действовать более осторожно и произвести нажим на Россию дипломатическим путем. В апреле 1863 г. российскому правительству были направлены ноты, содержавшие требование разрешить польский вопрос конгломератом трех стран — Францией, Англией и Австрией, которое им было отвергнуто. За этим в июне того же года последовали ноты почти ультимативного характера. Нависла угроза неминуемой войны.

Англия и Франция попытались привлечь на свою сторону Соединенные Штаты, чтобы выступить с объединенной декларацией западных держав по польскому вопросу. Вашингтонский кабинет, однако, отклонил это предложение, так же как русское правительство отклонило подобные дипломатические ходы по вопросу о вмешательстве в конфликт между Севером и Югом. Стекло известил Горчакова о полученной им "конфиденциальной" информации от Государственного секретаря о том, что Наполеон делал предложения американскому правительству, требуя его поддержки в дипломатическом нажиме на Россию со стороны трех держав. Согласно Стекло, Сьюард заявил: "Это просьба, на которую мы в любом бы случае не согласились, тем более она не может подлежать обсуждению сейчас, когда собственные дела дают нам достаточно затруднений. В тот момент, когда отвергнута, как мы знаем, идея вмешательства в наши внутренние разногласия, по какому праву мы могли бы вмешиваться в дела других государств?" Император Александр, довольный подобным ответом Сьюарда, сделал пометку на письме Стекла: "Браво!"

Каковы же тогда были истинные причины посылки двух русских эскадр в американские порты? Документы военного министерства и министерства иностранных дел дают картину, отличную от той, которую рисовали в последние годы американские историки. Очевидно, что появление эскадр не было результатом ни опасений потерять их в русских портах в случае войны, ни исключительным желанием оказать помощь северянам. Хотя ясно и то, что в результате польского восстания Россия оказалась в невыгодном положении и в любой момент могла ожидать атаки объединенных сил противников.

Поэтому император Александр II остановился на смелом решении, подсказанном ему управляющим морским министерством Н.К. Краббе, "разрешить" польский вопрос в его международном значении так, как того требовало достоинство России, т.е. принудить державы немедленно отказаться от вмешательства в русские дела и возложить эту задачу на русский флот, которому надлежало осуществить ее у *берегов Америки*. Адмирал Краббе считал, что русский Балтийский флот слабее соединенных англо-французских морских сил и поэтому

бессилен воевать против них на Балтийском море. В таком же положении были русские морские силы в Тихом океане. Он пришел к убеждению, что лучший выход — это использовать флот "для демонстрации против Англии в самом чувствительном нерве ее политики — морской торговле; для этого следовало воспользоваться междоусобной американской войной, с тем чтобы демонстрация, враждебная Англии, была в то же время демонстрацией, дружественной в отношении Северных Штатов".

Контр-адмирал С. С. Лесовский

Выход обеих русских эскадр на просторы океанов поставит их в выгодное тактическое положение, так как в случае объявления войны все торговые коммуникации Англии и отчасти Франции окажутся под угрозой. "Политическое значение задуманной экспедиции оценивалось в том смысле, что из положения угрожаемого Россия сразу становилась в угрожающее". Из опасения многомиллионных убытков и полного расстройства торговли Англия должна была, по мысли Краббе, немедленно отказаться от совместного выступления с Наполеоном. Наполеон же не решится выступить только с Австрией, без поддержки Англии.

Секретные инструкции адмирала Краббе, посылаемые им командующему Атлантической эскадрой контр-адмиралу Лесовскому, как отмечалось, никогда не публиковались. Между тем в параграфе третьем этих инструкций ясно говорилось: "...в случае предвидимой ныне войны с западными державами действовать всеми возможными и доступными вам средствами против наших противников, нанося посредством отдельных крейсеров наименее чувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападения всюю эскадрою на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний".

Подобные же инструкции были отправлены командующему Тихоокеанской эскадрой контр-адмиралу Попову. И хотя пресса в то время уделяла много внимания Атлантической эскадре адмирала Лесовского, нам кажется, что адмирал Попов, командовавший Тихоокеанской эскадрой, был более колоритной фигурой. Попов проявил необычайную энергию, если не сказать прозорливость, в боевой подготовке своей эскадры за очень короткий промежуток времени — с момента назначения его командующим Тихоокеанской эскадрой в 1861 г. и до прихода эскадры в Сан-Франциско в октябре 1863 г.

Ввиду того что отношения России с Францией и Англией в то время были очень напряженными, адмиралу Попову была предоставлена полная свобода действий. Ему были даны инструкции лишь общего характера, например: отправлять отдельные суда для сбора сведений

”о всех английских, французских, голландских и датских колониях Тихого океана с подробным описанием степени их важности как мест снабжения для судов их флотов, и с указанием на те слабые стороны, с которых возможно им при удобном случае нанести с малыми силами значительный вред”.

Когда адмирал Попов после плавания в южных морях Тихого океана посетил в мае 1863 г. Шанхай, то обнаружил, что местные газеты полны рассказов о польском восстании, кроме того, в них высказывались предположения о неминуемой войне с Россией. Он немедленно перенес свой фланг на клипер ”Гайдамак” и вышел на нем в северный японский порт Хакодате, приказав идти туда же корветам ”Новик” и ”Калевала”, еще он отправил распоряжение всем судам своей эскадры покинуть китайские порты и собраться там же.

Адмирал Попов прекрасно понимал, что ”раньше, чем до отдельных русских судов дошло бы известие о начале войны, противники могли напасть на них в любом китайском или японском порту”, поскольку телеграфная связь находилась в руках англичан.

Прибыв в Николаевск-на-Амуре 8 июля 1863 г., Попов получил новые инструкции от адмирала Краббе, тот писал, что международная обстановка, осложнившаяся вследствие мятежа в Польше, вызывает необходимость принять меры, нужные для того, чтобы Попов ”мог по получении известия об открытии военных действий *направить свои суда на уязвимые места неприятельских владений, а также для нанесения противникам вреда на торговых путях сообщения*”.

Из этой депеши ясно, что инструкции Краббе были конкретными: нанести удар по линиям торговых путей предполагаемого противника. В заключение своей депеши адмирал Краббе писал: ”Политический горизонт настолько покрыт тучами... при могущих быть военных действиях вы не упустите нанести вред неприятелю везде, где это окажется возможным... с честью поддержите достоинство Русского флага на славу Государя и отечества”.

Интересно то, что в инструкциях управляющего морским министерством ничего не говорилось об отправке эскадры в Сан-Франциско. Адмирал Краббе только предписывал сконцентрировать эскадру в подходящем порту и с началом военных действий немедленно выступить против неприятельских путей сообщения. Решение пойти в Сан-Франциско и сконцентрировать там свою эскадру было принято адмиралом Поповым единолично. Он так писал адмиралу Краббе в докладе 3 августа: ”Я принял такое решение потому, что не имею здесь других указаний, кроме собственных своих соображений, которые мне говорят, что наши дальневосточные порты неудобны для сосредоточения, так как не представляют никаких способов ни для продовольствия эскадры, ни для необходимых исправлений. И следовательно, в случае даже своевременного получения известия о войне я, вместо того чтобы выбежать с полными запасами и совершенно исправными судами, отчего наиболее зависит успех наших действий, принужден буду выйти в море в таком состоянии, которое заставит нас искать не успехов, а пропитания, не борьбы с неприятелем, а широт, обещающих спокойное плавание. Кроме того, наши порты почтовых сообщений не имеют, а следовательно, я должен

буду держать одно из судов в Шанхае, откуда оно, наверное, не будет выпущено англичанами, потому что они, как я уже доносил, могут воспользоваться Бомбейскою почтою и телеграфом до Калькутты, а оттуда военными судами. Таким образом, англичане могут получить необходимые известия, по крайней мере, на две и даже на три недели ранее нас... Испанские, португальские и голландские колонии представляют нам не более удобные ручательства за успех нашей задачи... Республики Центральной и Южной Америки, разумеется, не осмелятся выгнать нас из своих портов, хотя они и наводнены поляками. Зато они, как и Мексика, не помешают ни французам, ни англичанам наблюдать за нашей эскадрой на своих рейдах. Таким образом, остаются С.-А. Соединенные Штаты, которым Англия и Франция надоели своими вмешательствами”.

Контр-адмирал А.А. Попов

Эти соображения привели адмирала Попова к решению пойти в Сан-Франциско, где он мог пользоваться услугами телеграфа для проведения в жизнь своего плана.

Что касается Атлантической эскадры контр-адмирала Лесовского, то ему в секретных инструкциях было предписано отправиться в Нью-Йорк. Инструкции, в общем, были идентичны с теми, которые были посланы адмиралу Попову. В уже цитированном третьем параграфе инструкций говорилось: "Цель отправления вверяемой вашему начальству эскадры состоит в том, чтобы в случае предвидимой ныне войны с западными державами действовать..." и т.д.

Как видно из этих инструкций, посылка эскадры в Америку была сделана не с целью ее спасения от врагов, а для того, чтобы "поставить ее в условия, наиболее благоприятные для открытия военных действий с максимальной энергией и продуктивностью против Англии и Франции”.

Наиболее серьезной проблемой было снабжение эскадры боеприпасами в случае военных действий, когда эскадра должна была курсировать в бесконечных просторах океана. Для подготовки снабжения эскадры во время войны в Вашингтон был послан капитан 2-го ранга Кроун.

В инструкции адмиралу Лесовскому подробно говорилось о снабжении судов эскадры запасами продовольствия в случае войны. Адмирал Лесовский должен был разработать подробный план для "рандеву" судов эскадры с коммерческими кораблями, зафрахтованными для

доставки продовольствия. Опять-таки возвращаемся к конфиденциальным инструкциям. Параграф 9 инструкций гласил: "Для принятия мер к обеспечению эскадры своевременным снабжением ее необходимыми запасами продовольствия командирится в Америку капитан 2-го ранга Кроун, который, по соглашению с вами, распорядится, при содействии нашего посланника в Вашингтоне, доставлением всего нужного на условленные рандеву в назначенные сроки. Опытность и испытанная распорядительность этого штаб-офицера могут служить ручательством, что эта важная сторона вверяемого вам дела будет исполнена вполне удовлетворительно".

На основании всего сказанного выше можно с уверенностью утверждать, что военные корабли Балтийского флота были отправлены в Америку не потому, что морское министерство хотело спасти их в американских портах в случае войны, наоборот, этот шаг был вызван желанием нанести максимальный ущерб торговым путям предполагаемого противника. Прибытие русских эскадр в американские порты вызвало крушение англо-французской коалиции, созданной с целью вмешательства на стороне восставших поляков в дела России, помешало им формально признать Южную Конфедерацию в Америке.

РУССКИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В США

ГЕНЕРАЛ ТУРЧАНИНОВ (ТУРЧИН)

Более ста лет прошло со времени гражданской войны в Соединенных Штатах. Судьба страны висела на волоске. Предвиделась возможность распада государства на две страны — свободный Север и рабовладельческий Юг. Кровопролитная война закончилась победой Севера. Соединенные Штаты остались соединенными ценой страшных человеческих потерь и экономического разорения Юга. В этой междоусобной борьбе на стороне свободного Севера участвовало много европейцев-добровольцев и среди них немало русских. Знаток этой темы покойный историк А.Ф. Долл (Долгополов) писал, что в рядах армии северян сражалось более ста русских волонтеров. История сохранила мало имен, одно из них — полковник генерального штаба Иван Васильевич Турчанинов, известный в Америке под фамилией Турчин, один из немногих иностранцев в американской армии заслуживший генеральский чин.

Ныне о гражданской войне опубликованы многочисленные исследования. Иван Турчин привлек внимание историков главным образом благодаря его исключительным организаторским способностям и воинской доблести. Заинтересовались Турчинимы не только американские, но и советские историки — в основном писатели. В Советском Союзе о нем написаны по меньшей мере четыре книги, не говоря уже о статьях и очерках.

В 1971 г. в Нью-Йорке вышла книга Ореста Городиського

"Генерал Иван В. Турчин — особый приятель президента Линкольна". Книга написана на украинском языке; Турчина автор считает украинцем.

Имеющаяся литература, хотя она и не очень объемиста, дает нам возможность теперь, через 90 лет после его смерти, возобновить память об этом необычайном человеке и перенестись мысленно в тот судьбоносный период в истории США, с которым была связана жизнь И.В. Турчанинова.

Терпеливый исследователь, изучающий жизнь и деятельность этого русского офицера, неожиданно покинувшего Россию в середине прошлого столетия и отправившегося в молодую заокеанскую республику, неминуемо станет задавать себе вопрос, ответа на который до сих пор не найдено. Что побудило или заставило молодого, подающего надежды офицера (уже в чине гвардии полковника), воспитанника Академии Генерального штаба, перед которым открывалась блестящая карьера, вдруг подать в отставку, уехать за границу, чтобы никогда уже не вернуться в Россию.

И.В. Турчанинов покинул Россию в 1856 г., т.е. вскоре после кончины императора Николая I. Вся его сознательная жизнь, ученье и военная служба проходили в годы царствования Николая I. Советские историки и писатели, оценивая правление Николая I как деспотическое, предполагают, что Турчанинов увлекся либеральными идеями, поэтому перебрался в Англию, где первым делом посетил Герцена. Это было время, когда Европа содрогалась от последствий революционных событий 1848 г. и венгерского восстания, в подавлении которого молодой Турчанинов принимал участие.

Однако был ли он заражен революционным духом, неизвестно, никаких доказательств тому нет. Он никогда и нигде не писал и не говорил о своем увлечении революционными идеями, но либералом он мог быть. Даже если Турчанинов относился неприязненно к правлению Николая I, то почему он эмигрировал после смерти императора и по вступлении на престол Александра II, от которого ожидали больших перемен? Конечно, какой-то элемент разочарования и неудовлетворенности был. Возможно, что дух некоторого либерализма присутствовал, если Турчанинов нашел нужным навестить в Лондоне Герцена и познакомиться с ним. В любом случае нельзя твердо утверждать, что Турчанинов был во власти революционных

*Иван Васильевич Турчанинов (Турчин)
(из коллекции Е.А. Александрова)*

идей и это заставило его покинуть Россию. Скорее это был дух авантюризма, в его лучшей форме, желание принять участие в строительстве нового молодого государства. Кем, в сущности, был Турчанинов? Никаких темных страниц в истории его военной карьеры не было: его репутация была безукоризненна. Теперь через 135 лет, прошедших с момента принятия им решения, в корне изменившего его судьбу, мы задаемся вопросом, было ли это решение благо-разумным? И ответ напрашивается сам собой. Турчанинов вписал свое имя в американскую историю, имя его, вероятно, никогда не забудется, и мы, его соотечественники, всегда будем гордиться "нашим" американским генералом.

Если бы Турчанинов остался в России, нет никакого сомнения в том, что он своими талантами принес был неоценимую пользу своей стране, но... в России были десятки таких одаренных людей, делавших "блестящую карьеру". Вероятно, все они в конце концов закончили свой земной путь парадными похоронами с военными, духовыми оркестрами, игравшими "Коль Славен" и похоронные марши. Имена их с годами забылись и исчезли из народной памяти. С другой стороны, Турчанинов, отказавшийся от карьеры и избравший иной путь, прославился в новой стране и обессмертил свое имя.

Попробуем проследить жизненный путь этого необыкновенного человека.

Родился Иван Васильевич Турчанинов в городе Новочеркасске (обл. Войска Донского) в 1822 г. в семье отставного офицера. Исторические изыскания приводят две даты его рождения: 24 декабря и 30 января. Неизвестно, какая из них правильная, но проф. А. Парри указывает в одной из своих статей, что на могильном памятнике Турчанинова значится дата рождения 24 декабря 1822 г. Советские источники, такие, как "Красная звезда", "Литературное наследство" и другие, считают датой рождения 30 января 1822 г.

Насколько можно установить из семейной хроники нынешних потомков Турчаниновых, род их ведет свое начало от кошевого Запорожской Сечи Салтана, принявшего православие и новое имя — Павел Турчанинов.

Дед Ивана, Петр Турчанинов, участвовал в войне с турками в 1770 г., и за отвагу и решимость в боях был отмечен главнокомандующим русской армией, фельдмаршалом Румянцевым, который произвел его в офицерский чин. Одновременно Румянцев обратился к императрице с просьбой даровать Турчанинову дворянское звание, и эта просьба была удовлетворена. Таким образом, дворянский род Турчаниновых ведет свое начало от Петра Турчанинова, жившего в царствование императрицы Екатерины II.

Из детей Петра Турчанинова известны двое: Павел Петрович (1725—1839), достигший высокого чина (генерал-лейтенанта), соратник Кутузова, с которым он участвовал в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. и в Отечественной войне 1812—1814 гг., и Василий Петрович, рано прервавший военную карьеру и вышедший в отставку в чине войскового старшины. Василий Турчанинов поселился в области Войска Донского, в городе Новочеркасске.

Иван Васильевич Турчанинов, будущий американский генерал, пошел по стопам остальных Турчаниновых — избрал военную карьеру. Свое образование он начал в Первом кадетском корпусе в Петербурге, куда поступил в десятилетнем возрасте в 1832 г. Через три года его перевели в Войсковую классическую гимназию в Новочеркасске.

По окончании гимназии Иван Турчанинов поступил в Михайловское артиллерийское училище, которое закончил в 1843 г. По получении первого офицерского чина Турчанинов был назначен в батарею конной артиллерии Войска Донского в Новочеркасске, где прослужил до 1848 г.

События в Венгрии в 1838—1849 гг. были первым испытанием для молодого офицера на полях сражений. Это испытание он выдерживает с честью и по возвращении поступает, пройдя по конкурсу, в Академию Генерального штаба, которую заканчивает с серебряной медалью в 1858 г. В чине секунд-майора Турчанинов назначается в свиту цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II, в то время командовавшего императорской гвардией.

Там Турчанинова застала Крымская кампания, во время которой ему как офицеру Генерального штаба было дано ответственное поручение произвести детальное обследование побережья Балтийского моря (Финского залива) от Нарвы до Петербурга, для того чтобы разработать систему обороны побережья от возможного нападения английского флота и высадки десанта. Это поручение было им прекрасно выполнено. Турчанинов получил повышение — был произведен в чин гвардии полковника.

В 1855 г. отдельный гвардейский корпус был переведен в Польшу, и полковник Турчанинов был направлен туда на должность начальника штаба корпуса. В Польше он женился на Надежде Антоновне Львовой, а через несколько месяцев неожиданно подал в отставку и летом 1856 г. вместе с молодой женой покинул Россию.

Как уже говорилось, Турчанинов отправился в Англию, где посетил Герцена. Насколько известно, Герцен нигде не упоминал об этом знакомстве — возможно потому, что у них не нашлось общности во взглядах. Об этой встрече известно из письма к Герцену самого Турчанинова, написанного им из Америки только через три года после встречи (в марте 1859 г.) из города Маттуна, штат Иллинойс. К этому периоду у Турчанинова уже прошла горечь первых лет жизни на Восточном побережье Америки. Один из советских авторов, Д.И. Заславский, писавший в "Литературном наследстве" (1955), отмечал, что у Турчанинова было предстательство об Америке как "о стране безграничных незанятых земель, баснословного плодородия, легкой возможности стать хозяином на своем участке, как о стране свободы и равенства...". И дальше Заславский пишет: «И русский искатель социальной справедливости, сбросивший с себя мундир гвардейского полковника царской армии, отправился за океан в "обетованную землю буржуазной демократии"». Заславский, однако, признает, что Турчанинов не был революционно настроенным человеком, а, наоборот, считает, что тот был во власти "буржуазных иллюзий".

Американский период жизни Турчанинова начался в Нью-Йорке, куда он прибыл в августе 1856 г. Вскоре Турчаниновы переехали

на ферму. Они приобрели участок земли с домом на Лонг-Айленде, где пытались заняться сельским хозяйством.

Через год в стране разразился экономический кризис, и доморожденные фермеры лишились участка и всех своих средств. К этому же времени относится и решение Турчанинова переменить свою труднопроизносимую фамилию на "Турчин". Теперь он стал Джон Базиль Турчин.

После неудачи с фермой Турчины переселились в Филадельфию, где начали учиться: Иван Турчин поступил в инженерное училище, которое вскоре успешно закончил, а его жена Надежда Антоновна (Надин) — в филадельфийское медицинское училище.

Их тянуло на Запад, в обширные, девственные прерии, где они надеялись найти применение своим способностям. В 1858 г. Турчины отправились на Запад, где поселились в городе Маттун, в штате Иллинойс. Город был очень маленький всего 150 домов. Здесь Турчины прижились. И.В. Турчину удалось устроиться архитектором. Он стал принимать активное участие в политических делах, вступил в республиканскую партию.

Письма к Герцену относятся к этому периоду, их обнаружено всего два: одно от самого Турчина, другое — от Надин.

Иван Васильевич начинает свое письмо к Герцену так: "Назад тому почти три года — это было, если не ошибаюсь, в начале июня, когда только что кончилась Крымская война и Его Величество изволил собираться короноваться, — к Вам явился в Лондоне гвардейского Генерального штаба полковник Турчанинов; это был я. Как ни коротко было наше знакомство, но мое желание видеть Вас лично, чтобы в наружности Вашей прочесть — те ли действительно Вы, что мне мерещилось, когда я читал Ваши сочинения, было удовлетворено". Письмо длинное. В нем Турчанинов описывал свои первые впечатления об Америке, разочарования, неудачи, но тем не менее отмечал: "Что касается до меня лично, то я за одно благодарю Америку: она помогла мне убить наповал барские предрассудки и низвела меня на степень обыкновенного смертного; я переродился — никакая работа, никакой труд для меня не страшен; никакое положение не пугает; мне все равно, пашу ли я землю и вожу навоз или сижу с великими учеными новой земли в богатом кабинете и толкую об астрономии".

Дальше он пишет о своих неудачах: "До сих пор мне не очень везет здесь, но я не в претензии на судьбу, я искал этого сам. Я имел под Нью-Йорком маленькую ферму, на которой, несмотря на все мои усилия, не мог жить; искал места по геодезическим работам и береговой государственной съемке — не успел; на эти вещи здесь более чем где-нибудь нужна протекция какой-нибудь личности, а не мемуаров, с которыми я явился! Живу теперь чертежами и рисунками, я отличный чертежник и хороший портретист и вообще рисовальщик и от нужды обеспечен". И дальше: "Я хочу приобрести право называться гражданином Северо-Американских Соединенных Штатов, чтоб иметь ярлык на некоторую безопасность в только свободной Западной Европе, и тогда посмотрю, что делать".

Как видно, Турчин занимался и литературными трудами. В том же письме Герцену он пишет следующее: "Считая человеческим правом не только не зарывать талант, какой есть, в землю, но смело и громко развивать идеи справедливости, свободы и личной независимости, я посылаю Вам две из пьес, написанных мною здесь, для напечатания в Вашем журнале. Когда будете писать, уведомьте, понравятся ли они Вам, и тогда я могу переслать Вам еще кое-что".

Турчин также писал Герцену о том, что у его жены есть определенный талант писательницы, и обращался к Герцену с просьбой помочь ей опубликовать ее повесть на французском языке: «Моя жена, которая имеет несомненный и сильный талант писателя, начала ряд повестей на французском языке; она владеет им прекрасно... Стала писать по-французски из расчета, ибо французскую повесть можно продать; сюжетом взяты сцены из русской жизни и положение современной женщины... Объемом повесть эта будет равна двум книжкам, таким, как Ваша книжка "С того берега"».

Надин Турчина в своем письме очень критически отзывается об американских женщинах, которых ей пришлось наблюдать. Об этих первых впечатлениях она пишет: «Американская женщина, принадлежащая к высшей "респектабельности" — тщеславнейшее, надменнейшее и пустейшее создание. Наряды, чванство, желание блеснуть, сыграть роль принцессы, леди — идеал ее жизни; нигде роскошь туалетов не доведена до такого бессмысленного излишества, нигде так открыто и нагло не кланяются деньгам».

Но критический ум Н. Турчиной находит в Америке и другое: «...несмотря на глупое направление высшего класса и глупую обезьяническую подражательность низшего, тянущегося изо всех жил за "модой" и "респектабельностью", здесь встречаются вещи удивительные, делающие глубокое впечатление... К этим явлениям... принадлежит известная Люси Стоун, которую разные благонамеренные журналы в Европе и здесь стараются выставить с такой глупо-смешной стороны. К ним же принадлежат два маленькие училища для женщин-докторов, заведенные несколько лет тому назад: одно в Филадельфии, а другое в Бостоне». Н. Турчина с восторгом отзывается о девушках-медичках, посвятивших себя врачебной профессии перед лицом оппозиции со стороны врачей-мужчин. И конечно, она восторгается американской свободой: «Вообще свобода на деле великая вещь! Несмотря на корыстолюбивое направление и тупоумную надменность "янки", здесь встречаются вещи, способные укрепить веру в возможность и необходимость "самоуправления"». К сожалению, конец письма Н. Турчиной не был обнаружен.

На этом след Турчиных потерялся до начала гражданской войны, во время которой Турчин нашел применение своей военной профессии и в горниле страшной войны увековечил свое имя и приобрел славу. В 1859 г. Турчин покинул тихий Маттун и переселился в другой, молодой, но быстро растущий город, Чикаго, где ему было предложено место инженера-топографа на Иллинойской центральной железной дороге с жалованьем, обеспечивавшим нормальные жизненные условия. Надежда Антоновна нашла работу врача.

Судьба решила так, что Турчин, проработав на железной дороге в Чикаго два года, познакомился с людьми, которые впоследствии сыграли большую роль в его военной карьере. Прежде всего, он познакомился с вице-президентом Иллинойской железнодорожной компании Дж.Б. Макклелланом, а затем с адвокатом из Спрингфилда Авраамом Линкольном.

В начале гражданской войны Дж.Б. Макклеллан в чине генерал-майора был назначен на пост главнокомандующего армиями Севера. Может быть, уместно и интересно отметить, что Макклеллан еще в 1855 г. посылался в Россию военным департаментом США, чтобы изучить на месте опыт, накопленный за время Крымской кампании. Позже место генерала Макклеллана занял генерал Натаниэль Банкс. Оба генерала с большим интересом обсуждали с Турчиным многие насущные проблемы военного дела. Оба генерала позже играли заметную роль в военных операциях во время гражданской войны, а Линкольн, как известно, стал президентом страны.

В апреле 1861 г. раздались первые выстрелы, начавшие кровопролитную гражданскую войну. Президент Линкольн обратился к жителям Севера с просьбой вступать добровольцами в армию. Натаниэль Банкс сразу был принят на военную службу в чине генерал-майора. Иван Турчин также предложил свои услуги в качестве военного эксперта губернатору штата Иллинойс.

В июне 1861 г. добровольцы Иллинойса, укомплектовавшие два Иллинойских полка, 19-й и 21-й, решили провести выборы своих ротных и полковых командиров. На пост командира 19-го полка были выставлены две кандидатуры: Турчина и бывшего армейского капитана Улисса Гранта. Грант ничем особенно не выделялся, и добровольцы 19-го полка предпочли ему "дикого казака" Турчина — он должен был заменить молодого и неопытного 22-летнего командира Джозефа Скотта, который был более чем доволен сложить с себя обязанности и сделаться помощником командира полка в чине подполковника. Новому командиру было присвоено звание полковника армии Соединенных Штатов. Капитан Грант тоже был избран на пост командира полка, 21-го Иллинойского, и тоже стал полковником. Впоследствии, как известно, Улисс Грант прославился, командовал армией, а после войны стал 18-м президентом страны.

С этого времени начинается увлекательная история военной карьеры Ивана Турчина в армии северян. Вместе с ним пошла в армию и его жена Надежда Антоновна, ставшая сестрой милосердия в полку мужа.

* * *

Военная карьера Ивана Турчина в Америке началась, в сущности, так же, как карьера его деда, выбранного когда-то на должность кошевого в Запорожской Сечи. 19-й полк состоял из более чем тысячи человек. Главным образом это были сыновья из зажиточных чикагских семей, среди них небольшой процент составляли фермеры, пошедшие в армию, чтобы наказать "бунтовщиков" южан. Дисциплина в полку

была слабая, вернее, ее просто не было. Турчин сразу принял энергичные меры по усилению не только дисциплины, но и боевых качеств полка. Прекрасно зная демократические нравы добровольцев, граждан Иллинойса, он стал действовать уговорами, обещая создать из разношерстной толпы банковских и прочих клерков в военной форме сплоченный и дисциплинированный боевой полк. И это ему удалось! Главным образом он научил своих солдат умелому, "русскому" штыковому бою.

Позже, когда полк Турчина стоял в городе Элизабеттауне, штат Кентукки, в расположение полка неожиданно прибыл командир дивизии, бригадный генерал Дон Карлос Бьюэлл, устроивший смотр полка. Генерал был несказанно поражен воинским духом, дисциплиной и боевыми качествами солдат. Вскоре после этого посещения генерал высыл Турчина по службе, дав под его команду бригаду из четырех полков, хотя Турчин все еще был полковником.

Однако... вернемся назад, к описанию деятельности Турчина в хронологическом порядке. Карьера Турчина не была легкой. Человек военный до мозга костей, заботившийся прежде всего о благополучии своих солдат, Турчин довольно часто имел столкновения с так называемыми штатскими генералами — банкирами и торговцами, надевшими военную форму. Эти столкновения не прибавляли ему популярности...

Первое столкновение произошло вскоре после его назначения командиром полка. После месячной подготовки в Чикаго полк был отправлен в штат Миссури для охраны железной дороги от нападений небольших групп южан. Многие жители Миссури сочувствовали южанам и по некоторым сведениям на всякий случай припрятавали у себя дома флаги конфедератов.

Доставка снаряжения и продуктов 19-му полку еще не была налажена, поступали жалобы, что солдаты крадут продовольствие у местных жителей. Командир бригады Стивен А. Хэрлбэт написал Турчину резкое письмо, осуждая поведение его солдат. Турчин ответил, что не поведет свой полк в бой, если не будет налажена доставка провианта. Полку был отдан приказ вернуться в Иллинойс. После этого полк некоторое время стоял в Сент-Луисе.

Все это были еще предварительные операции и передвижения, нечто вроде военной подготовки. И только в середине сентября наконец был получен приказ отправиться в штат Виргиния и присоединиться там к действующей армии Потомака, уже имевшей столкновения с армией южан. 19-й полк срочно погрузился в вагоны и двумя эшелонами направился по железной дороге к месту назначения.

В роковой день 17 сентября оба эшелона подошли к деревянному мосту через речку Бивер-крик в штате Индиана. Первый поезд с пятью ротами полка благополучно миновал мост. Затем двинулся второй поезд, с остальной половиной полка и штабом. В одном из вагонов был полковник Турчин с женой и другими полковыми дамами. В тот момент, когда поезд въехал на мост, раздался страшный грохот — опоры моста не выдержали, подломились и часть вагонов рухнула вниз. Всего упало в воду шесть вагонов. Вагон с Турчиными остался на мосту.

Уцелевшие офицеры во главе с Турчиным кинулись спасать пострадавших. Дамы перевязывали раненых. На бинты рвали свои нижние юбки.

На следующий день в городе Цинтиннати Турчин подсчитал свои потери и ужаснулся: погибло 25 человек, включая одного офицера — капитана, и 114 ранено. Позже, по окончании войны, Турчин говорил, что ни в одном сражении он не потерял столько людей, как в этой катастрофе на мосту через Бивер-крик.

Вместо отправки на фронт полк был возвращен обратно и для пополнения отправлен в штат Кентукки. Здесь, в городе Элизабеттаун, полк получил пополнение. По сведениям проф. А. Парри, здесь в полк вступил новый доброволец русского происхождения Александр Смирнов, приехавший сюда из города Оттавы специально, чтобы служить под командой соотечественника, уже известного в армии полковника Турчина.

Как было отмечено выше, в Элизабеттауне был устроен смотр полку генералом Дон Карлосом Бьюэллом, только что назначенным командовать армией вместо генерала Уильяма Шермана, получившего повышение. После смотра Турчин стал командиром 8-й бригады Армии Огайо, в составе дивизии генерал-майора Ормсби М. Митчелла. Эта бригада состояла из четырех полков: 19-го и 24-го Иллинойских, 18-го Огайского и 37-го Индианского. Бригада находилась в Кентукки до февраля 1862 г., до того, как был отдан приказ Армии Огайо выступить против южан.

Здесь интересно отметить, каким было отношение русских властей к участию русских добровольцев в американской гражданской войне. Выше уже говорилось о донесении посланника Стекля на этот счет. 12(24) февраля он снова писал в Петербург, что в армии Севера сражается "русский офицер, некий Турчанинов, который, как он полагает, покинул Россию без разрешения... Здесь не место офицеру, который имел честь служить под знаменами нашего августейшего монарха". Горчаков на этом донесении приписал: "Нет, конечно".

Между тем с назначением полковника Турчина командиром 8-й бригады против него начались интриги среди обойденных сослуживцев. Стали искать случай придраться к нему. Стали требовать удаления из армии Надин Турчиной. Присутствие женщины на боевых позициях считалось недопустимым, несмотря на то, что Турчина числилась в бригаде военным врачом.

Все это время бригада Турчина находилась на передовых линиях и стремительно наступала в авангарде армии генерала Бьюэлла. Наступление было настолько энергичным, что уже к концу февраля 1862 г. Армия Огайо с бригадой Турчина во главе ворвалась в штат Теннесси и захватила его столицу Нашвилл.

В апреле, когда армия генерала Гранта и Бьюэлла сражались около города Шило, бригаде Турчина был отдан приказ прорваться в Алабаму и захватить город Хантсвилл. Это задание было блестяще выполнено бригадой. Хантсвилл, расположенный на стыке железной дороги, связывающей города Мемфис и Чарльстон, был захвачен и линии коммуникации южан оказались перерезанными. Действия Тур-

чина получили высокую оценку высшего командования, он справедливо ожидал повышения в чине. Но в это время случились события, повредившие его военной карьере.

Турчин оставил один из своих полков, 18-й Огайский, для охраны небольшого города Атенс (Афины). В мае конный отряд южан совершил внезапный набег на городок и жестоко расправился с солдатами 18-го полка, не ожидавшими нападения. Мятежники не брали пленных и перебили всех северян, попавших к ним в руки.

Полковник Турчин, получив сведения о кровавой расправе над солдатами его полка, поспешил в Атенс, чтобы произвести расследование. Там он получил сведения, что жители города, сочувствовавшие конфедератам, стреляли в северян из окон домов. Турчин якобы разъярился и отдал город на расправу своим солдатам. Что там произошло, точно неизвестно. Исследователи приводят различные версии. Известно только, что жители города пострадали.

А.Ф. Степанов пишет о налете южан на город: "Атака была отбита, но многие вероломные жители города пострадали от рук разъяренных солдат 18-го Огайского полка". В таком же духе пишет Джеймс А. Трайкл. «Полковник взорвался: "Я закрываю глаза на два часа", — провозгласил он и отдал город в полное распоряжение своих солдат"». Проф. Парри также отмечает, что "были эксцессы со стороны чинов бригады", но в то же время считает, что сообщения об актах мести бригадой Турчина очень преувеличены. И наконец, один из советских исследователей, Д.И. Заславский, пишет следующее: "Сражение при городе Афины (Алабама) носило особенно жестокий характер. На зверства южан солдаты Турчанинова ответили беспощадной расправой. Это дало повод обвинить Турчанинова в жестокости".

Начальник дивизии, в составе которой находилась 8-я бригада, генерал Митчелл прибыл в Атенс и произвел там расследование. Он не нашел никакого состава преступления со стороны Турчина и был вполне удовлетворен тем, что он узнал. Во всяком случае, Митчелл отказался привлекать Турчина к ответственности. Но командующий Армией Огайо не был удовлетворен и, возможно, под давлением недругов Турчина отдал приказ о предании его военному суду (А. Парри).

На суде председательствовал бригадный генерал Джеймс А. Гарфилд, впоследствии 20-й президент США. Турчин держался на суде с большим достоинством и категорически отказался признать себя виновным во всех предъявленных обвинениях, кроме одного — присутствия в армии его жены, каковое он объяснил тем, что она находилась в его бригаде в качестве врача.

Дж. А. Трайкл отмечает, что Гарфилд в письме к другу писал о суде следующее: "Мы ожидали увидеть неотесанного мужика, типичный продукт царской власти... Однако он держался как человек глубоко благородной души и тем самым покорил наши сердца". Турчину инкриминировали молчаливое согласие на ряд расправ, учиненных его солдатами над мирным населением, поведение, недостойное офицера и джентльмена и неподчинение приказам.

Сторонники Турчина утверждали, что военный суд состоял из

офицеров, тайно сочувствующих конфедератам и бывших сторонников рабовладения. Так это было или нет, но суд признал Турчина виновным. Решением суда полковник Джон Базиль Турчин подлежал исключению из армии США.

Однако этим дело не кончилось. Газеты Севера, особенно в Чикаго, подняли шум, требуя восстановления в правах офицера Турчина, геройски командовавшего Иллинойским полком, а затем и бригадой на полях сражений. Мало того, из Чикаго в Вашингтон во главе с Надин Турчиной отправилась депутация с тем, чтобы вручить президенту Линкольну петицию. Результаты этой акции превзошли все ожидания. Как видно, Линкольн, еще до этих событий имевший намерение повесить Турчина в чине, быстро во всем разобрался и не только восстановил Турчина в правах, но и даровал ему следующий чин — бригадного генерала. Это решение президента, подписанное 17 июня 1862 г., конечно, остановило происки недоброжелателей Турчина.

Теперь Турчин мог вернуться к своим частям, но он медлил. Ему не хотелось возвращаться в свою бригаду опять под команду генерала Бьюэлла, отдавшего его под суд. Он решил выждать и вернулся в Чикаго, где ему была устроена триумфальная встреча. Жители города преподнесли ему почетный меч.

Генерал Турчин вернулся в армию только в марте 1863 г. и следующие полтора года были, вероятно, самыми блестящими в его военной, боевой карьере. К этому времени генерал Бьюэлл, предавший Турчина суду, сам лишился командования армией за неудачную операцию при Перривилле. Его пост занял генерал майор-Уильямс С. Розекранс. Произошла реорганизация Армии Огайо, и она получила новое название Армии Кумберленда. Этой армии сразу же пришлось вести кровопролитные бои при Стони-Ривер. По сведениям проф. А. Парри в этих боях особенно отличился 19-й Иллинойский полк, командование которым принял бывший помощник Турчина полковник Скотт. Полк понес большие потери и сам Скотт, друг Турчина, погиб в этом бою.

Генерал Турчин, вернувшись в армию, получил под свою команду 3-ю бригаду 4-й дивизии. Это был год, принесший победы Турчину и его бригаде. Замечательными были его участие в сражениях под Чикамогой и за Миссионерский кряж. Своими стремительными и лихими атаками в этих сражениях генерал Турчин открыл путь и дал возможность армии северян войти в Чаттанугу и Ноксвилль.

Год 1863 и особенно сражения под Чикамогой и на Миссионерском кряже явились переломными в этой войне. Первое сражение под Чикамогой произошло 19—20 сентября, когда армия северян встретилась лицом к лицу с главными силами южан. Как всегда в бою, впереди всех шла бригада генерала Турчина. Перед лицом страшного огня южан Турчин приказал бригаде примкнуть штыки и повел своих бойцов в штыковую атаку на позиции южан. Атака была настолько стремительной, что бригада прорвалась сквозь передовые линии южан и оказалась у них в тылу, окруженная явно превосходящими силами противника. Тогда Турчин повернул бригаду и снова отдал

приказ "в штыки", на этот раз в обратном направлении. Эта неожиданная новая атака стала известна в истории гражданской войны как Турчинская атака в тылу. Бригада не только вышла из окружения, но еще захватила более трехсот пленных и несколько орудий. Во время этих атак под Турчиным была убита лошадь.

В "Турчинской атаке" погиб русский сержант 19-го Иллинойского полка Александр Смирнов, поступивший в армию северян, чтобы служить под командой Турчина.

В сражении за Миссионерский кряж генерал Турчин командовал 1-й бригадой 3-й дивизии 14-го армейского корпуса. Состав его бригады известен из официального рапорта, в котором Турчин описывал сражение и отмечал отличившихся солдат и офицеров. В бою бригада была в усиленном составе и состояла из следующих полков: 11-го, 17-го, 31-го Огайских, а также 32-го Индианского.

Бригада получила приказ 25 ноября пойти на штурм Миссионерского кряжа вместе с другими бригадами корпуса. Бригады слева и справа, будучи не в состоянии вести наступление под губительным огнем южан, залегли и стали окапываться. Тогда Турчин вскочил, поднял свою бригаду и бросился вверх по склону горы. Три полка — 11-й, 31-й и 36-й — были первыми, ворвавшимися на вершину кряжа, в то время как остальные бригады все еще оставались внизу. Вскоре подошли остальные полки Турчина. На вершине бригадой были захвачены три неприятельских орудия.

А.Ф. Долгополов так описывает подвиг Турчина в штурме Миссионерских высот: "Армия северян, прижатая к реке у города Чаттануги, была в опасном положении. Бригадный генерал Турчин лично повел свои войска на штурм Миссионерских высот. Внезапной безумной атакой были захвачены неприступные позиции конфедератов. Была захвачена вся артиллерия противника, знамена, пленные, обозы".

Историки отмечают, что в результате захвата Миссионерского кряжа бригадой Турчина для армии генерала Шермана открылся путь к основным базам противника. Судьба гражданской войны была решена.

Генерал Турчин в своем рапорте о сражении особенно отмечал решительность и смелость полковых командиров своей бригады и представлял их к наградам и повышению. Он также отметил, что было захвачено много пленных, которые были им отправлены в тыл без счета из-за недостатка времени. Потери бригады были существенные: убито 6 офицеров и 51 солдат, ранено 11 офицеров и 211 солдат. Четыре солдата пропали без вести.

В архиве есть еще один рапорт генерала Турчина, от 1 марта 1864 г., в котором он сообщал, что его бригада, состоящая из полков: 11-го, 89-го и 92-го Огайских и 82-го Индианского, выступила 22 февраля из Чаттануги в Ринггольд, в штате Джорджия. Пройдя Ринггольд, бригада 25 февраля попала под артиллерийский огонь неприятеля, находившегося на вершине холма. Полки Турчина с ходу пошли в атаку и захватили позиции после ожесточенного боя. В этом неожиданном бою бригада потеряла 10 человек убитыми и 77 ранеными. Среди раненых было два офицера.

После этих серьезных боев бригада на пути к Атлантическому океану участвовала только в небольших стычках. Неприятель явно уклонялся от серьезных боев и отступал. Турчин дошел со своей бригадой до реки Чаттахучи, от которой оставалось всего шесть миль до пункта, с которого можно было видеть океан. Но до океана Турчин не дошел.

В жаркий июньский день 1864 г. у него случился солнечный удар. Турчин остался жив, но принимать участие в дальнейшем походе не смог и 4 октября того же года вышел в отставку. Ему в то время было 42 года.

Военная карьера генерала Турчина закончилась, они с женой вернулись в Чикаго.

В свое время немало писалось о смелости и энергии жены генерала Турчина. Она была не только сестрой милосердия, но и солдатом. Во время стремительного наступления через Алабаму в 1862 г. в самый опасный момент она приняла командование над авангардом наступающего 19-го Иллинойского полка и повела его на противника, который был рассеян.

Историк А.Ф. Долгополов, тщательно изучавший участие и достижения русских добровольцев, и особенно генерала И.В. Турчина, в гражданской войне в Америке, дает выдержки из официальных докладов того времени, относившихся к доблести русского офицера. В начале 1961 г. в журнале "Лайф" печаталась серия очерков, посвященных войне Севера и Юга. В этих статьях даже имя генерала Турчина не упоминалось. В связи с этим Долгополов послал письмо в редакцию "Лайфа", а его русский перевод был напечатан в журнале "Родные дали" за февраль 1961 г. Он писал: «В "Лайф" от 20 янв. с.г. (1961) помещена динамическая картина атаки Миссионерского кряжа 11-м полком волонтеров Огайо, дивизии Бэйрда. К сожалению, я должен заметить, что вы упустили тот факт, что этот полк входил в состав бригады генерала Турчина... Ген. Турчин и его бригада были первыми, достигшими вершины кряжа на крайнем левом фланге; они захватили 9 орудий и несколько знамен».

Дальше Долгополов цитирует выдержки из рапорта самого генерала Бэйрда, командира 3-й дивизии 14-го армейского корпуса: "Я видел, как генерал Турчин прошел траншеи противника и был значительно выше по направлению противника к вершине хребта. Два флага его, окруженные группой воодушевленных храбрецов, обогнали всех остальных и добрались до самой вершины".

Из того же тома официальных документов он цитирует рапорт командира 82-го Индианского полка, полковника И. Хантера, находившегося под началом Турчина: "Заканчивая свой рапорт, я прошу разрешения выразить генералу Турчину и его штабу величайшее удовлетворение от меня и моих подчиненных за умение, которое они доказали своим руководством во время семидневных боев и особенно выразить наше восхищение храбростью, которую они проявили, проведя блестящую атаку и захватив у противника Миссионерский кряж".

В заключение Долгополов пишет: "Памятная бронзовая доска

в честь бригады Турчина на месте битвы гласит: "Один из его флагов был первым во всей дивизии, достигнувшем вершины".

В Чикаго Турчины прожили до 1873 г. Там он продолжал работать на Центральной железной дороге. Солнечный удар пошатнул здоровье Турчина. В сущности он никогда не оправился от него полностью.

В 1873 г. Турчин решил переехать в южную часть штата и там, в 300 милях на юг от Чикаго, основал городок на железной дороге, который был им назван по имени польского города Радома. По каким-то своим причинам он решил основать в Радоме колонию выходцев из Польши. Реклама дала результаты, польские семьи стали селиться в Радоме и его окрестностях, и к 1886 г. там уже жило 500 польских семей (А. Парри).

И.В. Турчин стал заниматься литературной деятельностью и опубликовал две книги о гражданской войне. В одной из них он описал сражение под Чикамогой, дав его детальный анализ. Своего старого друга генерала Маккелллана он охарактеризовал как прекрасного инженера, но весьма нерешительного военачальника.

Сведения, имеющиеся о жизни Турчина в Радоме, дают весьма грустную картину его жизни в преклонные годы. Жил он в бедности, иногда зарабатывал на жизнь игрой на скрипке, участвуя в концертах в небольших городках Иллинойса. А. Парри пишет, что когда сведения о бедности Турчина достигли Вашингтона, то два его бывших подчиненных, сенатор Дзожеф Б. Фаракер, бывший капитаном в его бригаде, и генерал С.Х. Гровенор, тоже служивший в бригаде Турчина в чине капитана, добились того, что конгресс в конце концов назначил отставному бригадному генералу И.В. Турчину ежемесячную пенсию в 50 долларов.

Турчин умер 18 июня 1901 г. в возрасте 79 лет. Его похоронили с воинскими почестями на национальном военном кладбище в городе Маунт-Сити (Иллинойс). Надежда Антоновна ненадолго пережила мужа и умерла 17 июля 1904 г. в возрасте 78 лет.

На памятнике над могилой Турчиных никаких эпитафий нет, только имена и даты рождений и смертей. Джеймс А. Трайкл в статье в журнале "Америка" писал, что лучшей эпитафией Турчину были бы слова, сказанные о нем его соратником: "Он был одним из самых всесторонне образованных и знающих солдат страны. Он любил нашу страну сильнее, чем многие ее уроженцы".

* * *

У "американцев" Турчиных детей не было. От других ветвей рода Турчаниновых в Америке сейчас живут двое прямых потомков боевого кошевого Запорожской Сечи Павла (Салтана) Турчанинова. Это Вера Александровна Форбс и Александра Борисовна Турчанинова. Есть также отпрыски рода Турчаниновых в Скандинавии.

Приведу еще один отрывок из статьи А.Ф. Долгополова "Эскадра адмирала А.А. Попова в Сан-Франциско в 1863—1864 годах" из того же сборника, посвященного столетней годовщине со дня прихода эскадр в Америку. Долгополов пишет: "В это время за тысячи миль от Сан-Франциско сотни русских добровольцев с оружием в руках сражались в рядах армий Соединенных Штатов. Разгром армии северян под Чикамугой 19—20 сент. 1863 года стоил жизни 16000 человек, в их числе сержанту 19-го полка Иллинойса Александру Смирнову. Отступление, вернее бегство, прикрывал 14-й корпус. Головная бригада корпуса под командой генерала Турчина (бывшего полковника русского Генерального штаба, донского казака Ивана Васильевича Турчанинова), расстреляв все патроны, пошла в штыковую атаку и, произведя смятение в рядах врага, дала возможность армии отступить. Будучи окружена врагами со всех сторон, бригада Турчина штыками проложила дорогу, захватив 300 пленных... Эта победа была одной из первых крупных побед северян, и с этого момента военное счастье и победы сопутствовали армии Севера".

Имя Ивана Васильевича Турчанинова навеки вписано в анналы истории гражданской войны в Америке. И мы, представители русского зарубежья, вправе гордиться и гордимся нашим славным соотечественником.

П. А. ДЕМЕНТЬЕВ

Необычна судьба гвардейского офицера Петра Алексеевича Дементьева, переселившегося в Америку летом 1881 г. Подобно полковнику Турчанинову, Дементьев покинул Россию без всяких видимых причин. Есть смутные сведения, что он, как и Турчанинов, заразился либеральными идеями, возможно, жаждал реформ. Очевидно, оба они не считали для себя возможным жить в России.

П.А. Дементьев известен теперь как строитель железной дороги во Флориде, а также как основатель приморского города, названного им Санкт-Петербург, тоже во Флориде, на берегу Мексиканского залива.

Карьера Петра Алексеевича Дементьева в Америке исключительно интересна. Аристократ, человек изнеженный и не привыкший ни к какому труду вообще, Дементьев в Америке не погнушался заняться трудом фермера, потом рабочего на лесопилке. Благодаря предприимчивости и расторопности он добился успеха и купил собственное дело — лесопилку. Дела шли хорошо, и Дементьев начал принимать участие в банковских операциях, стал партнером в различных коммерческих предприятиях. Постройку железной дороги и основание города можно считать апогеем его деятельности. А вначале у него, насколько известно, было всего девять акров земли, которые он сумел расчистить и засадить апельсиновыми деревьями. Жизнь в джунглях была тяжелой, но тем не менее Дементьеву удалось довести свой доход до 1000 долларов в месяц, что по стандартам того времени было совсем неплохо. Он переименовал фамилию на более благозвучную

для американского уха и стал Питером Деменсом. С улучшением финансового положения Деменс с семьей переселился в городок Лонгвуд недалеко от Орланда, построил дом и даже приобрел рояль. Затем он занялся подрядами на строительство домов. К этому времени (через три года после приезда в Америку) на лесопилке Деменса и в других его мастерских работали уже около ста рабочих. Диапазон его деятельности расширился. В 1886 г. он построил церковь в городе Сан-Августин, отель в колледже Роллинс в Уотер-парке и еще один отель в Сарасоте.

Именно в то время у Дементьева зародились грандиозные планы постройки железной дороги через малозаселенную часть Флориды от города Санфорд до побережья Мексиканского залива до так называемого мыса Пинеллас-Пойнт, на расстояние в 150 миль. С постройкой железной дороги Дементьев думал оживить этот район, а на берегу основать портовый город, назвав его С.-Петербург в память родного его города на Неве.

Постройка железной дороги оказалась весьма трудным делом. Не хватало денег. Нужно было искать и убеждать компаньонов, которые согласились бы рискнуть своими деньгами. Строители работали в чрезвычайно тяжелых условиях — леса кишели ядовитыми змеями, воды — аллигаторами. Рабочих мучали комары и желтая лихорадка.

Финансовые затруднения казались почти непреодолимыми, и только редкая сила воли и непреклонное желание помогли Дементьеву довести дело до конца. Железная дорога была закончена 30 апреля 1888 г., и первый поезд пришел из Санфорда на берег Мексиканского залива 1 июля. Новое селение на берегу, как и задумал Дементьев, было названо Санкт-Петербургом.

Радость Дементьева по поводу осуществления его мечты омрачалась тем, что вложенные им в строительство дороги деньги не окупались. Тем не менее Дементьев еще построил в новом селении вокзал (между прочим, в русском стиле), трехэтажную гостиницу "Детройт" (сохранившуюся до нашего времени), а кроме того, углубил гавань и построил пристани.

Однако железная дорога его разорила. Он продал часть своих акций и, покинув Флориду, поселился в городе Ашвилле в Северной Каролине. Там он вновь начал знакомое дело, лесопилку, и поправил дела. Прожил он в Ашвилле недолго. Через три года, в 1892 г., Дементьев с семьей переселился в Южную Калифорнию, точнее, в Лос-Анджелес, где открыл прачечную — довольно успешное предприятие, но вскоре купил большой участок земли в местечке Альта-Лома, в 40 милях на восток от Лос-Анджелеса. Здесь он прожил с 1894 по 1919 г., здесь же и скончался в возрасте 68 лет.

Живя в Калифорнии, П.А. Дементьев 1893—1914 гг. активно сотрудничал в петербургском "Вестнике Европы". Журнал опубликовал несколько его очерков и статей под псевдонимом П.А. Тверской.

Через два года после смерти Дементьева скончалась его жена Раиса Семеновна. После них осталось пятеро детей — три сына и две дочери. Сыновья уехали из Альта-Ломы, а дочери остались жить в доме

родителей. Старшая, Инна Деменс, умерла в 1945 г. Младшая, Вера, бывшая замужем за графом Андреем Алексеевичем Толстым, умерла совсем недавно, в 1982 г.

С годами имя основателя Санкт-Петербурга во Флориде совершенно забылось. Только после второй мировой войны, когда в штате появились русские организации, такие, как, Флоридский отдел Конгресса русских американцев, Русский клуб и другие, возобновился интерес к основателю города. Поселившийся здесь проф. А.А. Сокольский начал исторические изыскания в библиотеках и архивах. Флоридский отдел Конгресса русских американцев убедил муниципальные власти города увековечить имя его основателя. После долгих совещаний и хлопот городской парк вблизи залива был назван "Деменс Лэндинг", а через два года в этом парке Деменсу был поставлен памятник.

Факт признания заслуг основателя города и строителя 150-мильной железной дороги из Санфорда в Санкт-Петербург является результатом долгих кропотливых поисков и неутомимой деятельности проф. А.А. Сокольского.

ВЫХОДЦЫ ИЗ РОССИИ ВО ФЛОРИДЕ

Проф. А.А. Сокольскому посчастливилось обнаружить во флоридских библиотеках сведения и о других русских, покинувших Россию даже раньше Дементьева и поселившихся во Флориде. Расскажу коротко о двух его открытиях.

Федор Каменский, уже хорошо известный русской публике скульптор, ученик Н.С. Пименова, покинул Россию в 1871 г. После недолгого пребывания в Канзасе он перебрался в 1883 г. во Флориду, в город Клируотер, где купил участок земли в восемь акров и построил дом на берегу Мексиканского залива.

Как и в случаях Дементьева и Турчанинова, неизвестно, по каким причинам Каменский покинул Россию.

Когда Каменский поселился в Клируотере, там жили всего 16 семейств. Его приезд совпадает по времени с приездом Дементьева. Проф. А.А. Сокольскому удалось установить, что первая жена Каменского умерла во Флоренции, оставив ему дочь Софию. София Каменская позже была учительницей в Нью-Джерси. В Америке Каменский женился вторично, на уроженке Швейцарии, у них было трое детей.

В том же 1883 г. к Каменскому из России приехал племянник Иван Филиппов, родители которого владели конными заводами на юге России. Иван Филиппов во Флориде преуспел, сделавшись крупным строительным подрядчиком. В Клируотере он построил театр "Капитоль", гостиницу "Скронтон", здания муниципалитета и первого банка и много других домов, украсивших город.

ВНУК ПЕТРА ВЕЛИКОГО В АМЕРИКЕ

Фантастическую историю о внуке Петра Великого, сыне казненного царевича Алексея, сообщает историк русской эмиграции в Америке И.К. Окунцов¹.

По его сведениям, одним из первых русских иммигрантов в Америке был граф Мекленбургский, сын царевича Алексея Петровича и Евдокии—"кухарки". (Окунцов, очевидно, дает ошибочное имя крепостной, на которой женился Алексей Петрович. Историк С.М. Соловьев, пишет, что у Алексея была любовница Афросинья (Ефросинья) Федорова, крепостная Никифора Вяземского.)

И.К. Окунцов пишет, что неизвестно, каким образом внук Петра Великого, граф Мекленбургский, оказался в Америке, но сообщает, что до этого он был на английской военной службе. Мать же его Евдокия (?) жила где-то в одном из южных штатов. По мнению Окунцова, граф Мекленбургский имел претензии на русский престол, но был предупрежден, что в случае каких-либо попыток с его стороны будет убит. Еще Окунцов пишет, что Екатерина II, узнав о существовании претендента на престол, посылала к нему графа Нессельроде, который якобы предложил графу Мекленбургскому большую сумму денег за молчание о своем происхождении, на что граф в конце концов согласился. Умер он в преклонном возрасте в городе Гартфорде, штат Коннектикут.

ЭПИЛОГ

На этом мы заканчиваем описание, конечно, неполное, роли русских в истории Америки до конца XIX в. По вполне понятным причинам в эту книгу не включены имена русских, прибывавших в Америку в начале века XX. Это были уже не отдельные иммигранты, а "волны", тысячи людей, бросивших родину из-за политических событий и перемен в России.

Кроме тысяч крестьян, хлынувших в Америку на заработки из бедных западных губерний России в первые годы XX в., нужно особенно отметить наплыв русской интеллигенции, покинувшей Россию в разгар гражданской войны. Ученые, художники, музыканты, писатели, поэты, артисты — цвет нации — были бесценным приобретением для Америки и невосполнимой трагической потерей для России.

Культурную жизнь Америки в 20-х годах обогатили такие деятели, как авиаконструкторы Сикорский и Северский, социологи Питирим Сорокин и Тимашев, зоолог Петрункевич, металлург Тимошенко, историки Вернадский, Ростовцев и Карпович, композиторы Рахманинов, Гречанинов и Черепнин, писатели Гусев-Оренбургский и Гребенщиков, химик Ипатьев, физик Гамов, изобретатель телевидения Зворыкин, ихтиолог Гальцов, византолог Васильев... Всех имен не перечислить.

¹ Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

✓ *Адамов А.* Первые русские исследователи Аляски. М., 1950. ✓

Адамов А. Г. И. Шелихов — замечательный русский мореплаватель и исследователь. М., 1951.

Алексеев А. И. Колумбы росские. Магадан, 1966. ✓

Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975.

Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в 18—19 веках: Сб. материалов. М., 1944. ✓

Архимандрит Евлогий. Жизнь и апостольские труды митрополита Иннокентия (Вениаминова) // Журн. Московской патриархии. 1975. N 3.

Барсуков И. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. 1883.

Бендер Н. Имена русских людей на карте мира. М., 1948. ✓

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М., 1946.

Бломквист Е. Э. История изучения в России языков североамериканских индейцев // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1975. Т. 31.

Вишняков Н. Россия, Калифорния и Сандвичевы острова // Русская старина. 1906. Т. 36. Ноябрь. ✓

Головин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе "Камчатка" в 1817, 1818 и 1819 гг. СПб., 1822.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765. М., 1960.

Григорьев Д. Д. Апостол Аляски // Ежегодник православной церкви в Америке. 1976.

Епископ Григорий Аляскинский. Путешествие о. Иоанна Вениаминова в Форт Росс в 1836 году // газ. Новое русское слово. 1976. 12 марта.

Епископ Тихон. К 60-летию прибытия

в Ситку Высокопреосвященного Иннокентия в сане епископа Алеутского 27 сентября 1841 года // Американский православный вестник. 1901. N 18.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном ледовитом и Тихом океанах, XVII — первая половина XVIII веков. М., 1950. ✓

Завалишин Д. И. Калифорния // Русский вестник. 1865. Т. 60. ✓

Завалишин Д. И. Дело о колонии Росс // Там же. 1866. Т. 62. ✓

Завалишин Д. И. Вселенский Орден Восстановления и отношения мои к Северному тайному обществу // Русская старина. 1882. Т. 13.

Загуменный В. Г. На морских путях в Калифорнию. М., 1964.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954. ✓

Ключарева А. Пропаший колокол Форты Росс // газ. Русская жизнь. Сан-Франциско, 1962. 16 авг.

Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах... на корабле Неве... СПб., 1812. Ч. 1—2. ✓

Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968. ✓

✓ *Марков С.* Юконский ворон: Летопись Аляски. М., 1977.

Невский Н. Н. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951. ✓

Окладников А. П. От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова // Вопр. истории. 1976. N 6.

Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976. ✓

Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М., 1939. ✓

Пасецкий В. М. Очарованный надеждой. Л., 1970.

Пасецкий В.М. Фердинанд Петрович Врангель. М., 1975.

Петров В.П. Форт Росс // газ. Новая Заря. Сан-Франциско, 1945. 28 июня.

Петров В.П. Сага Форты Росс. Вашингтон, 1961—1963. Кн. 1: Принцесса Елена; кн. 2: Конец мечтам.

Петров В.П. Колумбы российские. Вашингтон, 1971.

Петров В.П. Камергер двора. Вашингтон, 1973.

Петров В.П. Краткий очерк об историческом памятнике пребывания русских в Калифорнии в начале прошлого столетия, 1812—1841 гг. Лос-Анджелес, 1974.

Петров В.П. Завершение цикла. Лос-Анджелес, 1975.

Петров В.П. Русская Америка. Лос-Анджелес, 1975 (2-е изд. 1978).

Петров В.П. Форт Росс и его культурное наследие. Лос-Анджелес, 1977 (2-е изд. 1978).

Полчанинов Р. Уголок коллекционера // газ. Новое русское слово. 1976. 27 июня; см. также: Американский православный вестник. 1897. N 18, N 24; Русско-американский вестник. 1972. N 11.

Потехин В. Селение Росс. СПб., 1859.

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956.

Свет Я.М., Федорова С.Г. История пятнадцати // Бригантина. М., 1971.

Седых А. Форт Росс // 200-летие открытия Аляски: Юбилейный сборник, 1741—1941. Сан-Франциско, 1941.

Седых М. Колокол Форты Росс // газ. Русская жизнь. Сан-Франциско, 1945. 17 авг.

Слодкевич В.С. Из истории открытия и освоения русскими Северо-Западной Америки. Петрозаводск, 1956.

Сокольский А.А. Необыкновенная жизнь русского в Америке // газ. Новое русское слово. 1980. 22 июля.

Сокольский А.А. Русские в С.-Петербурге. Флорида, 1982.

Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861—1863. Ч. 1—2.

Федорова С.Г. К вопросу о ранних русских поселениях на Аляске // Летопись Севера. М., 1964.

Федорова С.Г. Флаг Российско-Американской компании // От Аляски до Огненной земли. М., 1967.

Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971.

Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова. СПб., 1835.

Черницын Н.А. Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков // Летопись Севера. М., 1962. Т. 3.

Чиж Г. К неведомым берегам. М., 1962.

Шур Л.А. К берегам Нового Света. М., 1971.

Andrews C.L. The story of Alaska. 1938.

Bancroft H.H. History of California. 1886. Vol. 18—19.

Chevigny H. Russian America. N.Y., 1965.

Essig E.O. The Russian settlement at Fort Ross // Quarterly of the California Historical Society. San Francisco, 1933. Vol. 12, N 3.

Gibson James R. Imperial Russia in Frontier America. N.Y., 1976.

Golder F.A. Russian expansion on the Pacific. 1914.

Golder F.A. Guide to materials for American history in Russian archives. 1917.

Pierce R.A. Russia's Hawaiian adventure, 1815—1817. Berkeley; Los Angeles, 1965.

Pierce R.A. Prince D.P. Maksutov, last governor of Russian America // Journal of the West. 1967. Vol. 6, N 3.

Pierce R.A. The Russian period of Alaskan History // Proceedings of the Conference on Alaskan history, June 8—10, 1967.

Sherwood M.B. Alaska and its history. 1967.

Tompkins S.R. Alaska: Promyshlennik and Sourdough. Norman (Okla.), 1945.

Tompkins S.R. Another view of Russian America: A comment // Proceedings of the Conference on Alaskan history, June 8—10, 1967.

Tompkins S.R., Moorhead M.L. Russia's approach to America // British Columbia Historical Quarterly. 1949. Apr., July/Oct.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Часть I

Пролог	6
О Русской Аляске. Мысли вслух	8
Русская Америка. Исторический обзор	13
Селение Росс и его основатель Иван Александрович Кусков	34
Население Форта Росс	63

Часть II

Григорий Иванович Шелихов	66
Александр Андреевич Баранов	70
Николай Петрович Резанов	76
Герман Аляскинский	81
Иннокентий (Иоанн) Вениаминов	85
Декабристы и Русская Америка	96
Правители Русской Америки	99

Часть III

На Аляску	110
В Ситке	115
Юбилейные торжества на Аляске	124
На Уналашке	135
190 лет православия в Америке	141

Часть IV

Русские в Войне за независимость США	145
Две эскадры	150
Русские в гражданской войне в США	156
Генерал Турчанинов (Турчин)	156
П. А. Дементьев	170
Выходцы из России во Флориде	172
Внук Петра Великого в Америке	173
Эпилог	173
Литература	174